

И С Т И Н Н А Я Р О С С И Я

АЛЕКСАНДР ГОРЯНИН

РОССИЯ

И С Т О Р И Я У С П Е Х А

[ПОСЛЕ ПОТОПА]

РИПОД
КЛАССИК

Москва, 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Горянин, А. Б.

Г67 Россия. История успеха. После потопа / А. Б. Горянин. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – 320 с. – (Истинная Россия).

ISBN 978-5-386-02281-5

История России – это история успеха, и тема эта едва открыта. «Ушедшая» после 1917 года историческая Россия никуда не ушла. Миллионами ростков она пробилась сквозь щели и трещины коммунистической утопии, изломала и искрошила ее скверный бетон, не оставив противоестественной постройке ни одного шанса уцелеть. Это одна из величайших побед нашей истории. Судьбу России всегда решало чувство самосохранения ее жителей, которым было что терять. На исходе XX века Россия сумела отвоевать свободу слова и печати, свободу передвижения, предпринимательства, конкуренции, многопартийную систему, свободу творчества и вероисповедания. И сегодня российское общество адекватно задачам, стоящим перед ним.

Книга писателя, политолога, публициста Александра Горянина заставит размышлять о многом — ведь перед вами портрет здоровой России, очищенный от мифов катастрофизма. Подсказывайте автору новые доводы и спорьте с ним: gorianin@hotmail.com.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-02281-5

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2010

Предисловие

Вы держите в руках вторую часть книги «Россия. История успеха». Ее можно читать и независимо от первой, но в этом случае не помешает ознакомиться с настоящим предисловием.

История России — это история успеха. Ничто не предвещало, что малочисленный юный народ, поселившийся в первые века нашей эры среди глухих лесов дальней оконечности тогдашнего мира — в краю хоть и благодатном, но страшно далеко от существовавших уже не одну тысячу лет очагов цивилизаций, — что этот окраинный, незаметный поначалу народ выйдет на первые роли в мире, создаст сверхдержаву и самое большое по территории и ресурсам государство.

Сама возможность появления исполинской единой державы на пространстве от Черного, Каспийского, Балтийского, Белого и Баренцева морей до Тихого океана и превращения его в мировую державу при опоре на скудную экономическую базу и редкое население выходит за пределы вероятия.

Попытки заново, шаг за шагом, смоделировать процессы создания и возвышения российского государства приводят к удивительному выводу: такое государство невозможно, слишком уж много сил и факторов препятствовали как его «сборке», так и удержанию. Но нашим предкам удалось невозможное. Избыток скромности или недостаток зоркости до сих пор мешает нам оценить российский путь как чудо. Но однажды осознав это, изумляешься: как это мне раньше не пришло в голову?

То, что русский этнос возвысился, не имея, казалось бы, никаких шансов — это еще и аванс истории, и он пока не вполне отработан нами. Или отработан? Ведь в XX веке именно мы сумели, ценой огромных жертв, победить два самых грозных тоталитаризма в истории: один вовне, другой внутри. Наши жертвы спасли и остальное человечество. Это смогли только мы — и никто больше на свете! А значит, **МЫ МОЖЕМ ВСЁ.**

В ответ на утверждения (часто звучащие) о том, что наши предки выбрали для своего расселения слишком суровый край, следует прямо заявить: край был угадан замечательно. Русской равнине неизвестны землетрясения, тайфуны, торнадо, самумы, пыльные бури, селевые потоки и прочие природные излишества, здесь нет вулканов, здесь изобилие лесов и вод, но неведома чудовищная тропическая влажность, не бывает изнуряющей жары и чрезмерных морозов.

Оценить, какое это сокровище, ныне смогли те из наших соотечественников, которые, прожив полжизни в России, оказались в странах, а таких большинство, где лето напоминает парную баню. Или там, где регулярно трясет — привыкнуть к этому невозможно, прогнать мысль о землетрясении, способном случиться в любой миг, невозможно, но с этим живут две трети человечества. Такие слова, как «суховея» и «саранча», появились в нашем языке, лишь когда Россия изрядно продвинулась на юг, а слово «гнус» — после углубления в зону северной тайги и лесотундры.

Более половины (51 %) территории России покрыто лесами, наш лесной фонд не имеет равных в мире (22 % мирового). Россия располагает крупнейшими запасами стратегических минеральных ресурсов и энергоносителей, в том числе третью мировых запасов газа, железа и никеля, 40 процентами металлов платиновой группы, четвертью мировых запасов незамороженной (т. е. не в виде массивов льда, как в Антарктиде или Гренландии) пресной воды. На просторах России представлены все климатические зоны, кроме тропиков.

У нас хватает не только холодных пространств, у нас более чем достаточно теплых. У России до 10 процентов пахотных

земель мира и есть значительный резерв для увеличения этого показателя. Российская территория совершенно уникальна в стратегическом и геополитическом отношении, у нее огромный транзитный потенциал, это самая перспективная территория мира. Трудно было расположиться на глобусе удачнее, чем удалось России.

Правда, с этим согласны у нас не все. В последние годы несколько «народных климатологов» наплодили книжек про наш ужасный климат, делающий нерентабельным — в отличие от Канады и США — любое сельское хозяйство и во все времена обрекавший крестьянина на нищету. Одно непонятно: отчего же в Сибири не было бедняков? В Гражданскую войну сибирские крестьяне, видя большевистскую газету «Беднота», отказывались брать ее в руки. Они делали вывод (верный, как позже оказалось), что их хотят загнать в бедность. Да и в Европейской России благополучие крестьян — пока там были крестьяне, а не колхозники — повышалось почему-то с юга на север. Как ни тяжело наблюдать муки дилетантов, запутавшихся в чуждых им областях знаний, приходится признать: им удалось сбить с толку множество людей. Именно поэтому российским пространствам — нашей главной исторической удаче — уделено в первой части книги особое внимание. А также сравнениям нашего климата с чужеземным.

Если очертить на карте провинции и штаты «пшеничного пояса» Канады и США (Манитоба, Альберта, Онтарио, Саскачеван, Северная и Южная Дакота), то в России им по природно-климатическим условиям будут точно соответствовать — за вычетом постоянных торнадо — наши Новосибирская, Омская, Курганская, Кемеровская области, Алтайский край, юг Красноярского края, юг Тюменской области, Оренбургская, Волгоградская и Астраханская области. А ведь у нас есть и куда более благоприятные для сельского хозяйства регионы. Эта тема разработана в первой части книги достаточно подробно.

Масштабы и размах России таковы, что она не могла бы влиться в какое-то наднациональное объединение, вроде Ев-

росоюза, стать его частью. Россия — это такая величина, которая не может быть (и не нуждается в том, чтобы быть!) частью чего бы то ни было. Только частью человечества.

* * *

Почему в Европе — да и повсюду, где население достигало достаточной плотности, — и в древности, и в Средние века, и в Новое время не стихали войны? Изучив сотни войн, знаменитый русско-американский социолог Питирим Сорокин в своей книге «Голод как фактор» еще в 1922 г. показал, что, «какие бы ярлыки ни наклеивались на мотивы войны», в конечном счете они ведутся за выживание, за пищевые ресурсы. Исключения, вроде сугубо династических войн, на этом фоне редки.

Мы с детства усвоили, что наши предки «вели непрерывные оборонительные войны, отстаивая свою независимость». Вели, конечно. Только непрерывными их назвать нельзя. Страна без четких природных рубежей не могла не подвергаться нападениям, но Русская земля, как совокупность княжеств, мало где и мало когда прилегала непосредственно к землям агрессивных и могущественных соседей. Попросту говоря, захватчикам еще надо было до нее добраться. Лишь южное «подбрюшье» Руси веками оставалось угрожаемым, подвергаясь постоянным набегам кочевников.

С остальными же соседями скорее повезло. Попытки натиска на Русь с запада не имели в Средние века серьезных последствий, поскольку были отражены. Северные пришельцы, варяги, быстро растворились в славянской среде: уже внук Рюрика носит имя Святослав. Для сравнения: норманны покорили Британию в XI в., но вплоть до XV в. двор и знать говорили по-французски не только в своей среде, но даже с народом — французским языком указов («ордонансов»).

Если соседи слишком докучали, в крайнем случае имелась возможность от них отодвинуться — было куда. Активность кочевников Причерноморья привела к упадку Киева и переносу столицы в спокойный Владимир. Но надо помнить, что

от княжеских междоусобиц погибало, судя по летописям, больше людей, чем от набегов кочевников — до появления Орды, конечно.

Нашествие Батыя (1237—1241) и длительное ордынское иго стало первой национальной катастрофой в истории Руси. Многие города, чьи названия известны из летописей, исчезли, и об их былом местонахождении спорят археологи. О масштабах регресса говорит хотя бы то, что надолго исчезают сложные ремесла, на многие десятилетия прекращается каменное строительство. Русь платила завоевателям дань («выход»). Они не держали на Руси гарнизонов, но предпринимали карательные походы против строптивых князей.

Ордынское иго не вылилось в утрату государственности. Более того, Орда на полвека прекратила княжеские междоусобицы, да и возобновившись, они уже не достигали прежнего размаха. Русь, хоть и была данницей, не утратила независимость, вступая в сношения с соседями по своему усмотрению, а «выход», по мнению Л. Н. Гумилева и других авторов, был платой за защиту. Под этой защитой начался процесс консолидации русских земель, чему способствовала и церковь, освобожденная от дани. Иго было бы много тяжелее, не будь монголы народом без письменности и даже без религии, т. е. если бы они считали себя носителями некоей великой миссии. К счастью, в пору Батыева нашествия религию монголам еще заменяли шаманы; буддизм, а с ним и письменность стали внедряться в их среде лишь в конце XIII в.

Что же касается дани, то, как показали В. Л. Янин, С. М. Каштанов¹ и С. А. Нефедов, она была невелика. Знаменитая десятина собиралась не каждый год, а раз в 7—8 лет. То есть дань составляла примерно 1,5 % крестьянского дохода. Сообщения летописей о «дани великой» связаны с нерегулярностью сбора — дань, скопившаяся за много лет, действительно становилась «великой».

С «ордынским периодом» нашей истории многое неясно. Родословные книги пестрят записями вроде: «*Огаревы* —

¹ С. М. Каштанов. Финансы средневековой Руси. — М., 1988.

русский дворянский род, от мурзы Кутлу-Мамета, выехавшего в 1241 г. из Орды к Александру Невскому». То есть во времена ига (Гумилев часто брал это слово в кавычки) иностранцы идут на службу к князьям побежденной, казалось бы, Руси! И каждый шестой — из Орды.

С усилением Московского княжества ордынский гнет слабеет. Распоряжения ханов Золотой Орды, не подкрепленные военной силой, русскими князьями уже не выполнялись. Московский князь (1359—1389) Дмитрий Донской не признал ханские ярлыки, выданные его соперникам, и силой присоединил Великое княжество Владимирское. В 1378 г. он разгромил карательное ордынское войско на реке Воже, а два года спустя одержал победу на Куликовом поле над ханом Мамаем, которого поддерживали Генуя, Литва и Рязанское княжество.

В 1382 г. Русь вновь ненадолго была вынуждена признать власть Орды, но сын Дмитрия Донского, Василий, вступил в 1389 г. в «великое княжение» без ханского ярлыка. При нем зависимость от Орды стала носить номинальный характер. Попытка хана Едигея восстановить прежние порядки (1408) обошлась Руси дорого, но Москву он не взял. В ходе десятилетия последующих походов ордынцы разоряли окраины Руси, однако главной цели не достигли. А там и сама Орда распалась на несколько ханств.

Возвращаясь к теме «агрессии европейских держав», следует заглянуть в хронологические таблицы: за 376 лет между отражением вылазки Тевтонского ордена в Северо-Западную Русь (Ледовым побоищем) и отражением польской интервенции в 1605—1618 гг. случилось несколько русско-литовских войн (в то время, по сути, войн русских с русскими, спор славян между собою) и приграничных войн с Тевтонским орденом и Швецией. Значительной была лишь Ливонская война (1558—1583), но она была затеяна самим Русским государством, нуждавшемся в выходе к Балтике. На неудачном для России финальном этапе этой войны противник вторгся до Великих Лук, Старой Руссы, Ржева, верховьев Волги, осаждал Псков. Польская интервенция 1605—1618 гг. (подкрепленная

шведской) была первым в истории случаем глубокой, с захватом Москвы, агрессии с западного направления на русскую территорию.

Возьмем следующий период в 327 лет (1618—1945). Великую Северную войну против Швеции за выход к Балтике начала в 1700 г. опять-таки сама Россия, но временные неудачи в этой войне привели к шведскому вторжению в Россию в 1707 г. Это вторжение закончилось полным разгромом шведов под Полтавой. Поход Наполеона через сто с лишним лет после этого стал вторым в истории глубоким, до Москвы, вторжением с запада в Россию. В XX в. врагов с этого направления впустил в Россию ленинский Брестский мир. Самой страшной агрессией с Запада была гитлеровская. Но надо отдавать себе ясный отчет: европейские страны завоевывали друг друга на протяжении последних двенадцати веков неизмеримо чаще — невозможно даже сравнивать¹.

* * *

Пространства в значительной мере определили русский характер. В 1581 г. частная армия, оплаченная Максимом и Николаем Строгановыми — на тот момент самыми богатыми нетитулованными частными лицами в мире, — выступила под водительством Ермака с берегов Камы на покорение Сибири, а уже 67 лет спустя Семен Дежнев уже открыл пролив между Азией и Америкой. Взгляните на глобус — и оцените расстояния! Когда осознаешь, какой путь проделали первопроходцы,

¹ Из книги в книгу кочуют такие цифры: с 1055 по 1462 г. в летописях насчитывается 245 известий о нашествиях на Русь и внешних столкновениях. Популярен также другой подсчет, перекрывающий первый: с 1368 г. (между прочим, год начала войны Москвы с Тверью) до 1893 г. Россия провела в войнах 329 лет. Но редко разъясняется, о чем речь. Подавляющее большинство войн первого и второго списков — набег кочевников, а также стычки с ними на засечных линиях и в ходе их вытеснения с Русской равнины. Сюда попадают также междоусобные войны князей, военные действия в Приуралье и Сибири (типа «поход вогулов на Усть-Вым»), сражения с маньчжурами, персидский поход Петра I, многочисленные войны с Турцией, участие в европейских войнах, кавказские войны, завоевание Средней Азии и т. д.

двигаясь навстречу солнцу в направлении Тихого океана, волосы встают дыбом. Они одолели, по современным понятиям, десять тысяч километров, девять часовых поясов¹ — при полном отсутствии дорог, карт, пользуясь широтными отрезками рек (реки текли на север, а путникам надо было на восток), *«волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимую в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах»* (Валентин Распутин).

Освоение территорий, прилегающих к корневым русским землям, почти изгладилось из исторической памяти как более давнее, но далось едва ли проще, особенно на северных и северо-восточных направлениях.

В 1648 г., когда был основан Охотск, наш первый тихоокеанский порт, население всей России не превышало 7 млн человек. При этом ее площадь составляла уже три четверти нынешней. Как при столь скромных человеческих ресурсах удалось «переварить» эти исполинские пространства, обеспечить их управление и единство, не дать распасться на княжества и куропалатства, наладить в этом тяжелейшем краю пути сообщения, северное хлебопашество (на междуречье Лены, Ангара и Илима), снабжение необходимым, торговлю, пристани, переправы, создать систему крепостей (острогов) с гарнизонами? Как удалось наладить почту, охрану путей и границ, таможни, склады, вывоз пушнины и бивня, правосудие, единообразие исполнительных органов (но единообразие гибкое, учитывающее местные особенности), преодолеть сопротивление сибирских народов и склонить их на свою сторону? И все это на уму непостижимых пространствах. Каким упорством и силой, какой предприимчивостью надо было обладать!

А главное: кто были эти люди? Только ли охотники за «мягким золотом», лучшей в мире пушниной? И они, конечно. Но преобладали вчерашние беглецы. Беглецы не только от переставшей родить пашни, но и от тисков социального контроля, от волостелей, воевод, тиунов, вотчинников, помещи-

¹ Когда на берегах Камы полдень, на Чукотке девять вечера.

ков, мірських старост и «міра» как такового. Беглецы были нужны не только на востоке, но и на юге, где также строились города-крепости, была постоянная необходимость пополнения гарнизонов, а людей не хватало. Историки согласны: вся история России есть история колонизации. В основном самочинной.

В нашем народе всегда была высока доля людей, не умеющих, сжав зубы, подолгу смиряться с чем-то тягостным и невыносимым. Россия — едва ли не мировой чемпион по части народных восстаний, крестьянских войн и городских бунтов. Нам сейчас даже трудно себе представить такую высокую долю непокорных людей в популяции — в какой бы то ни было популяции. Если бы не они, в истории России не было бы казачества, не было бы старообрядцев, не говоря уже об освоении исполинских пространств, — значит, речь идет миллионах. Земли за Волгой и к югу от «засечных линий», значительная часть земель на севере и северо-востоке — короче, все бесчисленные «украины» по периферии Руси — были заселены главным образом беглецами.

Натиск России на юг занял в общей сложности четыре века. Но при этом надо иметь в виду, напоминает Д. С. Лихачев, что *«Казанское и Астраханское царства русский государь принял под свой скипетр на равных основаниях, признав тамошних князей и вельмож»*.

Греки, грузины, армяне постоянно просили Москву о защите. Первое грузинское посольство, присягнувшее русскому царю, прибыло в Москву еще в 1491 году. Великая грузинская мечта о русском подданстве сбылась лишь три с лишним века спустя, на протяжении которых челобитные и присяги многократно обновлялись. Грузинская эмиграция в Москве, а затем в Петербурге постоянно лоббировала вопрос. В число эмигрантов нередко входили грузинские цари и царевичи вместо с двором. Набожный государь Алексей Михайлович не раз плакал, размышляя об участии братьев-христиан. Но что он мог сделать? Все жалованные грамоты о приеме в под-

данство мало что значили без военного присутствия на месте. Обеспечить его удалось с помощью череды войн.

Правда, в результате этих войн в российских пределах оказалось несколько нехристианских народов Кавказа — география не позволила решить дело иначе. Но в Российской империи умели мириться с завоеванными. Верхушка маленького, но гордого народа приравнивалась к российскому дворянству и вливалась в его ряды. Дети и внуки мюридов Шамиля были русскими генералами. Нет ни одного примера английских генералов из гвианцев или гвинейцев.

Простой народ разделял заботу о единоверцах. Когда Земский собор обсуждал в октябре 1653 г. просьбу гетмана Хмельницкого о принятии его «со всем войском козацким и со всем русским народом Малой Руси» «под высокую царскую руку», Ивановская площадь Кремля была заполнена москвичами, ожидавшими, что решит Собор, — и весть о положительном ответе вызвала ликование.

И два века спустя равнодушные крестьяне искали в газете в первую очередь зарубежные новости — не мучают ли где турки христиан? Это выразительно описано в очерке Василия Слепцова «Газета в деревне» (1868). Сильнейший нажим общественного мнения буквально вынудил правительство Александра II вступить в 1877 г. в войну с Турцией за независимость православных братьев на Балканах. Обязанность защиты единоверцев никогда не ставилась в России под сомнение, именно в этом и заключался подлинный (а не мутировавший в идеологию Третьего интернационала) русский мессианизм.

* * *

Несмотря на постоянный отток людей в «украины», корневые российские земли не обезлюдели. Их население между концом XV в. и концом XVII в. только за счет естественного роста выросло вчетверо. Население Западной Европы за эти же 200 лет едва удвоилось.

Поскольку речь идет о временах, когда во всех без исключения странах подавляющее большинство населения состав-

ляли крестьяне, женщины рожали столько детей, сколько Бог пошлет, а ограничителями роста были (помимо голода, эпидемий и войн) младенческая смертность, непосильный труд, пьянство, неразвитая гигиена, стрессы, общая тяжесть жизни, эта цифра говорит о многом. Если сегодня быстрый рост населения отличает самые неблагополучные страны, тогда все обстояло наоборот. Замечательно высокий на фоне остальной Европы российский показатель говорит о сравнительном благополучии народа.

В Европе, где дрова продавались на вес, а меха были доступны немногим, простые люди гораздо больше страдали от холода зимой, чем в России, где зимы суровее, зато были легко доступны меха и дрова. При всех возможных (и законных) оговорках, качество жизни простых людей Руси — России, по крайней мере до промышленной революции, было выше, чем в странах Запада. Для людей бойких и бедовых было больше возможностей вырваться, пусть и с опасностью для себя, из тисков социального контроля. Попросту говоря, было куда бежать. А порой не надо было и бежать. Ключевский пишет: *«Указы строжайше предписывали разыскивать беглых, а они открыто жили целыми слободами на просторных дворах сильных господ в Москве — на Пятницкой, на Ордынке, за Арбатскими воротами...»*

Не подлежит сомнению и такой интегральный способ оценки прошлого — не знаю, приходил ли он кому-либо в голову раньше. Тот факт, что китайская кухня признала съедобным практически все, вплоть до личинок насекомых, говорит очень ясно: в этой стране голодали много и подолгу. То же относится и к кухне французской. Только солидный опыт голодных лет мог заставить найти что-то привлекательное в лягушках, улитках, в протухших яйцах, подгнившем мясе, сырной плесени. В русской кухне нет ничего похожего. В голод едали, как и везде, всякое, но не настолько долго (самый суровый и долгий в нашей досоветской истории голод был в 1601—1603 гг.), чтобы свыкнуться. Икру осетров — черную икру! — в России никто не считал за нечто съедобное. У нас ее веками,

до середины XVII в., скармливали свиньям, пока европейские гости не открыли нам глаза.

Многое из того, что почему-то считалось бесспорным, не выдерживает первой же проверки. Таковы мифы о построенном «на костях» Петербурге, о «потемкинских деревнях». Еще один замечательный миф звучит так: до Петра I женщина на Руси была «заточена в тереме». Историк Наталья Пушкарева исчерпывающим образом изучила данный вопрос. Оказалось, что жена могла быть опекуной — вещь немыслимая в те времена в Европе. Она причислялась к первому ряду наследников, причем переживший свою жену супруг оказывался в худшем положении, чем она, — он мог только управлять ее имуществом, но не владеть им. Жена сама, в отличие от мужа, выбирала, кому передать свое наследство. Даже незаконная жена могла претендовать на наследство. Исследовав объем прав женщин на владение и распоряжение имуществом, на приобретение и реализацию земельной собственности, на возможность отстаивать свои интересы в суде, Пушкарева показала, что уже в Древней (!) Руси женщина могла осуществлять практически любые сделки даже без участия мужа. Франция пришла к этому в середине XX в.

* * *

После распада Древней Руси русский народ в своем историческом творчестве создал несколько политических типов государственности: Московскую Русь, Галицкую Русь, Литовскую Русь, вечевые республики (Новгород, Псков, Вятку). Несомненную альтернативу Москве в разное время представляли собой Рязань, Тверь, Смоленск XII—XIV вв., Поморье (так называемые «Поморские города» в XV—XVII вв.). Менее изучены и известны Тмуторокань, Терский городок, старообрядческая Ветка, Стародуб, Керженец, государственные образования периода Гражданской войны 1918—1922 гг. Не говоря уже об уникальных казачьих демократиях. В централизованном государстве должен был победить какой-то один тип государственности. Им стал московский, переросший затем в петербургский.

Развитие огромной и сложной страны не бывает прямолинейным. Новгородско-псковско-вятский путь общественного развития не стал общероссийским. Собирателем русских земель стало Великое княжество Московское, присоединявшее к себе княжество за княжеством. Собиратели почти никогда не заимствуют порядки присоединяемых, они привносят свои. Москва была жестким собирателем. Вечевые порядки были ликвидированы в Новгороде в 1478 г., в Вятке — в 1490 г., в Пскове — в 1510 г.¹, вечевые колокола сняты и отвезены в Москву. Там, в Московском Кремле, уже отбивали новое время колокола, привезенные ранее из Твери, Ярославля, Рязани, Суздаля, Переяславля и других прежде вольных городов. Такова была плата за объединение страны, за рывок к великой державе.

России не было суждено прийти к представительному государству по кратчайшей прямой, через совершенствование веча или Земских соборов. Судьба назначила ей испробовать, по пути к этой цели, другие, более извилистые колеи. Не хотелось бы вместе с тем присоединяться к известному мнению, будто новгородско-псковский путь был «хорошим», а московский — нет. Неизвестно, стала ли бы история России историей успеха при следовании по этому «хорошему» пути. Представлять московский тип развития как ориентированный в строго деспотическом направлении (что часто делается) — очевидное заблуждение.

Развитие русских представительных органов прерывалось четырежды, но на протяжении всей своей истории Россия двигалась — или возобновляла движение после трагических перерывов — в направлении развития выборного представительства разных уровней. Это внушает уверенность, что демократическая модель развития естественна для России.

Любое общество сознательно или инстинктивно переустраивает себя. Давление низов на верхи — залог развития и

¹ Примерно в эти же годы «собирали Италию», притом куда более жестокими методами, чем наш Иван III, занимались папа Александр VI Борджиа и его сын Чезаре Борджиа, герцог области Романья. Преуспели они меньше, чем Иван III.

преобразований. Любое общество движется — почти всегда трагически медленно и никогда прямо — к большей справедливости, к расширению прав низов, к усилению демократического начала. Московская версия развития не была исключением.

При всем отличавшем ее своеобразии Россия — страна с редким населением и долгое время недостаточной экономической базой — не выходит за пределы схемы, присущей почти всему европейскому континенту. Упрощенно эта схема выглядит так: сословное представительство (в интервале XIV—XVII вв., в зависимости от страны) — абсолютизм (в интервале XVI—XVIII вв., в зависимости от страны) — эволюция к конституционализму (весь XIX век; в России — 1810—1906 гг.).

В первой части книги «Россия. История успеха» подробно рассказано об этом периоде — в частности, о механизмах прямого общения между властью и народом в XVII в., о Земских соборах и о земском управлении.

Достоверно известны Соборы 57 созывов (о Соборе 1698 г., осудившем царицу Софью, историки спорят). Прямой аналог Соборов, французские Генеральные штаты созывались меньшее число раз и прекратились раньше, но французскую парламентскую традицию ведут именно от них, а у нас, выходит, нет парламентской традиции. Между тем полномочия и функции Соборов были вполне парламентские. Они решали вопросы налогообложения, на них были приняты важнейшие законодательные документы в истории России XVI—XVII вв.: Судебник 1550 г., «Приговор» Собора первого ополчения 1611 г., Соборное уложение 1649 г., «Соборное деяние» об упразднении местничества 1682 г. Соборы имели право законодательной инициативы, решали вопросы церковного устройства, внутреннего управления, торговли и промышленности.

Это были решения ответственных людей. Когда, как упоминалось выше, Собор 1653 г. обсуждал прошение Богдана Хмельницкого, всем было ясно, что положительный ответ будет означать неизбежную войну с Польшей и Крымом, и многие участники Собора знали, что им придется принять в ней

личное участие и, возможно, погибнуть. Мало того, это решение стало возможным благодаря голосам купечества: без их денег предприятие было бы обречено, — но торговые люди, как один, вызвались оплатить расходы. Не «бюджетными» деньгами, своими! А вот на царскую просьбу о согласии начать войну с турками за Азов (на нее требовалось, по смете, 221 тыс. руб.) участники Собора 1642 г. отвечали так уклончиво, что это был, по сути, отказ.

Земскими соборами решались вопросы избрания нового царя на царство. В 1584 г. Собор избрал Федора Иоанновича. Выборными царями были Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов. В 1682 г. были выбраны царями-соправителями малолетние Иван и Петр. Земские соборы могли отрешить царя от власти, в 1610 г. это испытал на себе Василий Шуйский. Во время «безцарствия» именно Собор брал на себя полноту верховной власти в стране. После Смутного времени соборы занимались «устроением» государства.

Если иностранец приезжал в Москву из страны, имевшей представительный орган, он не просил объяснить, что такое Земский собор. Для поляка Филона Кмиты Собор 1580 г. — сейм. Англичанин Джером Горсей опознает Собор 1584 г. как парламент, ливонский дворянин Георг Брюнно называет Собор 1613 г. риксдагом, а немец И.-Г.Фоккеродт приходит к выводу, что это был «род сената». Вполне зеркально видит английский парламент Герасим Дохтуров, русский посланник в Англии в 1646 г.: *«Сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой — выборные из мирских людей».*

Английские бояре, о которых говорит Дохтуров, сидели в Палате лордов. Ее русским аналогом была Дума. Заседавшая по понедельникам, средам и пятницам, она не была «ручным» органом. Думские бояре не просто оглашали свои соображения, но и отстаивали их. Представления же о том, что бояре только и делали, что отбивали царям поклоны, пришли из дурных фильмов. Заседания проходили в прениях, достигавших порой большого накала. «Встречи», т. е. возражения царю, были обычным явлением. Об Иване III рассказывали, что он любил и даже поощрял «встречу». Из слов Ивана Грозного

в письме Курбскому видно, что «встречи» в Думе его деда доходили до *«поносных и укоризненных словес»* государю. Думские решения завершались не только формулой *«Великий государь говорил, а бояре приговорили»*. Они порой завершались, напоминает нам Д. С. Лихачев, иначе: *«Великий государь говорил, а бояре не приговорили»*. Спорные вопросы вызывали *«крик и шум велик и речи многие во боярех»*. Большинство решений принимались вообще без государя. Как ни удивительно, но было только два рода боярских «приговоров» (решений), которые всегда представлялись на царское утверждение, — о местнических спорах (о том, кто знатнее) и о наказаниях за тяжкие преступления, причем царь их обычно смягчал. Куда более важные, на современный взгляд, «приговоры» Думы не нуждались в утверждении царя.

Вплоть до петровских преобразований власть в России (исключая верховную власть государя и власть воевод в городах с уездами) была выборной. Она была представлена уездными, волостными и посадскими самоуправляющимися органами. Вполне демократическая процедура была у сельского «мира», а в городах существовали свои структуры средневекового гражданского общества — «сотни» и слободы («слобода», кстати, — вариант слова «свобода») с выборными старостами.

На выборных должностных лицах — земских (волостных) и губных старостах и целовальниках — лежали административные и судебные обязанности. Губа представляла собой судебный округ и включала 1—2 уезда. Губные старосты (именовались также «излюбленными старостами») избирались обычно на год, они расследовали серьезные уголовные преступления. Выборными были земские судьи («судейки») с дьяками (*«кому у них всякие дела писати»*), отвечавшими за правильное оформление дел. Земские власти ведали важнейшими для населения делами, включая землеотвод, межевание, сбор податей, поддержание порядка, разверстку общественных обязанностей и повинностей, борьбу с эпидемиями, клеймение лошадей, контроль за состоянием мер и весов и т. д., а также проведение выборов.

На этих выборах из местных дворян избирались старосты, а их помощники — целовальники — из местных крестьян и посадских людей. Выбирались также сотские и пятидесятские. Слово «целовальник» сегодня звучит забавно (особенно сочетание «губной целовальник»), но объясняется просто: вступая в эту выборную должность, человек приносил присягу, целуя крест.

Даже в таком крупном городе, как Нижний Новгород, весь «аппарат» городского воеводы состоял из дьяка с подьячим.

И. Л. Солоневич, кажется, первым привлек внимание к тому факту, что русский Судебник 1550 г. содержит положения, на 129 лет опередившие то, что считается главной вехой на европейском пути к правам человека, а именно английский «Habeas corpus act». В России по Судебнику 1550 г. власти не имели права арестовать человека, не предъявив его представителям местного самоуправления — старосте и целовальнику, иначе последние по требованию родственников могли освободить арестованного и взыскать с представителя администрации соответствующую пеню «за бесчестье».

Начиная с XV в. для страховки от возможного судебного произвола жители стали посылать в суды своих выборных (сотских, старост, целовальников). Эти люди становились понятыми на суде, чтобы судящимся «не творилось неправды». Тем самым достигалась публичность судопроизводства, а возможность злоупотреблений резко падала.

Был простой и довольно надежный способ (известный с первых великих князей Московских) пожаловаться на сколь угодно высокое лицо: подать челобитную монарху лично. Устойчивость этой практики говорит о том, что по крайней мере часть прошений удовлетворялась. Царь был доступен, поскольку ходил к службе в Успенский собор Кремля пешком, а так как Кремль был открыт, теоретически любой мог подать царю челобитную. Особенно много желающих набиралось в праздники. При большом стечении народа редко кому удавалось передать ее лично в руки, но беды в том не было. Адам Олеарий описывает, как при приближении царя (Михаила Фе-

доровича) люди в толпе поднимали челобитные над головой. Их собирал чиновник и уносил в Челобитный приказ. В ходе преобразований правительственных ведомств после Смутного времени в 1619 г. появился отдельный приказ с красноречивым названием «Приказ, что на сильных бьют челом».

Не забудем, правда, что в царствование Михаила Федоровича (1613—1645) население всей России составляло примерно половину сегодняшней Москвы. Такая малолюдность, конечно, упрощала обратную связь власти с населением и вообще делала ее возможной. Челобитные подавали, естественно, не только москвичи, их доставляли и из самых дальних концов государства.

(Эта традиция — правда, с перерывами — просуществовала до 1881 г., а именно до убийства Александра II. Прошения подавались либо лично в руки, либо опускались, при Павле I, в особый ящик Зимнего дворца. Императоры Александр I, Николай I и Александр II гуляли по Дворцовой набережной во всем известное время, чем пользовались просители, которым никто в этом не мешал. Но и после 1881 г. Александр III и Николай II принимали прошения во время своих путешествий по стране, иногда в церкви.)

В Уложении 1649 г. был сформулирован принцип «Жена за мужа и дети за отца не отвечают», а веком раньше статья 97 Судебника 1550 г. ввела положение о том, что закон не имеет обратной силы, — этот принцип еще не стал очевидным даже четыре с лишним века спустя, в начале заката СССР, хотя это время принято считать почти травоядным (дело Рокотова, Файбишенко и Яковлева 1961 г.).

Была хорошо разработана система судебной защиты чести и достоинства. Нэнси Коллман¹, исследовав свыше шестисот дел об оскорблении чести между 1560-ми гг. и началом XVIII в. (от времени Ивана Грозного до Петра I), приводит такую статистику: около трети случаев составляют дела, где истцами выступали крестьяне, холопы, посадские и даже «гуля-

¹ N. S. Kollmann. *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. Ithaca & London, 1999.

щие люди», причем далеко не всегда (примерно в 55 % случаев) равные судились с равными. В 148 случаях иск о возмещении за «бесчестье» вчинял человек с более высоким статусом, зато в 120 случаях удовлетворения требовало низжестоящее лицо. Разрыв, как видим, не так уж велик. Н. Коллман убедительно показывает, что система защиты чести охватывала все население Русского государства, эта система была именно средством охраны личного достоинства, а не орудием социального контроля или угнетения, как утверждали советские историки. Закон регулировал не только отношения частных лиц. Как бесчестный поступок, позорящий должностное лицо, рассматривалось злоупотребление служебным положением! Человек, пострадавший от произвола воеводы или дьяка, имел право требовать возмещения вреда.

Сидевшим «на кормлении» воеводам для собственного же блага надо было вести себя прилично — иначе суды, пени, штрафы, а не то и поединок, «поле», т. е. дуэль, способ в те времена общепринятый. Ключевский поясняет: *«По окончании кормления обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли обычным гражданским порядком жаловаться на действия кормленщика... Съезд с должности кормленщика, не умевшего ладить с управляемыми, был сигналом к вчинению запутанных исков о переборах и других обидах. Московские судьи не мирволили своей правительственной братии...»* То есть бюрократической солидарности в те времена в Москве не существовало. При этом *«обвиняемый правитель... являлся простым гражданским ответчиком, обязанным вознаградить своих бывших подвластных за причиненные им обиды...»*. Он же *«платил и судебные пени и протори... Истцы могли даже вызвать своего бывшего управителя на поединок...»*.

В судах господствовал состязательный процесс, при котором и почин возбуждения дела, и бремя доказывания лежали на свободном гражданине. Стороны имели равные права в предоставлении суду доказательств и свидетелей, в отстаивании своих законных требований. Этот порядок был по су-

ществу упразднен именным указом Петра I от 21 февраля 1697 г. и «добит» им же в 1716 г., когда петровское «Краткое изображение процессов», разработанное для военных судов, стало обязательным и для судов гражданских.

Слом всей допетровской системы представительства, самоуправления и судебной оказался трагической вехой русской истории, за этим сломом последовало «двухсотлетнее испытание» XVIII—XIX вв. Тем не менее Б. Н. Миронов, автор монументальных работ «Социальная история России периода империи», «Историческая социология России», «Благосостояние населения и революции в имперской России» и ряда других, не считает этот слом однозначно негативным событием. Его вывод принципиально важен: между XVII и началом XX в. русская государственность находилась в состоянии непрерывного и быстрого развития. Он уточняет: со смертью Ивана Грозного в 1584 г. монархия из наследственной превратилась в избирательную и в такой форме существовала до XVIII в.; Россию XVII в. следует охарактеризовать как народную (патриархальную) монархию; петровские реформы превратили ее в дворянскую патерналистскую монархию XVIII в., которая затем переросла в правомерную бюрократическую монархию первой половины XIX в. и всесословную правомерную монархию пореформенного периода; в 1906 — феврале 1917 гг. в России существовала дуалистическая правовая монархия и, наконец, в феврале 1917 г. ненадолго возникла демократическая республика.

* * *

Почему в России так поздно возникло крепостное право? Почему своих уродливых форм оно достигло при Екатерине II, императрице, твердившей, что хочет его отменить? Эти вопросы также освещены в первой части книги «Россия. История успеха».

Крепостные крестьяне — это ранее свободное сельское население, за долги прикрепленное к земле, которую обрабатывает. Но долг неоплатен, «крепость» пожизненна и переходит на следующие поколения. Постепенно у крестьян скла-

дывалась убеждение, что не только они «крепки земле», но и земля «крепка им», что она их собственность: «Земля наша, а мы помещиковы».

По закону помещик никогда не был собственником крепостного, но практика побеждает теорию. Покупка поместья была покупкой земли вместе с крестьянами. Для заселения новых земель требовались люди. То, что теоретически можно было рассматривать как выкуп долговых прав, по сути являлось покупкой людей.

Крестьяне понимали дело так: они служат помещику, чтобы дать ему и его сыновьям возможность нести государеву службу, тоже тяжкую. Но вот 18 февраля 1762 г. последовал Манифест о вольности дворянства, разрешавший не служить, нежиться в своей деревне, выезжать за границу и так далее. Многие крестьяне посчитали, что с этого момента крепостное право стало незаконным, и стали ждать следующего указа — о вольности крестьянства. Они не знали, что ждать им придется 99 лет и 1 день. Несбывшееся ожидание крестьян прорвалось во время Пугачевского бунта.

Одной из причин, почему Екатерина II не решилась сделать шаг в сторону освобождения крестьян, был пример ее современника Фридриха Великого, который только и делал, что ужесточал положение немецких крепостных. Да и внуки Екатерины, императоры Александр I и Николай I, тоже тянули с реформой, ожидая, как повернут события в Пруссии, с ее гораздо более старым (с XIII в.) крепостничеством, и в других германских государствах, где освобождение крестьян началось между 1807 г. (Вестфалия) и 1831 г. (Ганновер), но, по словам Франца Меринга, «растянулось на два поколения».

Вместе с тем о реальном крепостном праве мы знаем очень мало. Известно, что к моменту его отмены доля крепостных и дворовых в населении России составляла менее 28 %, тогда как в конце XVIII в. (шестью с небольшим десятилетиями ранее) она равнялась 54 %. Поскольку рождаемость у крепостных была не ниже, чем у вольных, такое резкое снижение их доли в населении говорит о том, что миллионы крестьян вышли за это время на волю. Как они выходили, ка-

ковы были механизмы? Естественное изживание крепостничества, социальный процесс величайшей важности, обходили вниманием как дореволюционные либеральные историки обличительного направления (а других почти и не было), так и идеологически стреноженные советские. Непонятные цифры списывались ими на падение рождаемости среди крепостных, чего не было. Наследники Герцена (который сам был помещиком и жил за границей на доходы со своего русского имения), историки этих двух типов всегда выискивали малейшие упоминания о произволе крепостников, пропуская все остальное.

Возможно, со временем придет понимание того, что крепостное хозяйство было крестьянско-помещичьим кондоминиумом, что крестьяне и помещики, встречаясь в одной церкви, не могли всерьез быть антагонистами. Вероятно, большинство крестьян не ставили под сомнение заведенный порядок — с помещиком, церковью, «миром», соседним лесом и рекой, сменой времен года и звездами на небе. Они жили, как их отцы и деды, а достигнув ветхих годов, переходили на иждивение своих детей. Точно так же миллионам людей в позднем СССР не приходило в голову ставить под сомнение советскую власть.

Патриархальное крепостное право, будучи мягким по своим формам, амортизировало социальный протест. К тому же поместье — не город, где легко вызвать полицию, а место относительно глухое. Помещичья жизнь едва ли была бы возможна, если бы господа не придерживались неписаных, но для всех очевидных нравственных законов. В 1846 г. помещик Малоярославецкого уезда Калужской губернии Хитрово был убит своими крестьянками, причем следствие установило, что женщины сделали это в ответ на его домогательства. Но вот что важно, цитирую: *«Уездный предводитель дворянства за недонесение о дурном поведении упомянутого помещика предан суду»*. То есть за добрый нрав помещиков отвечали их собратья по сословию. Попуская греху, уездный предводитель рисковал честью и даже свободой.

Всякий за длительное время сложившийся мир по-своему гармоничен. У русских поместий не было даже заборов, не говоря уже о рвах, подъемных мостах, каменных стенах с бойницами — реалиях европейского феодализма.

Крестьяне довольно часто протестовали по тем или иным поводам, но всегда в уверенности, что царь на их стороне. *«Крестьяне обычно „легализировали“ свои выступления прямым обращением к царю. Жалоба или прошение на имя царя зачастую составлялись в самом начале выступления, а уже в разгар борьбы появлялась возможность оттянуть неблагоприятный для крестьян исход выступления ссылкой на ожидание царского решения. Случаи благоприятного решения царя или ведомств усиливали заблуждения крестьян»*¹. Советский историк 40 лет назад обязан был употребить слово «заблуждения».

Наиболее распространенной формой протеста являлись жалобы на помещика или на управляющего. Крестьяне тратили большие средства на посылку ходоков, ведение судебных дел. Под давлением крестьянского недовольства Комитет министров 24 декабря 1821 г. постановил, что в случае основательности жалоб крепостных имение должно браться под опеку, а дворовые отпускаться на оброк.

Крепостное право стало исторической западней, найти выход из которой оказалось исключительно трудно. Освободить крестьян без земли было страшно, еще страшнее — освободить с землей, это стало бы необратимым подрывом дворянской опоры трона. Авторы реформы 1861 г., отменившей крепостное право в России, готовили ее с оглядкой на уже упомянутые аналогичные реформы в Пруссии, Вестфалии, Баварии, Вюртемберге, Мекленбурге, Бранденбурге, Гессен-Дармштадте, Померании и Силезии. Там реформы проводились откровенно в пользу помещиков и имели конечной целью создание крупных латифундий. Но было сделано доброе дело и для вчерашних крепостных: в 1821 г. в Пруссии

¹ Борис Литвак. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX века. В сб.: «История и психология». Под ред. Б. Ф. Поршнева. М., 1971.

был проведен принудительный раздел общинного имущества, что сразу сдвинуло капиталистические отношения с мертвой точки. В России же власть, наоборот, навязала общинные формы собственности даже там, где их не было.

И все же, *«как всякий устаревший институт, крепостное право, раз уничтоженное, сразу стало казаться чем-то далеким, отошедшим вглубь истории, — вспоминал народоволец Сергей Ястремский. — Мне было странно читать Гоголя и Тургенева [в конце 1860-х гг.], где изображался крепостной быт: мне казалось все это дикой и далекой стариной».*

Какие-либо осязаемые шрамы крепостничества в русском, украинском, белорусском народном характере (равно как и в грузинском, латышском, румынском, польском, немецком и т. д.) доказательно не выявлены, хотя в бездоказательных утверждениях недостатка не было.

* * *

Важной приметой русской жизни издавна было обилие праздников, церковных и народных. Манифест Павла I от 5 апреля 1797 г. даже запретил помещикам привлекать крестьян к работе в воскресные и праздничные дни. Конечно, праздновали память далеко не всех святых и событий Нового Завета, иначе не осталось бы ни одного рабочего дня. Крестьянам и иному простому люду (кроме фабричного) немало досуга добавляли народные праздники вроде Ивана Купалы, Семика, Красной горки, русальего дня, Веснянки, родительского дня, хотя официально это были церковные (чаще второстепенные) праздники, которые назывались, естественно, иначе. Наконец, в любой местности праздновалась память особо чтимых местных святых и блаженных. Досуга у простых людей (мать семейства не в счет: ее работа не кончалась никогда — дети, скотина, уборка, готовка, стирка) было много больше, чем у связанных службой «непростых», и здесь скорее господа понемногу стали следовать за мужиками, чем наоборот. Общее число нерабочих дней в году у крестьян достигло в канун отмены крепостного права трудно укладываемой в голове цифры 230 дней, а в 1902 г. — пишу пропи-

сю! — двухсот пятидесяти восьми дней, что составляло 71 % рабочего года¹.

Власти и церковь стремились сократить количество праздников. К концу XIX в. число официально праздничных, неприступственных дней в году в России было сведено, как видно из сохранившихся календарей, к 98; впрочем, крестьянам до этого дела не было.

Любовь к досугу и увеселениям на Руси четко выражена на протяжении всей ее письменной истории. Описание того, как развлекались жители Пскова пятьсот лет назад, в 1505 г., кажется до странности знакомым: *«Весь город поднимался; мужчины, женщины, молодые и старые, наряжались и собирались на игрище... начиналось, по выражению современника, ногам скакание, хребтам вихляние... происходило много соблазнительного по поводу сближения молодых людей обоих полов»*².

Народные игры (помните некрасовское: *«в игре ее конный не словит...»*?) и развлечения часто отличала замысловатость, приготовления к ним требовали времени. В Костромской губернии, *«в больших вотчинах в сыропустное воскресенье собирается съезд из нескольких сот (! — А. Г.) лошадей»* со всадниками, ряженными в соломенные кафтаны и колпаки. Весьма сложной (наездник прорывался к снежной крепости через препятствия), требовавшей долгой подготовки была изображенная Суриковым забава «взятие снежного городка».

На качество жизни сильно влияет то, как люди проводят досуг, как общаются. Вклад России в мировую «технология досуга» совсем неплох: именно у нас около трехсот лет назад родился такой социально-культурный феномен, как дачная жизнь. Дача — это русское изобретение, которое теперь перенимает (или изобретает для себя заново) остальной мир.

¹ Б. Н. Миронов. Социальная история России. 3-е изд. Т. 2 — СПб., 2003. С. 308.

² Н. И. Костомаров. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. — М., 1993. С. 203—204.

Между концом царствования Николая I и 1917 г. прошло менее двух третей века. За это время Россия совершила колоссальный рывок, стала другой страной. Петербург Гоголя, умершего в 1852 г., и написанный всего 60 лет спустя «Петербург» Андрея Белого разделяют, кажется, столетия.

Российские экономика, общество и государственность этого периода развивались поступательно и успешно. Национальный доход возрос в четыре раза. Экономика России окончательно стала рыночной. Между 1899 и 1913 гг. оборот торговых предприятий вырос на 40 %, валовой сбор хлеба — на 47 %, российский экспорт в целом — на 142 %, основные капиталы акционерных промышленных предприятий — на 116 %, вклады населения в сберкассы — на 177 %, баланс акционерных банков — на 318 %. Начиная с 1880-х гг. валовой национальный продукт увеличивался в среднем на 3,3 % ежегодно, и это отражалось на уровне жизни. Из передовых стран прирост был выше только в США (3,5 %).

Рост ассигнований на просвещение с 1902 по 1912 г. увеличился на 216 %. Уже в 1905 г. крестьяне владели 68 % земель, дворяне — лишь 22 %. В России перевес крестьянского землевладения над крупным частновладельческим был выше, чем в других европейских странах. Начиная с 1905 г. в России забастовки, как способ борьбы рабочих за улучшение своего положения, стали легальными. В 1912 г. (раньше, чем в США и ряде европейских стран) Россия приняла закон о социальном страховании рабочих. Продолжительность рабочей недели в России в 1913 г. была ниже, чем во Франции: 57,6 и 60 часов соответственно.

Российское правительство последовательно снижало прямые и косвенные налоги на крестьян. Улучшение уровня жизни в стране надежно отразил такой интегральный показатель, как увеличение роста новобранцев. Если в 1851—1860 гг. он равнялся в среднем 164,5 см, то в 1911—1914 — уже 168,9 см. Столь существенная прибавка (4,4 см) могла быть лишь следствием резкого улучшения питания.

При этом общественное устройство России выглядело застывшим. На пороге XX в. ощущением того, что оно не может оставаться прежним, прониклось все сознательное общество, вплоть до Зимнего дворца. В верхах обсуждаются серьезные государственные преобразования. Политические реформы назрели настолько, что отложить их не могли заставить даже начавшаяся война с Японией и революционный пожар 1905 г. Надо ясно представлять себе, на каком распутье тогда стояла Россия и какую ответственность император брал на себя в этот миг. Очень многие склоняли его к прямо противоположному решению — введению неограниченной военной диктатуры, но Николай II поступил иначе.

17 октября 1905 г., в самый разгар всероссийской политической стачки, когда от Вислы до Тихого океана бастовало, если советские историки не преувеличивали слишком сильно, до двух миллионов человек, Николай II подписывает «Манифест об усовершенствовании государственного порядка». В нем говорилось о *«непреклонной воле»* монарха *«даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на основах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»*. Будущей Государственной думе придавались законодательные полномочия: Манифест провозглашал, что *«ни один закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы»*. На Думу возлагался, кроме того, *«надзор за закономерностью действий»* исполнительной власти. Документ, который невозможно читать без волнения, завершался призывом *«ко всем верным сынам Отчизны помочь прекращению неслыханной смуты... напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»*.

За день до обнародования Манифеста царь пишет петербургскому генерал-губернатору Дмитрию Трепову: *«Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное! Тем не менее, по совести, я предпочитаю даровать все сра-*

зу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступить по мелочам и все-таки прийти к тому же».

«Основные законы» 23 апреля 1906 г. сделали Россию конституционной монархией. На фундаменте достижений предшествующих десятилетий сложилось де-юре правовое государство на базе рыночной экономики, частной собственности, достаточно эффективной судебной системы и с опорой на быстро развивающуюся культуру, науку, технику и образование. Общественные настроения и требования доводились до властных структур, был выработан механизм принятия политических решений, в котором участвовали Государственная дума, политические партии, представители общества, земства, функционировали информационные агентства, свободная пресса. Действовали многие тысячи добровольных общественных организаций (только благотворительной деятельностью занимались в 1913 г. 4762 общества), стремительно развивалось кооперативное движение. Государственная власть считалась с критически (к сожалению, сверхкритически) мыслящим общественным мнением. Если это не гражданское общество, то что же это? Невозможно не согласиться с Б. Н. Мироновым: *«Через одно-два поколения [все это] вошло бы в плоть и кровь общественной жизни, и демократический режим стал бы необратимым... Между тем в конце XIX—начале XX в. общественность в массе своей была искренне убеждена, что страна находится в состоянии перманентного кризиса, что положение народа ухудшается».*

Этот вывих мысли имел долгую традицию. «Революционные демократы» уже с 1840-х гг. приучали свою аудиторию к мысли, что видеть вокруг себя что-то хорошее стыдно. Беспросветный, мрачный образ России второй половины XIX — начала XX в. создавался радикальной интеллигентской контрэлитой (как кадетско-либеральной, так и марксистско-народнической) намеренно, с целью дискредитации своих политических противников, это было частью борьбы за власть. В работах Б. Н. Миронова, М. Д. Давыдова, С. В. Куликова, В. В. Думного, Е. М. Уилбур (США) и других исследо-

вателей выявлено множество фактов сознательной («из лучших побуждений») и бессознательной подтасовки фактов относительно положения народа. Как выразился знаменитый публицист Михаил Меньшиков, *«наша... больная и злобная обличительная литература есть не столько лечение, сколько сама болезнь»*. Интеллигенция же свято верила своим кумирам — либеральным и социалистическим, — не сомневаясь, что народ, и прежде всего крестьянство, действительно умирает и спасти его может лишь низвержение царизма.

Правящий класс не озаботился создать парламентскую проправительственную партию европейского типа. Это была ошибка лично царя. Ему вплоть до 1917 г. казалось, что всем оппозиционным политическим партиям противостоит незримая партия возглавляемого им народа, которая бесконечно сильнее всех и всяких оппозиционеров (его отец, Александр III, говаривал: «Я царь крестьян»). Согласившись на создание формальной партии, монархия, чего доброго, уравнила бы себя с какими-нибудь кадетами или октябристами.

При отсутствии правящей партии все существующие партии были хоть и по разным причинам, но оппозиционны власти — одни в большей степени, другие — в меньшей. Перекос получался воистину уникальный. Не было и по-настоящему официозной печати. В силу какого-то умственного вывиха тогдашние журналисты и редакторы были неспособны понять, насколько опасно раскачивать лодку, особенно во время войны. Русская печать, как писал без тени раскаяния в своих мемуарах кадет И. В. Гессен, вела *«партизанскую войну»* с властью, вела *«с возрастающим ожесточением до самой революции»*. Информационная война против правительства и царя была окончательно выиграна радикалами в феврале 1917 г. Безумцы, толкавшие страну к пропасти, как водится, не ведали, что творили.

* * *

О расцвете литературы, изобразительного и сценического искусства, архитектуры, общем культурном взлете, Серебряном веке говорить излишне, поскольку все это общеизвест-

но. Но в тени остается такая важная примета последних лет Российской империи, как стремительный образовательный, научный и технологический рост.

В 1890 г. в России было 12,5 тыс. студентов, а в 1914-м — уже 127 тыс. (тогда как во Франции 42 тыс., в Германии 79,6 тыс., в Австро-Венгрии 42,4 тыс.). По числу врачей Россия к 1913 г. обогнала Францию (соответственно 28,1 и 22,9 тыс.) и Великобританию. Перед Первой мировой войной Россия была уверенным мировым лидером в области книгоиздательства. Уже в 1888—1889 гг. она заметно опережала по выпуску книг Великобританию и США (7,25 тыс. наименований; 6,33 тыс. и 4,32 тыс. соответственно), почти сравнялась с Францией (7,35 тыс.), но уступала Германии (17,5 тыс. названий). Вскоре Россия обогнала Германию и стала мировым лидером по выпуску книжной продукции: в 1913 г. он достиг в России 30,1 тыс. названий, в Германии — 23,2 тыс., в Великобритании — 12,4 тыс., в США — 12,2 тыс. Такие показатели, как десятикратный рост числа студентов и более чем четырехкратный — книжной продукции, не могут быть ни случайными, ни изолированными. Они очень точно отражают развитие страны.

В СССР не могли нахвалиться дальновидности советской власти, которая учредила, начиная с 1918 г., целый ряд научных институтов, быстро вырвавшихся на передовые позиции в мире. Вопрос: каким образом? Совнарком издал декрет, пришли пролетарии и на пустом месте быстренько соорудили институт? Между тем прославленный ЦАГИ — это лишь новое имя аэродинамического института, основанного в 1904 г. Д. П. Рябушинским в Кучине под Москвой. Государственный оптический институт создан на базе Русского физико-химического общества. Радиевый институт организован путем объединения Радиологической лаборатории Императорской академии наук (ИАН) и Радиевого отдела при Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). «Расщепление» Химической лаборатории (по сути, института) ИАН позволило создать Химический институт, Институт физико-химического анализа и Институт платины. Фи-

зико-математический институт им. В. А. Стеклова — результат, наоборот, слияния Физической лаборатории (детища умершего в 1916 г. академика Б. Б. Голицына) и Математического кабинета ИАН. Авиационное Расчетно-испытательное бюро и отраслевые лаборатории Императорского Московского технического училища (затем известного как Бауманка) дали жизнь еще пяти НИИ. И так далее.

Велик был вклад меценатов. Институт биофизики и физики был построен и начал работу в 1916 г. в Москве (на Миусской площади) без всякого государственного участия, на средства мецената Христофора Леденцова по замыслу физика П. Н. Лебедева. Оба, увы, не дожили до открытия. От этого института отпочковались затем Институт физики Земли, Институт рентгенологии и радиологии, Институт стекла, знаменитый ФИАН и, наконец, Институт биофизики. На средства фонда «Леденцовское общество» была создана лаборатория высшей нервной деятельности И. П. Павлова. Владелец Балашихинской мануфактуры Павел Шелапутин в 1893—1895 гг. построил Гинекологический институт при Московском университете; судовладелец Александр Сибиряков финансировал полярные экспедиции; по завещанию генерала Альфонса Шанявского его вдова Лидия Шанявская создала целый университет, примеров множество.

Российская империя вплоть до 1917 г. шла путем ускоренного, но естественного обновления. На базе образовательных и исследовательских коллективов уже к Первой мировой войне в стране сформировались все те научные направления и школы, которые большевики использовали затем для целей своей искусственной модернизации. После победы большевиков, волшебным декретам которых до сих пор приписывают славу создания отечественной науки, последняя представляла из себя развалины и обломки. Многие инженеры, ученые и изобретатели погибли или бесследно исчезли, многие вынужденно оставили профессию.

Один из руководителей ВЧК Мартин Лацис (он же Ян Судрабс) охарактеризовал противников советской власти весьма точно: *«Юнкера, офицеры старого времени, учителя, студен-*

чество и вся учащаяся молодежь... они-то и составляли боевые соединения наших противников, из нее-то и состояли белогвардейские полки... Белая гвардия состояла из учащейся молодежи, офицеров, учительства, лиц свободных профессий и прочих мелкобуржуазных элементов». Речь идет об образованных людях. В боях Гражданской войны, а также в результате голода, эпидемий, террора Россия лишилась примерно трети своих образованных людей. Почти столько же эмигрировали или остались на территориях, отторгнутых или отколовшихся от России.

Гражданская война (процитирую нашего выдающегося историка Анатолия Уткина) — «страшная национальная катастрофа. За ней — цивилизационный откат. Пройдитесь и сегодня по Невскому или Тверской, посмотрите сквозь новоделы на архитектурные приметы той цивилизации — она молча смотрит нам укором. Как легко и жестоко революция простилась с Атлантидой великой российской цивилизации...».

Большая часть созидательного потенциала России была подарена миру. Достаточно сказать, что в эмиграции действовали свыше двадцати русских вузов, стоит назвать некоторые из них. В Париже: Высший технический институт, Высшая школа социальных, политических и юридических наук, Русская консерватория, Коммерческий институт. В Праге: Русский юридический факультет при Карловом университете, Институт коммерческих знаний, Русский свободный университет. В Харбине: Политехнический институт, Юридический факультет, Институт восточных и коммерческих наук, Педагогический институт, Высшая медицинская школа. И в каждой стране изгнания было, как минимум, Общество русских инженеров и Общество русских врачей.

И в самом СССР большевики устраивали кровопускания даже тому инженерному корпусу, который стал на них работать, — достаточно вспомнить процесс «Промпартии», тысячи расстрелянных «вредителей», конструкторские бюро («шараги») в лагерях. То же относится к ученым — вспомним «академические чистки», расправы с представителями буквально

всех наук¹. Потери были бесчисленны, но как же велика оказалась накопленная к 1917 г. российская культурная мощь, если буквально одной трети ее хватило на быстрое восстановление науки, техники, образования, развитие промышленности и обороны! Осознав это, ясно понимаешь, что экономические и научные успехи Российской империи были бы к 1941 г. неизмеримо выше достижений советской власти, к тому же купленных чудовищной ценой. Отдавая должное предвоенной советской науке, мы должны понимать, что восхищаемся умельцем с ампутированной рукой.

* * *

О том, что Февральская революция не носила стихийного характера, а была подготовлена и проведена под руководством и по плану «прогрессистов» (в первую очередь А. И. Гучкова, ненавидевшего Николая II животной ненавистью, а также А. И. Коновалова, Н. В. Некрасова, М. И. Терещенко, одного из руководителей Земгора М. М. Федорова), существует целая литература — правда, главным образом массовая. Из работ профессиональных историков, наиболее убедительно обосновавших эту точку зрения, следует особо отметить большую статью С. В. Куликова «„Революции неизменно идут сверху...“ Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы»². Излишне добавлять: такой заговор мог иметь успех лишь в стране, где правительство уже проиграло информационную войну.

Незадолго до начала волнений, 14 февраля 1917 г., Керенский произносит с думской трибуны: *«Исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало»*. В каком парламенте воюющей страны было воз-

¹ Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. — М., 1995; Репрессированные геологи. Изд. 3-е, испр. и доп. — М.—СПб., 1999; П.В.Костецкий. Химики ГУЛАГа. — М., 2002; О. Н. Солдатов. Изобретатели в ГУЛАГе. — Самара, 2004. И т. д.

² *Нестор*: Журнал истории культуры России и Восточной Европы, № 11, 2007. С. 117—185.

можно такое? Газеты радостно подхватывали эти слова — журналисты и тогда были не умнее, — эти слова читали в окопах. Многие историки убеждены, что все эти речи были не случайны, что они входили в сценарий заговора по подготовке дворцового переворота и произносились, чтобы подготовить страну. Во время войны!

Добавляют также, что заговорщики спешили, желая опередить указ царя об «ответственном правительстве». Этот документ уже был подписан императором и лежал в столе у недавно (20 декабря 1916 г.) назначенного министра юстиции Н. А. Добровольского. Указ должен был быть обнародован на Пасху, 2 апреля¹. Желание приурочить подарок к торжественной дате оказалось роковым.

Есть поразительное свидетельство о том, что Февральская революция началась как ярко выраженный флэш-моб (тогда и слова такого не было). Петроградский градоначальник генерал А. П. Балк следующим образом описывает события 23 февраля (8 марта по новому стилю), когда в «международный день работниц» в Петрограде была организована демонстрация женщин. Движение по Литейному и Невскому, пишет он, *«необычное — умышленное. Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, Городская дума. В публике много дам... Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась, и часам к двум стали слышны заунывные подавленные голоса: „хлеба, хлеба“. И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: „хлеба, хлеба“. Причем лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста... Голода не было. Достать можно было все... Было приятное занятие ставить полицию в глупое и смешное положение. И таким образом многие вполне лояльные люди, а в особенности молодежь, бессознательно*

¹ К. И. Глобачев. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. // Вопросы истории. № 8, 2002.

подготавливали кровавые события, разыгравшиеся в последующие дни»¹.

Остальное слишком хорошо известно читателю.

Стопроцентно однозначной картины заговора нет — свидетельств множество, но изобличающие документы не найдены. С другой стороны, в подобных случаях бумаге вряд ли доверяется что-то важное. Скептик, продолжающий верить в стихийный характер февральских событий, скажет: то, что группа людей воспользовалась теми или иными событиями, еще не доказывает, что она эти события подготовила, что бы потом ни говорили они сами, их враги и друзья.

* * *

Скинутая под откос Россия сумела вернуться к цивилизационному выбору, который однозначен на всем ее пути — от Крещения и до 1917 г. Но теперь, когда это произошло, слышны советы вести себя тихо и скромненько. Идеал таких советчиков — маленькая страна, где множество маленьких магазинчиков с бубенчиком над дверью. Да и Запад хочет от нас практически того же. Это мило, но не может быть нашим идеалом. Для России не ставить перед собой великие цели — не только неестественно, но и опасно.

Английский журналист индийского происхождения Эджей Гойял оказался зорче большинства своих коллег (прошу прощения за длинную цитату): *«Мы спрашиваем себя — станет ли наконец эта необыкновенная страна обыкновенной? Превратится ли она в мягкое, безынициативное, бесцветное общество, приземленное, как и остальной западный мир, до уровня мыльных опер и потребительства или найдет свой путь, русский путь в будущее? Мы можем сколько угодно внушать, поучать, бесконечно спорить о России... но нам остается лишь восхищаться интеллектом, упорством, бравадой, выносливостью и юмором русских. Достижения России обесценивают западные схемы, основанные на стереотипах „хо-*

¹ Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка. // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 26—28.

рошей жизни“, демократии и рынка. Иностранцы, возможно, судят о России, исходя из своих смиренных стандартов, с позиций комфорта. Русские, похоже, ставят себе более высокие цели, и они намерены их достичь пусть даже „не тем“ или „незрелым“ способом. Решимость русских не следует недооценивать».

История всякого успеха терниста, но, цenia специалистов по терниям, приходится признать: они не способны увидеть цельную картину. Может быть, поэтому историю России никогда не писали как историю победителей. Успех — это вечный бой. Тема «Успех России» не закрыта. Более того, она едва открыта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕВОПЛОТИМОСТЬ УТОПИИ

Глава первая

Бодрый новый мир

1. Задолго до всякой надежды

К исходу 20-х все упования и иллюзии иссякли. Гибель исторической России и ее морально-этических ценностей выглядела уже необратимой. Цивилизационный разрыв, материальное ограбление страны, слом ее общественного устройства и уклада жизни всех слоев общества, уничтожение всей системы российского права, увечье культуры, истребление целых сословий и классов, надругательство над религией, разрушение памятников, страшная смерть миллионов, нищета уцелевших, еще одно, после Петра I, роковое упрощение сложного общества — преодолеть и исправить все это выглядело совершенно невыполнимой задачей. Такой вывод должен был казаться неизбежным всякому, кто осознавал размах катастрофы.

Проходили десятилетия, и, судя по многочисленным мемуарам, даже самым упорным из тех, кому хотелось увидеть хотя бы тень надежды, оставалось смириться с очевидным. Каждый из них подписался бы под словами Бунина из «Окаянных дней», если бы имел возможность их прочесть: «*Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, ко-*

торую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...» Начав общаться с вольнодумцами еще в 60-е, я не встретил ни одного, кто не был бы твердо уверен, что бывшее убито и похоронено. В этом вопросе, в отличие от других, сходились все — помнившие «те времена» старики, интеллигенты советского разлива, начинающие диссиденты, прозревшие самоучки, просто читатели самиздата. И все проглядели одну подробность. А именно, тот факт, что таких, как мы, незаметно стало великое множество.

В праве есть понятие: превратить то или иное деяние в «юридически ничтожное». Презирая коммунистический режим, мы делали ничтожными губителей исторической России, мы обнуляли их, а ее возвращали к жизни. Когда это начинает происходить в миллионах умов, последствия неизбежны.

В действиях Пол Пота, истреблявшего всех грамотных камбоджийцев, всех старше двадцати пяти, включая неграмотных, и всех горожан, достигших хотя бы школьного возраста, была своя логика. Бодрый новый мир возможен только с абсолютно пустого листа. Пол Пот рассудил так: любой помилованный им человек подобен голограмме или фракталу. Будучи малым фрагментом большого целого (т. е. буржуазного мира, подлежащего уничтожению), он каким-то образом содержит в себе все необходимое для воспроизводства этого целого. Поэтому, рассудил диктатор, не должен быть помилован никто¹.

Ленин, Троцкий и Сталин, не говоря уже об их преемниках, не дотянули до Пол Пота. Ушедшая Россия никуда не ушла. Миллионы уцелевших смогли передать ее нам, она была в нас, была всегда, пусть у большинства и в латентном состоянии.

Не будем недооценивать большевиков. Они бросили на борьбу с русской сутью огромный арсенал наличных

¹ Бунин записал в 1919 г. случайно услышанное: «В городе говорят: „Они решили перерезать всех поголовно, всех до семилетнего возраста, чтобы потом ни одна душа не помнила нашего времени.“».

средств — от сноса храмов и памятников и физического уничтожения целых классов и сословий до сплошного очернения отечественной истории (выражения «проклятое прошлое» и «родимые пятна капитализма» до сих пор живы в народной памяти). О том, как далеко были готовы зайти идеологи утопии в этом направлении, говорит следующий факт: в 1930 г. было объявлено о предстоящей замене кириллического алфавита латинским (чтобы «освободить трудящиеся массы от всякого влияния дореволюционной печатной продукции»). Лишь огромная дороговизна мероприятия, да еще на фоне надрыва индустриализации, избавила нашу культуру от такой беды. **Что же касается клеветы на прошлое России, она настолько пропитала картину мира наших соотечественников, что разбираться с ней (и с целой субкультурой на ее основе) — работа поколений.**

В своих усилиях искоренить веру, коммунисты делали все, чтобы народ забыл церковные праздники — сбился со счета, перестал их отмечать. С августа 1929 г. по август 1931-го в СССР действовал «революционный календарь». В каждом месяце было по 30 дней и шесть 5-дневных недель. Лишние 5 дней года именовались «безмесячными каникулами». Таким образом, в СССР в 1930 и 1931 гг. был день 30 февраля. (Найти бы людей с такой датой в свидетельстве о рождении!) Тридцатидневные месяцы отменили с 1 сентября 1931 г., введя 6-дневную неделю с фиксированным днем отдыха, приходившимся на 6, 12, 18, 24 и 30-е число каждого месяца (лишь вместо последнего дня февраля использовалось 1 марта), а каждое 31-е число рассматривалось как дополнительный рабочий день. В фильме «Волга-Волга» проплывают надписи: «Первый день шестидневки», «Второй день шестидневки». Обычная семидневная неделя была возвращена 26 июня 1940 г., но цель была отчасти достигнута: церковные праздники стали отмечать реже.

К счастью, в какой-то момент «кремлевские мечтатели» не то чтобы одумались, нет, но решили, что в своей опасной части историческая Россия бесповоротно истреблена, а в остав-

шейся — безвредна и даже годна для использования. Этим они приблизили свой конец.

Имела ли утопия, основанная на кабинетных домыслах XIX в., шанс восторжествовать? Теперь, когда она уже принадлежит истории, ясно: не имела. Зоркие люди поняли это уже на исходе Гражданской войны. Руководство большевиков надеялось, что их военная победа увенчается стихийным рождением принципиально нового справедливого общества, на зависть остальному миру. Но ни к чему подобному победа ленинцев в Гражданской войне не привела, оставшись сугубо военно-карательной победой с опорой на массовый террор. Безоружное и инстинктивное «сопротивление материала» оказалось неодолимым. Большевики просто не совладали с населением страны, которое отторгло жизнь по выдуманным схемам. Гражданская война закончилась нэпом, который уже заключал в себе скрытое признание невозможности утопии.

Есть глухие указания на то, что между концом 30-х и концом 50-х гг. в высшем руководстве СССР рассматривались проекты выхода из утопии, но обсуждать это здесь нет смысла — эти проекты, если и были, не переросли в действия. В реальности же вся история СССР была сочетанием слабых попыток воскресить коммунистический проект (во все более редуцированных и уже не столь опасных для жизни версиях¹) с оппортунистическим приспособлением власти к наличному народу. Встречное приспособление народа позволило коммунистам — через четыре десятилетия после пе-

¹ В 1960 г. Хрущев пообещал через 20 лет «построить коммунизм». Правда, никто, включая его самого, не знал, что это такое. Были даже разосланы указания поощрять коммунистическую самостоятельность народа — вдруг само родится что-то удачное? Но народные начинания не рождались, и тогда партийное руководство Краснодарского края само придумало следующее: создать сеть «поликлиник коммунизма», где будут бесплатно трудиться врачи (помимо основной работы!) и старшекурсники мединституты. Что это меняло для пользователей поликлиник, неясно. На общественные начала пытались также перевести ремонт жилого фонда. Век этих затей был, естественно, недолог.

реворота 1917 г.! — пойти на заметное сокращение размаха деятельности своей карательной машины. К тому времени она уже перемолола вполне ощутимую часть населения страны. Перемолола, но не сделала коммунизм необратимым.

Не раз звучал вопрос: почему эта беспримерно мощная карательная машина, подкреплённая тайной политической полицией, работала так долго? Для чего ей понадобилось столько жертв? Неужели в силу чистого садизма? Или с целью уменьшить толчею на стройплощадке коммунизма?

Можно услышать такое замечательное объяснение: всякий тоталитаризм держится на устрашении, вот коммунисты и устрашали. Так ли это? Запугивание действительно, если доводится до всеобщего сведения. Таким оно было в Гражданскую войну, когда большевики печатали в газетах и вывешивали на столбах списки расстрелянных и взятых в заложники. Но когда душегубы начинают действовать предельно скрытно, число умерщвляемых и само существование концлагерей становятся государственной тайной, репрессии яростно отрицаются, а официальное искусство и идеология изо всех сил изображают счастливую, жизнерадостную и практически бесконфликтную страну, это означает, что запугивание отошло на задний план, а на первом стоит другая задача — тихо истреблять тех, кто хотя бы в душе враждебен воцарившемуся строю, кто пусть и не сопротивляется явно, но мечтает о сопротивлении, кто ждет или предположительно ждет своего часа.

Выражение Бухарина *«Пролетарское принуждение во всех формах, начиная (!) от расстрела... является методом обработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи»* очень точно передает суть замысла. Не будем себя обманывать: идейные чекисты (именно идейные; совсем уж безграмотные садисты, психопаты и выродки¹ не в счет) видели врагов, у них был неплохой

¹ Таких, правда, тоже было немало. См.: А. Г. Тепляков. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920—1930-х годах. — М., 2007.

ных на чужих и чуждых. С помощью «профилактического» террора они тайно ломали потенциал сопротивления; 90 % их жертв — простые люди, достаточно почитать мартирологи, особенно областные. Достаточно уже того, что многие из этих простых людей состояли в церковных «двадцатках», а значит, им был известен авторитет куда более высокий, чем Политбюро большевиков.

Если бы смысл работы карательных органов заключался в простом устрашении, количество жертв террора следовало бы признать бесконечно избыточным. Остается сделать вывод: сила карательного действия вполне адекватно отражала потенциал противодействия. Именно и только поэтому коммунистам была нужна диктатура — преодолевать открытое и скрытое противодействие. *«Научное (! — А. Г.) понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»* (В. И. Ленин).

С годами «сопротивление материала» меняло формы, становясь у миллионов людей неосознанной частью натуры. Они бы сами удивились, если бы узнали, что «сопротивляются режиму». Карательные органы так и не смогли одолеть это вязкое сопротивление — ни во времена ГУЛАГа, ни во времена андроповских облав. Это был страшно медленный, но непрерывный процесс тканевого отторжения Россией коммунистического тоталитаризма по причине ее с ним биологической несовместимости. Процесс шел не только на безотчетном и подспудном уровне. Осторожная проверка режима на прочность происходила в тысячах точек вполне сознательно, хоть и без единого плана. В академической среде и в молодежной, на фронтах Великой Отечественной, на кухнях у технической интеллигенции и на лагерных зонах все советские годы велось нащупывание возможностей смены вектора. Эти искания получили мощный толчок в послесталинское время, на рубеже 60-х гг. С отменой цензуры во второй половине 80-х развитие событий резко ускорилось.

2. Откуда взялся авторитаризм?

Жесткая авторитарность коммунистического способа управления никак не была подготовлена предшествующим развитием России. Причины этой внезапной авторитарности не только в свирепых нравах Гражданской войны, не только в ленинской идеологии и практике. Произошел массовый наплыв крестьянской молодежи в города. Биографии подавляющего большинства советских деятелей не зря начинаются словами: «Родился в селе N такого-то уезда такой-то губернии»¹. При эволюционном («думском») развитии страны такой наплыв малограмотных патриархальных масс во власть был бы невозможен.

Высокая доля вчерашних (или позавчерашних) крестьян была в послереволюционные десятилетия нормой почти в любой аудитории, почти в любом коллективе. Именно они принесли с собой присущее патриархальной семье представление об авторитарном «отце», суровом и деспотичном, но справедливом, и об авторитарном управлении как единственно возможном. Они приняли и в массе приветствовали такое управление, ибо сами управляли бы так же. И управляли — кому довелось.

Коммунисты максимально использовали этот ресурс авторитарности. СССР 1930—1940-х гг. был сильно упрощенным обществом, где все держалось на неукоснительном (в теории) исполнении приказов. Но даже таким государством управлять оказалось непросто: сигнал, проходя по субординационной цепочке, сильно искажался, а то и гас. Согласованность шупалец власти была ниже всякой критики, и жизнь в стране просто заклинило бы, если бы не важнейшее управленческое ноу-хау: партийный руководитель, каждый на своем уровне, постоянно собирал людей, которые не могли при-

¹ Как выразился публицист Анатолий Салуцкий, «тысячи Чапаев заняли [после Гражданской войны] кресла совдеповских чиновников» (*Литературная газета*, № 32/6132, 8—14 августа 2007 г.). Излишне напоминать, что каждый такой Чапай был из многодетной патриархальной семьи.

казывать друг другу, зато он мог приказывать им всем (или почти всем), обеспечивая их взаимодействие. Саму эту идею большевики заимствовали у масонов: в ложах люди самого разного положения и статуса, не встречавшиеся между собой в обычной жизни, становились «братьями», могли договариваться о совместных действиях.

Территориальное партийное руководство обеспечивало горизонтальные связи всех структур власти и экономики своей республики, области, района или города. Таким образом, устройство СССР было завязано на ВКП(б) — КПСС не только по вертикали, но и по горизонтали. Это был каркас, на котором держалось все.

Казарменно-приказное управление показывало свою эффективность (хотя некоторые авторы оспаривают и это) лишь на тех направлениях, куда ресурсы бросались с двойным запасом или вообще без счета. На прочих направлениях, вопреки номинально плановой экономике, царил обычный советский более или менее бардак — правда, для помнивших худшее это была нормальная жизнь.

Но долго такая жизнь продолжаться не могла. Усложнение страны вступало во все большее противоречие с системой управления. Авторитарность перестает быть подразумеваемой со сменой поколений, с обновлением социальной структуры общества.

После войны пополнение советской элиты выходцами из села резко падает. Носители патриархального сознания теперь могут претендовать лишь на низшие социальные роли, хотя переселение в города продолжается. В 1970-е сильно ослабевают и оно¹, а с ним — и подпитка традиционного патриархально-авторитарного сознания. К этому времени — из-за коллективизации и других способов раскрестьянивания, из-за массовой гибели мужчин на войне — от традиционной авторитарной крестьянской семьи на селе уже мало что оста-

¹ В 1926 г. процентное соотношение городского и сельского населения в РСФСР составляло 18 : 82, в 1939 г. — 33 : 67, в 1959 г. — 52 : 48, в 1970 г. — 62 : 38. За 1970-е гг. оно изменилось менее резко (в 1979 г. — 69 : 31). Ныне оно равно 73 : 27.

ется. Дети же и внуки сельских выходцев прежних призывов выросли горожанами. Ключевой общественной силой постепенно становятся люди, все менее согласные принимать и даже просто терпеть правила поведения и жизненные стандарты, казавшиеся предыдущим поколениям разумными, естественными, единственно возможными.

СССР за время своего существования так и не смог выработать внутренние механизмы самообновления. Именно это сделало коммунистический эксперимент столь короткоживущим. 74 советских года (1917—1991), по историческим меркам, — краткий срок, обычная человеческая жизнь, даже не жизнь долгожителя. На фоне двенадцати веков русской государственности время утопии — краткий и случайный эпизод, опечатка истории.

Зоркие люди видели Россию всегда, даже в самом глухом Эс-Эс-Эс-эРе. Свидетельствует Борис Пастернак: *«Сквозь прошлого перипетии / и годы войн и нищеты / я молча узнавал России / неповторимые черты. / Превозмогая обожанье, я наблюдал, боготворя: / здесь были бабы, слобожане, учащиеся, слесаря. / В них не было следов холопства, которые кладет нужда, / и новости и неудобства они несли как господа»*.

Глава вторая

Соппротивление материала

1. Возврат сознания

Новая Россия не могла родиться и не родилась вдруг, она десятилетиями складывалась в оболочке Советского Союза, незаметно замещая его. В минералогии подобный процесс так и называется: метаморфическое замещение. Чтобы по-настоящему понять свою обновленную страну, нам следовало бы задним числом изучить этот процесс. Однако такая задача, кажется, еще даже не поставлена¹. Что неудивительно — для ее выполнения потребовалось бы поднять исполинскую целину коллективной памяти многих десятилетий, включая устную («народную») историю, к тому же интерпретаторы вряд ли найдут общий язык.

Путь утопии к окончательному краху был предопределен неизбежным *опаматованием* России. Оно было своеобразным. Постепенная смена настроений, броунов поиск новых смыслов — все это было присуще не только интеллигенции, как принято думать. Если интеллигент, особенно циничный,

¹ Накоплены лишь отдельные меткие наблюдения, касающиеся этого процесса. К примеру, очень верные слова А. Н. Севастьянова о том, что к середине 1980-х «вся страна превратилась в капиталистическое подполье» (*Литературная газета* № 46, 15—21 ноября 2006).

умудрялся без всякой шизофрении разместить взаимоисключающие представления на разных уровнях своего закаленного мозга, сшибка в головах простых людей носила прямо-таки трагический характер.

Вот пример раскола сознания, своего рода шедевр, такого не придумает ни один писатель: рассказ Екатерины Афанасьевны Зайцевой из Мариинска Кемеровской области о том, как раскулачивали ее дядю и о сталинском времени вообще:

«У него в семье было семь детей. Дом у них был средней величины. Они имели всего лишь одну корову, одну лошадь и небольшой участок земли. Все, что они нажили своим трудом: и хлеб, и инвентарь, и скотину, и дом, — у них отобрали. Разве это справедливо? Какие же они были кулаки, когда работали с утра до ночи? Жили они не богато, но и не бедно. Им позволили взять несколько теплых вещей, немного хлеба, котел, чугунок, немного чашек и ложек. Топор они взяли украдкой. Те, кто их кулачил, стояли и строго смотрели, чтобы эти „кулаки“ чего лишнего не взяли. А ведь что обидно? Кулачили их свои же, деревенские. Посадили на телегу и увезли в тайгу навсегда. Потом наша семья о тех людях никогда ничего не слышала. Погибли они, видно, в той тайге.

У нас в семье всегда говорили, что до колхозов люди лучше жили. У них все было в достатке: мясо, хлеб, морковь, капуста. Ели досыта. А потом... От голода в обморок падали. Правда, это было во время войны. Но и до войны поесть было мало. В колхозе работали весь световой день. Деньги получали в таком малом количестве, что на них прожить было нельзя. Что там говорить! Раньше, пока не было колхозов, крестьяне жили безбедно.

И во времена Сталина мы тоже лучше жили, чем сейчас. Он был вождь, большой авторитет в народе. Он нам все дал. И мы всю жизнь должны его за это благодарить. Недаром, когда он умер, у людей было всеобщее горе, всеобщий траур. Иначе и не могло быть! Ведь благодаря Великой Октябрьской социалистической ре-

волюции была установлена наша власть, власть трудящихся. В нашей стране было покончено с безработицей. Образование и медицина стали бесплатными. Люди получили право на отдых». (Записано в апреле 1998 г. Источник: Л. Н. Лопатин, Н. Л. Лопатина. Коллективизация как национальная катастрофа. Воспоминания очевидцев и архивные документы. Документ № 83 <http://www.auditorium.ru/books/477/doc_14.htm>).

Кто-то скажет, что это похоже на «Правду истинную» (1916) Евгения Замятина, но у замятинской Дашутки всего лишь меняется настроение по ходу сочинения письма, в сознании же старой крестьянки Зайцевой происходит сшибка двух взаимоисключающих миров.

Андропов едва ли сам понял, насколько он был прав, говоря: «Мы не знаем страну, в которой живем». По числу вещей, которых обитатели Старой площади не знали, это и вправду были выдающиеся эрудиты. Возможно, Андропов полагал, что прибегает всего лишь к гиперболе и все ее оценят как гиперболу, но изрек сущую истину. Руководство СССР и КПСС практически до конца тешило себя басней о «новой исторической общности — советском народе», проникнутом коммунистическими убеждениями и «сделавшем окончательный исторический выбор в пользу социализма». Ныне, овладев с горя пером, выходцы из высоких советских структур придумывают сложнейшие объяснения происшедшего, тщательно обходя вопрос о том, чего же стоили «коммунистические убеждения масс», если они так легко сменились на свою противоположность. По крайней мере у двух таких писателей я встретил мысль, что было ослаблено политическое воспитание трудящихся, а если бы не было ослаблено, их соцлагерь и ныне стоял бы как гранитный утес. Пусть они в это верят.

Девяносто два революционных месяца (от старта «гласности» до Конституции 1993 г.) были временем все ускорявшегося «метаморфического замещения». Крах утопии — событие, стократ заслуженное и выстраданное Россией, итог ее сложного внутреннего саморазвития — все равно воспринимается как чудо.

А разве выглядело хоть на миг правдоподобным мирное разделение СССР на 15 государств? Чтобы это стало возможным, должны были происходить и **происходили события казалось бы невозможные и не происходили казалось бы неизбежные**. Не зря их не смог предсказать ни один политик, аналитик, кремлеввед или звездочет. Любые позднейшие объяснения, самые рациональные и убедительные, оставляют ощущение неполноты.

По историческим меркам, учитывая масштаб и сложность событий, все случилось поразительно быстро. Ряд обстоятельств исторически мгновенного краха «развитого социализма» не поддается академическому объяснению, что лишний раз подтверждает: история научна лишь в ограниченных пределах.

Все, кому сегодня 40 лет и больше, стали сознательными свидетелями, а то и участниками цепи событий, которых (повторюсь еще раз), с точки зрения правдоподобия, просто не могло быть. С юных лет мы твердо знали, что всем нам суждено прожить жизнь при постыдном и убогом советском строе, в котором мы оказались по обстоятельству рождения. Мы знали, что даже нашим детям вряд ли удастся увидеть его конец, ибо этот строй не навязан нам извне, как Восточной Европе, он наше отечественное изобретение, и народ наш (думали мы) ощущает его своим вкладом в мировую цивилизацию. Этот строй, казалось нам, устранил лишь медленное, поколениями, изживание его. И вдруг, словно истек срок проклятия, он затрещал и рассыпался — подобно тому, как от пугающего крика в гоголевском «Вие» рассеялась нечистая сила, хлопая перепончатыми крыльями и застревая в окнах.

2. Нас не переделать

Более всего своим происхождением атмосфера и успех перестройки обязаны самому устройству нашей культуры. Ей изначально чужды компоненты, на которые только и может опираться тоталитарная власть: жестокость и обожание дисциплины. Внедренным и застрельщикам (они сами называли

себя этим замечательным словом) коммунистической утопии на местах удавалось на короткий срок разжигать припадочную жестокость специфических групп. Но для осуществления тоталитарной утопии требуется неослабевающая, ровная жестокость, а это не русское. Данный вопрос принципиально важен, хотя мало затронут.

Ничто так не отражает национальное мировоззрение, представления народа о правильном и неправильном, как народное творчество. При сопоставлении русских сказок со сказками других европейских народов сразу видно, насколько жестокость мало присуща русской народной культуре. Сюжеты близки, но этический тон другой. Неважно, что сказки литературно обработаны — они, что многократно проверено, не придуманы обработчиками. В русской сказке страннику не будут постоянно встречаться в пути виселицы с повешенными — то с тремя, то с семью. В русской сказке даже злодейку не заставят обуть раскаленные докрасна железные туфли и плясать в них. В русской сказке не может быть такого, чтобы солдат за просто отрубил голову старухе, да еще после того, как набил карманы благодаря ей. Даже нравоучения преподносятся по-разному: в русской сказке взрослые дети кормят беззубых родителей из корыта, в латышской — чтобы совсем не кормить, отвозят на санях в лес замерзать (сходство тут в том, что взрослых вразумляет маленький мальчик, сооружающий на полу из щепочек в одном случае корытце, в другом — саночки). От основания Русского государства и до XV в. в русских законах отсутствовало наказание в виде смертной казни.

Иван Грозный (царствовал в 1547—1584 гг.), наш главный, до Ленина и Сталина, злодей, безвинно умертвил, по подсчетам историка Р. Г. Скрынникова, от 3 до 4 тыс. человек. Скрынников настаивает, что мы имеем дело не с чем иным, как массовым террором, особенно по отношению к новгородцам, и с ним невозможно не согласиться, хотя Иван Грозный — кроткое дитя рядом с Людовиком XI по прозвищу Паук, Ричардом III (которого Шекспир охарактеризовал как «самое мерзкое чудовище тирании»), Генрихом VIII, Филиппом II, Яковом I Стюартом, герцогом Альбой, Цезаре Борджиа, Ека-

териной Медичи, Карлом Злым (без номера), Карлом V (сыном Хуаны Безумной), Карлом IX (устроившим Варфоломеевскую ночь), Марией Кровавой, лордом-протектором Кромвелем, истребившим $\frac{5}{6}$ всех ирландцев¹, и массой других симпатичных европейских персонажей. Хотя на совести Ивана Грозного было неизмеримо меньше людей, чем у его современницы Елизаветы Тюдор², и хотя он каялся затем в своем злодействе прилюдно и келейно (европейские монархи такой привычки сроду не имели) и заказывал «Синодики» убиенных, народным сознанием все равно был отринут как окаянный царь, и даже на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде — среди более чем ста фигур, включая какого-нибудь Кейстута, — места ему не нашлось. Не знает история России и таких позорных по жестокости страниц, как истребление в ходе Тридцатилетней войны большинства населения Германии (папе даже пришлось разрешить многоженство для восстановления численности народонаселения).

В своей этической реакции на злодейства в других странах Россия XVII в. действует в духе либеральных стран XX в. В ука-

¹ По подсчетам ирландских историков. Английские историки считают эту цифру завышенной и готовы признать жертвами Кромвеля всего лишь (!) треть населения Ирландии (Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 9. — М., б. г. [1911], стб. 94). То, что сегодняшняя политкорректность воспринимает с ужасом, в конце XIX в. еще никого в Англии особенно не отвращало. Классик английской «Истории для читателей» Джон Ричард Грин, которого русская энциклопедия хвалила за то, что в своей «Истории английского народа» он нарисовал «яркую и красивую» картину этой самой истории (слово «красивая» крайне точно отражает суть дела и приложимо, помимо Грина, к длинному ряду европейских сладостных историков), в 1874 г. еще спокойно цитировал отчет Кромвеля о проделанной работе в Ирландии: *«Я приказал своим солдатам убивать их всех... В самой церкви было перебито около тысячи человек. Я полагаю, что всем монахам, кроме двух, были разбиты головы...»* В 1899 г. Кромвелю установлен конный памятник перед английским парламентом.

² Казнившей, по подсчетам английского историка У. Коббета, за один год больше народу, чем вся католическая инквизиция сожгла на кострах за три века (*William Cobbet. The History of the Protestant Reformation in England. — London. 1980*).

зе царя Алексея Михайловича об отмене торговых привилегий английских купцов в России читаем: *«А теперь великому государю нашему ведомо учинилось, что англичане всею землею совершили большое злое дело — государя своего Карлуса короля убили до смерти. За такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось»*.

Казни, пытки, сдирание кожи как расхожий сюжет живописцев и рисовальщиков; тщательное описание пыточных процедур у писателей; многовековая популярность публичных казней у горожан; музеи пыток как неременная принадлежность множества современных европейских городов — все это западное, не русское¹. Тот, кто имел несчастье видеть американский фильм «Танцующая в темноте», вряд ли забудет такую подробность: при казни преступника присутствуют его родня, друзья и знакомые. Кажется, они даже получают пригласительные билеты. Их рассаживают поудобнее, чтобы всем было хорошо видно, как умерщвляют их друга и родственника.

Историческая Россия имела иные стандарты допустимого. Даже в пору Смуты смертная казнь не стала, как кто-то может подумать, привычной мерой наказания. Земский собор Первого ополчения 1611 г. запрещает назначать смертную казнь *«без земского и всей Земли приговору»*, т. е. без согласия Земского собора (у нас об этом уже шла речь). После кровавого времени западника Петра I в России на десятилетия исчезает профессия палача. В XIX в. в мирное время на всю огромную Российскую империю, давно подсчитано, в среднем казнили 19 человек в год — отпетых душегубов, а затем и террористов. Для Европы столь низкие показатели были тогда просто непредставимы. Несмотря на неизбежную эрозию религиозного чувства на протяжении XIX в., Россия вплоть до большевистского переворота оставалась страной верующей, неспроста избравшей когда-то своим нравственным идеалом святость.

¹ Подробнее об этом: Александр Горянин. Мифы о России и дух нации. — М., 2002. С. 171—183.

3. Утопия выбрала не ту страну

Антитоталитарная сущность России опирается еще на один столп. Мы литературоцентричный народ, причем не только в интеллигентской толще, но и — со времен усвоения народом Псалтыри — вплоть до придонных слоев¹. Русская литература менее всего готовила своих читателей к тоталитаризму. В ней нет ни одного образа сверхчеловека, чье призвание — распоряжаться массами. Невозможно себе представить, чтобы знаменитую книгу «Герои и почитание героев в истории» написал бы вместо Томаса Карлейля (1795—1881) какой-нибудь русский автор (кстати, едва ли не главный из героев в ней — вышеупомянутый Оливер Кромвель). А вот на стороне «маленького человека» русская литература была всегда, как, может быть, ни одна другая литература в мире. Само наличие темы «маленького человека» достаточно ясно говорит о встроенной гуманности общества, породившего эту литературу. В ней был негативизм, порой была легкомысленная «жажда бури», но пафоса подчинения (*«дайте мне начальника, и я поклонюсь ему в огромные ноги»*), восторга перед властью не было никогда. После довольно долгих колебаний большевики записали классиков русской литературы в свои предтечи, можно даже сказать, посмертно приняли их в Союз писателей СССР. В условиях обязательного школьного образования это было неосмотрительно с их стороны.

Мирно укоренить у нас утопию, придуманную на безжалостном Западе, нечего было и думать. **Запредельные усилия по силовому внедрению утопии в совершенно неподходящую для этого замысла страну как раз и были советской разновидностью тоталитаризма.**

¹ Ветеран диссидентства Никита Игоревич Кривошеин, ныне парижанин, рассказывал, как в семье его соседей по Малоярославцу (освободившись из лагеря, Н. И. вынужденно проживал в этом городе — «на 101-м километре») совершенно трезвый внук застрелил из охотничьего ружья совершенно трезвого деда на почве резких расхождений в оценке творчества Лермонтова. Недавно прочел в ЖЖ: *«Мы с женой на днях спорили: она — за Толстого, я — за Достоевского. В конце перешли на личности»*.

При ослаблении этих усилий тоталитаризм, так и не набравший инерции, заглох. Внедренцы первой волны особенно остро ощущали чуждость русской культуры своим идеям, отсюда лозунг «организованного упрощения» и «понижения» культуры», с которым выступали Н. И. Бухарин, А. К. Гастев, М. Ю. Левилов и пр. Их главный вождь, В. И. Ленин, на XI съезде РКП(б) в 1922 г. выказал редкую прозорливость, сказав: *«Бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре?»* Насчет «завоевателя» и «чужой культуры» сказано очень точно и откровенно¹. И провидчески: побежденная (якобы) культура действительно победила — только, к сожалению, много позже. История поспешает медленно.

Несмотря ни на что, мы остались народом, с которым категорически невозможно построить «бодрый новый мир», страшное видение писателя Олдоса Хаксли. Коль скоро названо это имя, добавлю: литературное чувство меры Хаксли не разместило бы «Центральнолондонский инкубаторий и воспитательный центр» в его родной Англии, если бы писатель не чувствовал ее мощный тоталитарный потенциал². Как и Джордж Оруэлл, как Энтони Берджесс. Его остро ощущали в Соединенных Штатах и старались обнулить своими романами-предупреждениями Синклер Льюис, Рэй Брэдбери, Курт Воннегут и многие другие. Бог миловал эти страны. Совсем неизвестно, не оказался ли бы опыт, начнись он там, успешным.

Мы же прошли через этот опыт и вышли из эксперимента сами. А вот смогла ли бы, к примеру, Германия одолеть свой тоталитаризм сама — большой вопрос. Гитлеру, чтобы стать полным хозяином страны, не потребовались пятилетняя гражданская война и террор чекистского образца. За считанные месяцы он радикально изменил свою дотоле демократическую страну (по крайней мере, политические партии су-

¹ Еще на IV съезде Советов в 1918 г. он же прямо заявлял: *«Россия завоевана большевиками»*.

² Ср. *Мануэль Саркисянц*. Английские корни немецкого фашизма. Пер. с нем. — СПб., 2003.

ществовали в ней к 1933 г. уже лет семьдесят) при полном восторге ее населения. Германия, если кто забыл, — страна «западной цивилизации».

Тирания никогда не чувствовала себя в России до конца уверенно. Милан Кундера, чешский эмигрант, а точнее, перебежчик, ибо был членом компартии Чехословакии (вступив в нее в 1948 г., сразу после захвата власти коммунистами, — уж не из шкурных ли, боюсь вымолвить, соображений?), года за два до начала перестройки в СССР сочинил статью «Трагедия Центральной Европы». Статью напечатали «Нью-Йорк таймс», «Ди цайт», «Монд» и другие обожающие Россию издания. Говоря о послевоенном «разрушении Центральной Европы», Кундера называл двух виновников. Первым был «советско-русский коммунизм», а попросту говоря — Россия. Не СССР, а именно Россия. СССР, по утверждению Кундеры, являл собой вполне органичное воплощение «русских черт». Вторым виновником был Запад, позволивший плохой России сделать свое черное дело. Русским Кундера отказывал в праве считать себя жертвами коммунизма. В полемику с ним вступил Иосиф Бродский, напомнивший неприятные для Кундеры вещи: *«К чести западного рационализма, призраку коммунизма пришлось, побродивши по Европе, отправиться на восток. Но нужно также отметить, что нигде этот призрак не встретил больше сопротивления, начиная от „Бесов“ Достоевского и кончая кровавой баней Гражданской войны и большого террора, чем в России... На родине же г-на Кундеры призрак устроился без таких проблем... Кундера и многие его братья восточноевропейцы стали жертвами геополитического постулата, придуманного на Западе, а именно концепции деления Европы на Восток и Запад... Вторая мировая война была гражданской войной европейской цивилизации»* (J. Brodsky. Why Milan Kundera Is Wrong About Dostoevsky? // Cross Currents. № 5, 1986)¹.

¹ В октябре 2008 г. сотрудник чешского Института по изучению тоталитарных режимов Адам Градилик рассказал в журнале *Respekt*, что Кундера в 1950 г. сдал госбезопасности человека, который затем отсидел 24 года. Скандал долго пытались замаять, но в октябре 2009 г. чешский историк Петр Кура сообщил газете *Lidove Noviny*, что подлинность документов, изобличающих Кундеру, не вызывает сомнений.

Глава третья

Воздействие «Второй России»

1. Сладость запретного плода

Большевистский утопический проект (*«западноевропейское и абсолютно нерусское явление»*¹) был обречен по многим причинам, хотя хватило бы главной: историческая Россия миллионами ростков и стволов пробилась сквозь щели, поры и трещины утопии, изломала и искрошила ее скверный бетон, не оставив противоестественной постройке ни одного шанса уцелеть. Важной частью исторической России была эмиграция, влиявшая на страну исхода гораздо сильнее, чем принято думать.

В октябре 2008 г. на конференции «Нансеновские чтения» в Петербурге несколько докладчиков, не сговариваясь, утверждали, что воздействие эмиграции на СССР если и имело место, то только во времена нэпа, а в конце 1920-х гг. опустился непроницаемый «железный занавес», и оставался непроницаемым вплоть до 1960-х или даже 1970-х, с их «перемотанными» радиоприемниками (юное поколение и не сообразит, что это такое), множительными устройствами «Эра», магнитофонами, проникновением тамиздата — всем тем, что

¹ Освальд Шпенглер. Закат Европы. — Минск, 2000. С. 1326.

делало возможным дистанционное воздействие диаспоры на страну исхода. Автор же этих строк в своем докладе («Воздействие русской эмиграции на СССР в 1930—1950-е годы. К постановке вопроса») отстаивал ту точку зрения, что эмиграция влияла на советских людей даже в самые глухие годы — в тридцатые, сороковые и пятидесятые. Очень многое уцелело, произошло и состоялось благодаря эмиграции — просто потому, что закупоренная субмарина СССР, если будет позволено такое сравнение, протекала тысячами дыр отнюдь не только на закате советской власти. На советских людей влиял, разумеется, весь внешний мир, но эмиграция влияла отдельно и сильно. Хотя бы (но не только) потому, что ей завидовали.

Начнем с тридцатых. К тому времени после Гражданской войны прошли всего лишь годы, большой исход из страны закончился только в 1922-м, раны разрыва с друзьями и родичами были еще свежи, а так как переписка с ними не возбранялась (кстати, официально переписка с заграницей не была запрещена никогда), в 1930-е множество людей продолжали переписываться и даже получать посылки, как они привыкли это делать в 1920-е. Конечно, к концу десятилетия благоразумие почти победило опасную привычку, но полностью изжита она не была. Филокартисты подтвердят, что довоенные открытки с видами Парижа, Праги, Шанхая или Белграда сплошь и рядом представляют собой послания близким на родину. Вернувшийся в 1960 г. В. Б. Сосинский-Семихат рассказывал, как вплоть до занятия немцами Парижа он переписывался из Франции с родителями, жившими в Таганроге, причем, если мачеха хотела сообщить ему какую-то «опасную» новость, она писала вдвое мельче обычного. Исследователь доберется когда-нибудь до статистики советской почты и будет, думаю, удивлен объемом корреспонденции, несмотря ни на что пересекавшей границу в обоих направлениях.

Чем страшнее становилось построение социализма в отдельно взятой стране, тем более жгучий интерес вызывали счастливцы, сумевшие из нее ускользнуть. Был целый ряд каналов, по которым щекочущие воображение струйки инфор-

мации проникали в СССР. Советский агитпроп, особенно в тридцатые годы, почему-то считал необходимым неустанно разоблачать эмиграцию, а пишущая братия откликалась на запрос с громадным энтузиазмом — все интереснее, чем писать о коллективизации. Большими тиражами выходили книжонки на эту тему, например: Б. Полевой «По ту сторону китайской границы» (1930), Р. Кудрявцев «Белогвардейцы за границей» (1932), Е. Михайлов «Белогвардейцы — поджигатели войны» (1933). Не какие-нибудь слабаки, войну поджечь могут! В сборнике Мих. Кольцова «Поразительные встречи» (1936) обличению белой эмиграции было посвящено сразу несколько очерков («В норе у зверя», «Убийца президента» и др.). Карикатуры на эмигрантов постоянно появлялись в «Крокодиле».

Совсем не бездарные писатели, допущенные в зарубежные поездки, отрабатывали доверие предсказуемым образом. Хороший пример — Лев Никулин с его статьями «Ордена обеспечены», «Белая смена», «Разговор с мертвецами», «„Независимые“ мыслители», «Окаянные денечки», «Случай в Линдау»¹ — их у него десятки. Это целый пласт фельетонистики, пока совершенно не изученный под данным углом зрения.

Для тех, кто умел читать, подобная писанина содержала массу информации, достаточно прочесть опус Ильфа и Петрова «Россия-Го» (1934). Продираясь сквозь несмешное ерничество, пытливый читатель узнавал, что в Париже выходят две соперничающие на идейной почве русские газеты — «Последние новости» и «Возрождение»; что Бунин получил Нобелевскую премию и ее денежный размер — 800 тыс. франков; что эмигрантов раздирают партийные противоречия, они тоскуют по родине, устраивают лекции, собираются землячествами, вступают в тяжбы по поводу законности воинских званий, полученных в Гражданскую войну, — а значит, заняты не только выживанием. Приводился — разумеется, с

¹ *Красная нива*, № 8, 1930; *Комсомольская правда*, 24 октября 1931; *Литературная газета*, 17 августа 1934; *Знамя*, № 8, 1934; *Литературная газета*, 5 марта 1936; *Литературная газета*, 31 декабря 1936.

хихиканьем — эмигрантский прогноз: большевики неизбежно свергнут себя сами, Совдепия через эволюцию придет к контрреволюции. Прогноз, как мы теперь знаем, оказавшийся полностью верным. Как и рассчитанный на взрыв веселого смеха вывод об эмигрантах: *«Пронесли сквозь бури и испытания все, что полагается проносить. Устояли».*

Тема зарубежной, параллельной России присутствовала в 1930-е гг. не только в периодике. Она представлена и более долговечными жанрами. Об этом говорит «Список благодарений» Юрия Олеши (1931), «Спекторский» (1931) Бориса Пастернака, «Евgenia Ivanovna» (1938) Леонида Леонова, а если добавить сюда писателей второго и следующих рядов, таких произведений в 1930-е гг. наберется немало. У Пастернака возникает образ яркой литературной звезды, порожденной эмиграцией (*«Вот в этих-то журналах стороной / И стал встречаться я как бы в тумане / со славою Марии Ильиной, / снискавшей нам всемирное вниманье <... > / Все как один, всяк за десятерых / хвалили стиль и новизну метафор, / и спорил с островами материк, / английский ли она иль русский автор».*) Здесь, по сути, — провидение Набокова. Но главное — и автор, и герой, и читатель испытывают сходное желание: оказаться «там».

В это десятилетие об эмигрантской жизни продолжали напоминать ранее изданные книги Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (несколько изданий в 30-е годы), сборник «Ибикус» (1933), повесть «Черное золото» (последний раз вышла отдельным изданием под названием «Эмигранты» в 1940 г.), рассказывали вышедшие в СССР в 20-е, т. е. еще относительно свежие, книги Аркадия Аверченко, Романа Гуля, Жозефа Кесселя и еще минимум двух десятков авторов. Правда, из библиотек они были уже изъяты.

Белой эмиграции была посвящена обширная статья в первом издании Большой советской энциклопедии (т. 64. М., 1934, стб. 160—176). Из нее можно было узнать, что во всех странах, входящих в Лигу Наций, эмигранты живут по «нансеновскому паспорту», что в одной лишь Франции 400 тыс. русских и что *«при безработице во Франции белогвардейцы*

увольнялись с заводов в последнюю (!) очередь». БСЭ посчитала необходимым сообщить о «скудости эмигрантской литературы и театра», о «чрезвычайно низком уровне белоэмигрантского искусства». Читатели, не знавшие, что русский театр и прочие искусства уцелели в эмиграции, были приятно удивлены, а в низкий уровень, как водится, не поверили. Перечислив с десяток политических группировок эмиграции, БСЭ неосторожно цитировала их программы (*«власть должна стать на охрану священных прав личной и гражданской свободы, собственности, правопорядка...»*, *«будет восстановлена широкая свобода торговли и частного почина...»* и т. д.). Все это жадно усваивалось любопытными умами, каковых в России всегда было великое изобилие.

Людам, уже привыкшим читать между строк, жизнь эмиграции представлялась куда более безбедной и увлекательной, чем была на деле. Тем паче что на это намекали живые голоса оттуда. В 30-е гг. необыкновенной популярностью пользовался Вертинский, хотя его пластинки в СССР не выпускались и официально не ввозились. Довоенный партийный фельетонист деланно возмущался: *«Гражданин Вертинский вертится, ничтожный. / Девушки танцуют английский фокстрот. / Не пойму, товарищи, как это возможно? / Как это такое за душу берет?»*

Выпады против Вертинского появились потому, что увлечение им приобрело размах, скрыть который стало невозможно. Советский агитпроп твердо держался правила: нападать на малозаметное явление — значит привлекать к нему «ненужное» («нездоровое») внимание. Агитпроп был дока в таких делах, и начинал атаку лишь тогда, когда было уже поздно делать вид, будто ничего не происходит.

Пластинки Вертинского фигурируют во множестве воспоминаний, описывающих 30-е гг. В фильме 1935 г. «Три товарища» (режиссер С. А. Тимошенко) снабженец в исполнении Михаила Жарова легко и в любых количествах добывает стройжайше лимитированные лес, цемент, паркет и проч. за взятки в виде пластинок Вертинского. Возможно, создатели фильма намекали на взятки более традиционного свойства, но в дан-

ном случае это неважно — зрителям не надо было объяснять, что это за певец и почему он желанен. Каким образом пластинки Вертинского (а также Лещенко, Морфесси, Плевицкой и менее известных эмигрантских исполнителей) в таком количестве проникали в СССР — хорошая тема для исследования. Или даже расследования.

Вертинского полюбили и простые люди. Есть свидетельства, что его песни пели даже в лагерях. Срабатывал мощный контраст. Лиловый аббат, китайчонок Ли, принцесса Ирэн, юные пажи словно бы подмигивали комсомольцам, «ворошиловским стрелкам», зэкам и значкистам ГТО: «Знайте, ребята, есть другой мир. Есть синий и далекий океан, есть бананово-лимонный Сингапур. На свете много превосходных вещей, помимо соцсоревнования, пленумов Политбюро, кумачовых лозунгов и очередей за хлебом и мануфактурой». Для простых людей существование Вертинского и Лещенко было главным свидетельством об эмиграции, о второй России.

2. Закупорить СССР не удастся

Коллективизация, «добровольно-принудительный» труд, высылки в холодные края — все это дало огромный урожай попыток бежать через советскую границу. Рабочие и крестьянские парни, не знавшие никаких языков, твердо верили, что стоит оказаться на той стороне, как тут же найдется русский, который переведет, объяснит, поможет.

До февраля 1936 г. через Торгсин можно было купить (за 500 руб. в золотом эквиваленте) заграничный паспорт, дававший возможность законно уехать насовсем. Такие паспорта обычно покупали зарубежные родственники, чтобы вызволить своих. Рассказы о выезжающих жадно передавались из уст в уста, вокруг них складывался целый фольклор. Отъезды были лучшим свидетельством: «нашим» за границей живется неизмеримо лучше, чем нам здесь.

Пока не опубликованы данные по перебежчикам. Интересно, что бежали не только из «государства рабочих и крес-

тьян», бежали и в него — простые люди, изредка наивные идеалисты. Из Финляндии границу переходили преимущественно карелы, из Эстонии и Латвии (с Литвой до 1939 г. общей границы не было) — молодые русские, из Польши и Бессарабии — русские, белорусы, украинцы, молдаване, евреи, из Синьцзяна и Маньчжурии — казаки. Переходили в надежде отыскать утерянных родственников, безработные рассчитывали найти работу, юношей и девушек привлекало бесплатное образование. Это были стихийные репатрианты. Большинство получало разрешение остаться в СССР, но слишком увлеченные рассказы о жизни «за бугром» закончились для многих пулей в затылок (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов» от 9 марта 1936 г., директивы НКВД о бывших перебежчиках от 17 августа 1937 г., 30 ноября 1937 г. и др.). К счастью, все же не для всех. Вдобавок слова и идеи подобны монетам — будучи однажды выпущены в обращение, они уже никогда не могут быть изъяты полностью, это вам подтвердит любой нумизмат.

Не исключено, что окажется во многом неожиданной, когда будет опубликована, и статистика легальных въездов и выездов. Практически не изучены активные действия эмиграции в СССР. Советские «труды» вроде «Крушения антисоветского подполья в СССР» (1980) Давида Голенкова не могут быть приняты всерьез.

В подготовленной «Мемориалом» книге «Расстрельные списки. Коммунарка, Бутово, 1937—1941» (М.: Мемориал, Звенья, 2000) на с. 274 фигурирует Константин Константинович Метелкин, 1915 г. р. (уроженец Томска, русский, беспартийный, образование низшее, курсант автошколы, адрес: Москва, Каланчевская, 21, общежитие), расстрелянный 16 июня 1938 по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Обвинение: членство в «к.-р. организации Народно-трудовой союз нового поколения» (позднейший НТС). Это случайно попавшая на глаза фамилия. Невероятно, чтобы

Метелкин был единственным, кому было предъявлено такое обвинение.

Принять его в НТС мог только эмиссар этой организации. Они проникали в СССР с конца 20-х гг. через польскую и румынскую границы, это называлось «ходить по зеленой тропе». Проведя в СССР по несколько месяцев, они возвращались обратно, не замеченные грозным НКВД. Но что они делали в стране? По рассказам, в архиве НТС во Франкфурте хранятся магнитные ленты с подробными отчетами об этих путешествиях ветеранов НТС Околовича, Трушновича, Колкова и других, надиктованные ими в 60-е гг. и до сих пор вроде бы не расшифрованные (информация нуждается в проверке). Эти скрипты могли бы бросить новый и, не исключено, неожиданный свет на деятельность русской эмиграции в СССР и на подсоветскую жизнь вообще.

О попытках агитационного воздействия эмиграции на СССР в 30-е гг. известно еще меньше. Благодаря разысканиям сотрудника Радио «Свобода» Михаила Соколова стал известен следующий факт: в 1933—1934 гг. из Праги велись радиопередачи на русском языке. Инициатором и душой их был эмигрант Борис Алексеевич Евреинов, до того — руководитель русских групп (не связанных с НТС), тайно ходивших через границу в СССР. Что особенно удивительно, Соколов нашел в фонде МИДа Чехословакии в «Пражском архиве» ГАРФа два письма из СССР с похвалами «музыке» из Праги. Он же обнаружил упоминание об этих передачах в мемуаристике: в книге Ю. А. Лодыженского «От Красного Креста к борьбе с Коммунистическим интернационалом» (М., 2006) есть свидетельство немецкого консула в Киеве о том, что *«радиопередачи Евреинова пользовались на юге России совершенно исключительным успехом и приводили в неистовство советчиков»* (с. 426). Радиовещание на СССР предпринималось в 30-е гг. и в других местах русского рассеяния. Есть устные рассказы о таком вещании из Маньчжурии, Финляндии и Польши. Слово за историками, которые доберутся до точных данных.

В советском документальном фильме «Заговор против Страны Советов» (1984, ЦСДФ) режиссера Е. Вермишевой (сценаристы М. Озеров и В. Севрук) среди прочих (и достаточно известных) примеров рассказывается о некоей группе Георгиевского (не Михаила Георгиевского, расстрелянного в СССР в 1950 г.), тайно проникшей в СССР и готовившей — ни более ни менее — захват Кремля. Дело было в 30-е гг. Были показаны лица заговорщиков (примерно десяти), включая прелестную женщину, все они были из Франции. Не исключено, что в архивах хранится некоторое число других подобных дел.

В марте 1935 г. СССР продал новообразованному государству Маньчжоу-Го Китайскую Восточную железную дорогу. Сразу после этого тысячи русских харбинцев, имевших отношение к КВЖД (и потому обязанных иметь советские паспорта), были вместе с имуществом вывезены в СССР и по возможности рассеяны по стране. Два года спустя, согласно тайному приказу НКВД № 00593 от 20 сентября 1937 г., множество этих харбинцев были арестованы по обвинениям в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Причины понятны: дух и настроения эмиграции, которые они привезли с собой, были сочтены слишком опасными. Сыграло роль и вышеупомянутое имущество — слишком броское для быстро нищающего СССР, но соблазнительное для номенклатурных товарищей. К счастью, репрессиям подвергся далеко не каждый харбинец — вопреки тому, что иногда утверждается. Но где бы они ни находились — в лагерях или на воле, — харбинцы много лет невольно (а то и вольно) вносили свою лепту в подрыв устоев коммунистической утопии. Они чем-то смущали и вводили во искушение всех — и сотрудника «органов», и рабфаковца, и «усомнившегося Макара».

Четыре и пять лет спустя число таких людей увеличилось стократно. Вместе с благоприобретенными в 1939—1940 гг. территориями — Литвой, Латвией, Эстонией, Западной Белоруссией, Западной Украиной, Северной Буковиной и Бессарабией — Советскому Союзу достались и миллионы живших там людей. (Что до Карельского перешейка, он отошел к СССР без жителей.) Участь их была очень разная. Подверг-

лись репрессиям, в первую очередь высылкам, тысячи человек, есть сведения о расстрелах эмигрантов во Львове. Тем не менее большинство пострадало лишь от советизации как таковой, что тоже, конечно, совсем немало. С началом войны многие эвакуировались вглубь СССР, преимущественно в Среднюю Азию, и не все потом смогли вернуться обратно. Кто-то попал туда после «отсидки», другие застряли в местах своей ссылки после ее отбытия.

Естественно, мы больше знаем о судьбах людей той или иной степени известности. Художник Николай Богданов-Бельский остался в Риге, поэт Игорь Северянин — в Таллине, философ Лев Карсавин — в Каунасе. «Король танго» Оскар Строк попал в Алма-Ату (тогда как Александр Перфильев, истинный автор его шлягеров¹, предпочел Ригу не покидать). Борис Энгельгардт, один из руководителей Февральского переворота, первый революционный комендант Петрограда, был отправлен в административную ссылку в Хорезмскую область Узбекистана, где и пробыл до конца войны. Историк же Роберт Виппер переехал в Москву, стал профессором МГУ и МИФЛИ, а в 1943 г. был избран действительным членом Академии наук СССР минуя ступень члена-корреспондента. Советская власть была не без причуд.

Для обсуждаемой темы интереснее всего те эмигранты, чьих судьба разбросала по просторам СССР. Среди множества высланных и ссыльных, которыми густо населена замечательная мемуарная (с изменением имен) книга Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (М., 2001) о степном городке в Казахстане конца 40-х — начала 50-х, фигурирует бывший дипломат Крышевич, «попавший в Чебачинск после добровольного присоединения Латвии» (с. 67) и ставший в этой глуши учителем немецкого. Он рассказывает своим ученикам — быть может, неосторожно, но без последствий — немало интересного о «заграничной» жизни. Общественная роль подобных людей была значительнее, чем принято думать.

¹ См.: Мы жили тогда на планете другой... Антология поэзии русско-го зарубежья. 1920—1990. В 4 кн. Кн. 2 — М., 1994. С. 424.

3. Сороковые годы: вопреки всему

Сороковые годы, с точки зрения воздействия эмиграции на СССР, оказались много продуктивнее тридцатых: они принесли сотни тысяч живых человеческих контактов — и внутри СССР, и в странах, куда пришла Красная армия. Есть много рассказов о встречах с эмигрантами в Болгарии, Югославии, Польше, Чехословакии, Румынии. Победители везли домой не только радиоприемники, меха, аккордеоны и фарфор, к весьма ценным трофеям относились патефонные пластинки с русскими записями. Некоторые интеллигентные офицеры целенаправленно искали русские книги и журналы.

В 1943 г. на родину, через Владивосток, прибыл Вертинский, и запрет (и без того мало соблюдавшийся) на его песни был негласно снят. Актриса Окуневская вспоминала первое выступление Вертинского в ВТО. По ее словам, люди чуть ли не с люстр свисали. Спел одну песню собственного сочинения о Сталине (с такими словами: «Над истерзанной картой России поседела его голова»), Вертинский более ни в чем себя не ограничивал, исполняя песни на слова «контрреволюционеров» Николая Гумилева, Георгия Иванова, Саши Черного, Тэффи. Спросим себя — что мог унылый «социалистический реализм» противопоставить всего лишь строчке: «Мне снилось, что сердце мое — колокольчик фарфоровый в желтом Китае»?

Война явочным порядком сняла запрет с многих эмигрантских песен, а мало что может сравниться по силе воздействия с песней. В ресторанах подгулявшая публика непременно заказывала лещенковскую «Здесь под небом чужим». В сочетании с винными парами песня заставляла слушателей становиться на несколько минут эмигрантами. Впрочем, оркестранты могли из осторожности отказаться.

Промежуток между летом 1945-го и началом 1947 г. можно назвать временем советской идеологической оттепели (слабенькой, но все же) по отношению к эмиграции. Стало можно хвалить отдельных покойных ее представителей (Шляпина, Рахманинова), появились — неслыханное дело! —

рецензии на книги русских ученых, живших за рубежом¹. Но особенно забываться советская власть, разумеется, не давала. Прилагательное «белогвардейский» и через четверть века после окончания Гражданской войны оставалось страшным обвинением².

В некотором противоречии с такой установкой Президиум Верховного Совета СССР объявил 14 июня 1946 г. амнистию «участникам белых движений», открыв им возможность возвращения на родину. Зачем коммунистическая власть заманивала к себе столь ненадежную и подозрительную, с ее точки зрения, публику, как эмигранты, — еще не разгаданная тайна. Но она заманивала. Возможно, в обескровленной стране остро встали вопросы демографии и недостатка специалистов. Так как главным центром эмиграции был Париж, туда вскоре были посланы агитировать за возвращение, в числе других, архиепископ Рязанский и Касимовский Димитрий (Градусов), писатели Илья Эренбург и Константин Симонов, последний с женой, актрисой Валентиной Серовой. На одном из обедов, где Симонов расхваливал СССР (по рассказам, присутствовали Бунин, Ремизов, Борис Зайцев, Адамович и еще с десятка человек), Серова улучила момент, когда муж вышел, и тихо произнесла: «Не верьте ни одному слову». Она была женщина без тормозов и по возвращении домой, можно не сомневаться, рассказала друзьям немало новостей о парижской эмигрантской жизни, а в писательско-богемной среде запретные сведения всегда расходились мгновенно.

Между 1946 и 1949 гг. только из Франции на родину вернулось не менее десяти тысяч человек. Ехали и из других стран. Наталья Ильина (покинувшая Шанхай) часто вспоминала, как незнакомый мужчина на вокзале в Омске, узнав,

¹ С. П. Толстов. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. // *Вопросы истории*. 1946, № 4; М. Н. Тихомиров. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского. // *Вопросы истории*. 1946, № 4.

² Судебный процесс по делу руководителей антисоветских белогвардейских организаций, агентов японской разведки атамана Семенова, Родзаевского и др. // *Правда*, 1946, 28 августа.

что она из эшелона «возвращенцев», сказал: «Не бойся, барышня! В своем отечестве не пропадешь». В ее случае он оказался прав, но многие угодили в лагеря — редко сразу, чаще через два-три года. Большинство, конечно, избежало этой участи, но почти все попали в ужасные бытовые условия. Но странно устроена жизнь: имплантация «возвращенцев» в советскую почву, такая мучительная для них самих, стала подарком судьбы для многих людей из их нового окружения, особенно в провинции. Люди из другого мира, но при этом русские, порождали в их головах как минимум классическую «сшибку», по Павлову, а еще чаще становились живым подтверждением того, о чем они уже давно догадывались.

Советская власть, от большого ума, сама позаботилась об этом. Чувствуя, что «возвращенцы» заражены чуждым духом, она не допускала их, за редкими исключениями, в столицы, и без того зараженные инакомыслием, а расселила по городам периферии. Чем удачно повысила тамошний уровень скепсиса и свободомыслия. Недавно умерший Василий Аксенов рассказывал, что он не стал бы тем, кем он стал, если бы в послевоенной Казани не поселили джазовых музыкантов из Харбина.

А реэмигранты все прибывали. Возвратились и получили кафедры епископ Иоанн (Лавриненко) из Чехословакии (в 1945 г.), епископ Алексей (Пантелеев) из США (в 1946 г.), митрополит Вениамин (Федченков) из США (в 1947 г.), епископ — бывший — Сан-Францисский и Калифорнийский Антоний (Васильев) из США (в 1952 г.), митрополит Серафим (Лукьянов) из Франции (в 1954 г.). Только из Китая в послевоенные годы вернулись: митрополит Нестор (Анисимов), архиепископ Виктор (Святин), архиепископ Ювеналий (Килин), архиепископ Никандр (Викторов), архиепископ Дмитрий (Вознесенский), архимандрит Гавриил (Огородников)¹. Не говоря уже об архиереях и священнослужителях не столь

¹ *Владимир Русак. История российской церкви. — [Джорданвилль, США], 1993. С. 448.*

высокого уровня. Кое-кто из них, правда, оплатил свою доверчивость годами заключения, но не надо думать, что те, кого сия чаша миновала (а их было все же большинство), вели себя на родине как овечки.

На СССР тех лет (да и никаких лет) нельзя смотреть как на единообразно устроенный мир. В одном и том же 1950 г. здесь с почетом принимают прибывшего из Аргентины скульптора Степана Эрзю и упекают в северные лагеря философа Льва Карсавина, уже десять лет как не эмигранта, а скромного профессора каунасского Художественного института. Эрзю награждают орденом, Карсавин умирает на нарах. Найти здесь логику трудно.

В 1946—1948 гг. шла активная репатриация в СССР армян, их въехало тогда от 60 до 100 тыс. человек — цифры противоречивы, — причем некоторая (малая) часть этих армян была людьми русской культуры. Репатриантов размещали в основном в Армянской ССР, но небольшую часть направили в другие места — в Среднюю Азию и даже в Сибирь. В 1948 г. из Франции были высланы (!) в СССР несколько сот слишком активных, на вкус французского МВД, «большевизанов», взявших советские паспорта, но при этом не собиравшихся на коммунистическую родину. Между 1945 и 1949 гг. не иссякали добровольные (и не очень) переселенцы из Маньчжурии. После того как в Китае победили коммунисты, поток был на некоторое время остановлен.

«Советские люди» 40-х и 50-х гг. никогда не могли взять в толк, почему эмигранты возвращались. Замечательно, что для их сознания такой естественный резон, как тоска по родине, был полной ерундой — его с насмешкой отвергали все без исключения. Одно это уже блестяще свидетельствует о мировосприятии людей того времени и степени их доверия к советской пропаганде. Смесь страха и неодолимого интереса к «возвращенцам» блестяще описана в мемуарах Н. А. Кривошеиной «Четыре трети нашей жизни» (М., 1999)¹. Практи-

¹ Рецензия: Александр Горянин. «Мы не жалели о пройденном пути...». *Новый мир*, № 2, 2000 (также: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/2/goryan.html).

чески возле каждого из них складывалось свое окружение, которое жадно ловило каждое его слово (если он был разговорчив) и трогательно боролось за его внимание.

4. Поверх барьеров

Первого марта 1953 г. начались передачи радио «Свобода» (первоначально «Освобождение»). Политическую позицию и физиономию радио во многом определил созданный годом ранее Координационный центр антибольшевистской борьбы во главе с известным политическим деятелем эмиграции профессором С. П. Мельгуновым. Первые же слова новой радиостанции, прозвучавшие в эфире, были таковы: *«Соотечественники! С давних пор советская власть скрывает от вас самый факт существования эмиграции... В тех редких случаях, когда советская власть бывает вынуждена что-то о нас говорить, она честит нас не иначе, как „белобандитами“, „реакционерами“, „реставраторами“ или „наемниками англо-американского империализма“. Она тщательно скрывает тот факт, что в подавляющем большинстве современная эмиграция стоит на демократических позициях... В эмиграцию пришли сотни тысяч новых выходцев из СССР, по преимуществу крестьян и рабочих. Среди них немало вчерашних комсомольцев, партийцев, солдат и офицеров армии... Мы хотим, чтобы вы знали, что, живя за границей, в условиях свободы, мы не забыли о своем долге перед родиной. Мы противопоставляем этому строю принцип последовательного народовластия, впервые провозглашенного у нас Февральской революцией»*¹.

На волнах «Свободы» в первые годы ее существования прозвучали голоса множества известных эмигрантов. Среди них были дочь Льва Толстого Александра, писатели Борис Зайцев, Георгий Адамович, Глеб Струве, Гайто Газданов (в эфире выступал под псевдонимом Георгий Черкасов), Иван

¹ <http://archive.svoboda.org/50/Files/1953.html#1953-1>.

Елагин, историки Георгий Вернадский, Сергей Мельгунов, Сергей Пушкарев, Владимир Вейдле, актриса Московского Художественного театра Екатерина Рощина-Инсарова, художники Мстислав Добужинский и Юрий Анненков, последний свободно избранный ректор Московского университета Михаил Новиков, создатель первых вертолетов Игорь Сикорский, изобретатель кинескопа Владимир Зворыкин. Позывными радиостанции стали звуки «Гимна свободной России» композитора Александра Гречанинова, — гимна, написанного им на следующий день после Февральской революции на слова Константина Бальмонта (оба стали эмигрантами). Гимн остался никем не утвержденным — Государственной думы уже не было, Временное правительство не имело на то полномочий, но даже в 50-е гг. немало людей в СССР, связанных с музыкой, знали, что это за мелодия (в эфир она шла без слов), и по секрету объясняли друзьям и знакомым.

Радиостанцию вполне можно было ловить на большей части территории СССР. Глушилки накрывали своим зонтом лишь крупные города. Впрочем, и в них можно было кое-что услышать — коммунисты глушили так же, как делали многое другое: халтурно. Довольно скоро советский агитпроп понял, что делать вид, будто ничего не происходит, нельзя, пора «давать отпор». Сезон «отпора» открыл первый секретарь Союза писателей СССР А. А. Сурков. Выступая на закрытии Второго съезда советских писателей в 1954 г., он сказал: *«Враги нашей родины и нашей литературы не дремлют. По случаю нашего съезда из мусорной корзины истории был вытащен белоэмигрант Борис Зайцев, исторгнувший с бесильной злобой в белогвардейский микрофон свою словесную отраву».*

Пятидесятые годы, особенно после смерти Сталина, стали переломными к новому времени. Освобождались те реэмигранты, которые угодили в тюрьмы и лагеря и там уцелели; были впущены в страну другие, прошедшие несколько лет в своеобразном «карантине» в ГДР или в Праге (пример: писатели Антонин Ладинский, Дмитрий Кобяков, Юрий Софиев); внутри Советского Союза многие смогли сменить место

жительства на более приемлемое. В связи с победой коммунистов в Китае СССР почувствовал себя обязанным «ликвидировать остатки русского колониализма на китайской земле», в связи с чем в 1952—1953 гг. произошла повторная уступка КВЖД (проданная было в 1935 г., эта железная дорога — вместе с Южно-Маньчжурской железной дорогой от Харбина к Порт-Артуру — вновь стала советской собственностью в августе 1945-го), что породило последнюю волну «кавэжединцев».

В уже упоминавшейся книге Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» фигурируют несколько «возвращенцев». Один из них, учитель физики Баранов, *«приехавший с КВЖД, а до этого живший в Харбине, веселый, мелкокудрявый, носивший роскошную серую тройку японского шевииота»* (с. 303). Это начало 50-х, казахстанская глушь. Уже в Москве, в середине 50-х, соседкой повествователя по столу в знакомом доме оказывается *«седая дама с трясущейся головой, в наkolке со стеклярусом... прожив последние сорок лет в Париже, она по-русски говорила плохо»* (с. 324—325). Чудаков вспоминает и первую лекцию (в 1955 г.), прочтенную на филфаке МГУ только что вернувшимся из эмиграции И. Н. Голенищевым-Кутузовым. Полагая, что он выступает *«перед теми, кто в подлиннике читает великого флорентийца»*, князь-филолог несколько минут говорил о Данте по-итальянски, покуда не был остановлен заведующим кафедрой. Трудно учесть «штучные» возвращения из разных концов мира. Один из заметных примеров — Юрий Николаевич Рерих (1957).

Огромной сенсацией стала напечатанная «Новым миром» в 1957 г. книга Льва Любимова «На чужбине». Это вовсе не «книга воспоминаний», как утверждает «Краткая литературная энциклопедия». Несмотря на некоторую долю личного, «На чужбине» — настоящий путеводитель (для своего времени и своего места, разумеется) по русской эмиграции. Любимов, сам вернувшийся из Франции в 1948 г., первым сумел рассказать о сотнях человеческих и литературных судеб.

Книга Любимова позволяла каждому дорисовать параллельный русский мир — с охватывающей весь глобус геогра-

фией, своей литературой, музыкой, живописью, со значительными, а главное, свободными личностями, их идейными исканиями, вкусами, понятиями, — мир, не идущий ни в какое сравнение с окружающим читателя советским убожеством. Твердое знание, что этот мир существует, а значит, возможен и внутри страны, стало для многих интеллигентов в СССР психологически спасительным.

Во второй половине 50-х разоблачительные статьи направлялись уже не против эмиграции вообще, а лишь против ее «реакционной» части, «выброшенной на свалку истории». Намек следовало понимать так, что есть и хорошая эмиграция, пусть даже заблудшая. Это подчеркивалось, в частности, изданием в 1955—1956 гг. «Рассказов» и пятитомного собрания сочинений Бунина, к тому времени уже покойного, и статьями к его 85-летию. Идеологические товарищи, к счастью, не разглядели, какую опасность представляет этот певец убитой большевиками красоты. Что же касается «реакционеров», их изобличали исправно, но как-то вяло — достаточно прочесть фельетон все того же Льва Никулина «Новые сенсации г-жи Курдюковой»¹ о книге Зинаиды Шаховской «Моя Россия в обличье СССР». Но для умевших разгадывать советские тексты это по-прежнему была драгоценная информация.

Тогда же густо пошли статьи о происках махровых антисоветчиков из НТС. Происки и впрямь имели место. На украшающих статьи снимках красовались книги и журналы, тайно ввезенные в СССР обманутыми моряками советского торгового флота, уже понесшими заслуженную кару. Печатная контрабанда была уложена так, чтобы заголовки были видны не полностью — ведь даже они содержали в себе страшный идеологический яд. Вид этих книг, их белые обложки, неприличные (так и хотелось сказать «антисоветские») шрифты, «полуобнаженные» названия — все это порождало у любого нормального человека нестерпимое, почти эротическое желание прочесть их любой ценой.

¹ *Литературная газета*, 29 апреля 1958 г.

Сошлюсь на «Очерки изгнания» Солженицына. *«В СССР годами нас стращали НТСом как самым ужасным пугалом, отчего думать надо, что советская власть их все-таки побаивалась: ведь единственная в мире организация против них с открытой программой вооруженного свержения...»* Солженицын считал, что *«если кто в эмиграции еще и держал какой-то обмен с кем-то в советском населении, то именно НТС»*.

Пятидесятые — время первых визитов в СССР эмигрантов, защищенных иностранными паспортами или дипломатическим иммунитетом. Так приезжали, среди прочих, Вадим Андреев (писатель, сын Леонида Андреева), Давид Бурлюк, Зинаида Шаховская, Роман Якобсон, Владимир Сосинский-Семихат (заведующий Стенографическим отделом ООН), некоторые неоднократно, — специально ради общения со старыми и новыми друзьями. Рассказы приезжих расходились как круги по воде, достигая самых неожиданных уголков страны.

Обсуждая вопросы «импорта» эмигрантов — как в 1935, 1946 или 1954 г. — или их «инкорпорации» — как в 1939, 1940 или 1945 г., — советское руководство всякий раз должно было задумываться, не внесут ли они идейное разложение в чистые советские души. Оглядываясь назад, можно со спокойной совестью сказать: эмигранты внесли достойный вклад в идейное разложение «советского человека». Без них это разложение шло бы медленнее.

Те, кто говорит о невозможности влияния диаспоры на метрополию в тридцатилетие между 1930 и 1960 гг., по умолчанию исходят из того, что общество в СССР было в этот период контуженным и обездвиженным, а страна в целом — большой серой дырой. Но это полностью неверно. Миллионы (не тысячи, а миллионы!) людей сомневались и недоумевали, размышляли и делали выводы, жадно ловили информацию и малейшие признаки перемен. Историческая Россия проступала сквозь советскую коросту, и очень важно, что имелись живые люди, всей своей сутью подтверждавшие, что это не мираж.

(Добавление уже из другой эпохи. В Москве существует сложившаяся еще в начале 90-х неформальное содружество иностранцев русского происхождения. Потомки эмигрантов первой и второй волн, едва рухнул коммунизм, а некоторые и в преддверии его обрушения, стали приезжать в Россию на работу и на жительство, многие обзавелись здесь вторым паспортом. Наиболее сплоченные собираются дважды в год в одном из ресторанов, принадлежащих выходцу из Венесуэлы Ростиславу Вадимовичу Ордовскому-Танаевскому. Обеду обязательно предшествует общая молитва, а первый тост всегда за Россию. «Местных» тоже радушно приглашают, и я не раз замечал, какое ошеломляющее впечатление производит все это, а также послеобеденное пение под гитару полковых песен времен балканского похода и Первой мировой на тех из них, кто попал в компанию впервые. Некоторые уходят другими людьми. Благотворное воздействие Второй России продолжается.)

Глава четвертая

Вы, друзья, как ни садитесь...

1. Погружение в трясину

Вторая половина 70-х гг. породила на Старой площади массу радужных надежд. Опасения, что СССР заходит в тупик, дотоле достаточно характерные, улетучивались на глазах. Еще бы: в 1973 г. на «мир капитализма» обрушилось страшное испытание. Война на Ближнем Востоке вызвала резкий скачок цен на нефть, следствием чего стал тяжелый кризис в экономике Запада. По закону домино он затронул все. Советского Союза кризис практически не коснулся, и в Кремле потирали руки в уверенности, что Запад выкарабкается не скоро. Радовали и нефтедоллары, хотя их значение сейчас преувеличивается: основную часть (можно проверить по ежегоднику «Внешняя торговля СССР») своей экспортной нефти СССР поставлял соцстранам по дотационным ценам, к тому же за виртуальные переводные рубли, закупая на них в ГДР, Польше, Венгрии и т. д. товары легко представимого качества. «Братские страны» перепродавали часть нефти дальше, а СССР делал вид, что ничего не замечает, думая, что покупает тем самым искреннюю преданность.

Но в целом поступление валюты все же возросло, и советская верхушка с облегчением перестала рассматривать про-

екты внутренних реформ, способных модернизировать коммунистическую систему и продлить ее жизнь. Возобладал подход: «Не трогай то, что работает».

Ценовой кризис принудил страны Запада к жесткому энергосбережению, а оно привело за несколько лет к структурному обновлению производства. В итоге кризис не подкосил страны Запада. Наоборот, они совершили качественный рывок, создав «новую экономику», уже компьютеризированную. В СССР же последствия 10—12 упущенных лет оказались печальными: советская экономика стала окончательно неконкурентоспособной. Потребление энергии на каждую советскую душу за эти годы, в противовес мировой технологической тенденции, выросло с 3,16 до 6,79 т условного топлива. Как Кощеева смерть в игле, в этих двух цифрах была скрыта энергетическая причина неизбежного проигрыша советской стороной так называемого экономического соревнования двух систем. Проигрыша соревнования, но не обрушения коммунизма и не распада СССР, жесткой обусловленности тут не было. Но было многое другое. Коммунистическое руководство начиная с середины 70-х все более утрачивало чувство реальности. Приукрашенность получаемой информации порождала ошибочные и даже безумные решения.

Самым тяжелым из них стало вооруженное вмешательство в соперничество политических кланов Афганистана. Руководители советского ВПК и генералитет обрадовались возможности провести испытание новых видов вооружений, отработать тактику, обучить армию, давно не нюхавшую пороха, действиям в боевых условиях.

Чтобы устранить одного афганского лидера и посадить другого, не требовалась армейская операция. Так называемый Ограниченный контингент Советской армии был введен в Афганистан без ясной цели — если не считать целью вооруженное подавление тех, кому может не понравиться ввод Ограниченного контингента. Позже ответственность за Афган была возложена не на тех, кто принял в декабре 1979 г. ошибочное политическое решение, а на генералов, руководивших военными действиями.

Между ноябрем 1982-го и мартом 1985-го умерли подряд три генеральных секретаря КПСС. К марту 1985 г. средний возраст 19 членов Политбюро ЦК КПСС достиг 68 лет: усредненной датой их рождения был 1917 г. Афганская трясина и груз «лагеря мира и социализма»¹ в сочетании с внутренними проблемами Советского Союза откровенно тяготили их. Новым генсеком они выбрали 54-летнего М. С. Горбачева, по кремлевским понятиям того времени — почти юношу.

Ему досталась страна, обладавшая величайшей в истории военной машиной. Общая мощность советских ядерных зарядов равнялась полумиллиону бомб, сброшенных на Хиросиму. В то же время это была страна, в которой государственные капиталовложения в сельское хозяйство на протяжении 1976—1985 гг. составили (в пересчете) 150 млрд долл., дав близкий к нулевому (!) прирост сельхозпродукции. СССР собирал меньше зерновых, чем США, хотя производил в 12 раз больше зерноуборочных комбайнов. Большинство колхозов были убыточны, к 1987 г. их совокупная задолженность государству составляла 140 млрд руб.²

Мощные советские научно-исследовательские структуры, подчиненные развитию ВПК и космических программ, не делились своими достижениями с массовым производством, а оно, не подгоняемое конкуренцией, энергично отторгало любые нововведения.

Сегодня стоит завести разговор о степени деградации предперестроенного СССР, как кто-нибудь обязательно скажет: это все злостные либеральные бредни. Такие мыслители, как Александр Зиновьев, Сергей Кара-Мурза, Максим Калашников, Александр Проханов, Сергей Кургинян, а также ряд авторов-почвенников, чья искренность часто не вызывает сомнений, написали и произнесли миллионы слов, до-

¹ Почти треть населения земли, до 30 стран — сколько именно, никто никогда точно сказать не мог: некоторые (Камбоджа, Никарагуа, Сальвадор, Эфиопия, Мозамбик и еще четыре-пять) числились то в «лагере», то вне его.

² Сравнения ради: вся доходная часть бюджета СССР в 1987 г. составляла 460 млрд руб.

казывая, что СССР был разумен, человечен, воплощал народную мечту и вдобавок находился в двух вершках от технологической и экономической победы над Западом, да вот беда — Горбачев все испортил. Высказывания людей попроще также подтверждают пушкинское: что пройдет, то будет мило. Поэтому лучше привести свидетельство об этом времени (о конце 70-х, чтобы быть точным) Владимира Солюхина — почвенника, которому вряд ли кто-то откажет в уважении.

«Невозможно купить автомобиль, мотоцикл, велосипед, холодильник, пылесос, стиральную машину, мебель, электрическую лампочку, малярную кисть, белила, олифу, кровельное железо, кирпич, доски и бревна, стекло, ботинки, плащ, меховую шапку, бутылку пива, крупу, макароны, молоток, гвоздь, телевизор, костюм (либо шерсть на костюм), любое лекарство, начиная с аспирина, не говоря уж о прочих медикаментах. Больницы и родильные дома заражены стафилококком (отсюда чудовищная детская смертность), больные лежат в коридорах, питание на уровне Освенцима, прилавки магазинов удручающе пусты, нависает угроза голода, дефицита электроэнергии, обогрева жилищ... Получить место в гостинице невозможно... Страна практически непригодна для жизни. Во всяком случае, для нормальной человеческой жизни... Государство ежегодно покупает на чистое золото хлеб в США, Канаде, Австралии, Аргентине... На протяжении десятилетий шло разграбление богатейшей страны, шло поспешное варварское сведение лесов, происходил поспешный варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что приводило к гибели рек, дно которых выстлано топляком во много слоев, шло хищническое опустошение недр, выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек благородных рыб, и все на продажу, все мимо коренного населения, шло маниакальное создание гигантских водохранилищ (водогноилищ), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей, шло погубление уникальных на земном шаре воронежских черноземов, от-

равление уникального Байкала... В РСФСР около ста миллионов гектаров травянистых лугов, на которых и шумели раньше яркие, веселые сенокосы. Сейчас все эти луга заросли кочками и мелким кустарником, фактически выпали из земледельческого обихода... Земля десятки лет не видела навоза. Она кое-как поддерживается допингом химических удобрений, что умерщвляет не только почву как биологический организм, но и малые реки (а через них и большие), а затем и леса. Исчезли тысячи пасек, ушли с полей в большей или меньшей степени разнообразные ценные культуры... Но и то, что земля родит, наполовину остается в земле. Урожай остается необранным либо невывезенным и пропадает... Российская деревня обезлюдела. Колхозники разбежались в города. Исчезли с лица земли десятки тысяч деревень. Либо осталось по 2—3 дома, в которых доживают старушки. Не считая уже исчезнувших, в РСФСР сейчас около миллиона пустых деревенских домов. Земля вокруг них заросла крапивой и горькими лопухами... Они [коммунисты. — А. Г.] надеялись превратить все население в бессловесных рабов, а превратили в инертную массу, в государственных иждивенцев, бездельников и — как результат — в алкоголиков и в уголовных преступников. Я не хочу сказать, что все люди в нашей стране бездельники либо алкоголики. Но произошло самое страшное: отчуждение людей от земли, от результатов труда, от заинтересованности в результатах труда, произошло отчуждение их от государства. Люди утратили экономическую память... Русские страдали от большевиков в первую очередь и в гораздо большей степени, нежели остальные народы. Достаточно взглянуть со всех точек зрения (жизненный уровень, экономика, даже внешний вид земли) на РСФСР, чтобы убедиться в этом».

Добавлю для совсем молодых: портрет страны, нарисованный Солоухиным около 1979 г.¹, стал семь лет спустя, к началу перестройки, еще страшнее.

¹ Для них же: писатель Владимир Алексеевич Солоухин (1924—1997), долго бывший баловнем власти («выездной», ордена, Государственная премия), после ошибочного диагноза «рак», поставленного ему в 1974 г., испытал духовный перелом. Дав себе слово больше не огля-

И другая цитата. Ее автор не какой-нибудь «антисоветчик», а Николай Иванович Рыжков, в 1985—1991 гг. председатель Совета министров СССР. Время, предшествующее перестройке, и нравы партийного руководства страны он описывает так: *«Ни черта не делали толком, пили по-черному, воровали у самих себя, брали и всучивали взятки, врали в отчетах, в газетах и с высоких трибун, упивались собственным враньем, вешали друг другу ордена»* (Н. И. Рыжков. Перестройка: история предательств. М., 1992. С. 33—34).

2. Главный могильщик

Как это обычно бывает в истории, могильщиками режима стали совсем не те силы, которых режим опасался исходя из своего видения мира. По данным «Демографического энциклопедического словаря» (М., 1985. С. 437), к 1983 г. численность интеллигенции в СССР достигла 42 млн человек. У интеллигентов есть семьи, так что вместе их было не менее 100 млн, свыше трети населения коммунистической империи.

Уже цитировавшийся А. Н. Севастьянов справедливо заметил, что к началу перестройки интеллигенция представляла из себя ведущую общественную силу. Кремлевские мудрецы продолжали считать ее какой-то невнятной прослойкой, тогда как она по умолчанию (во всех смыслах) была классом-гегемоном.

Стало настойчиво возвращаться уничтоженное и, казалось бы, забытое. Оно прикрывалось второстепенным — резко вернувшимися в начале 60-х обручальными кольцами, модой

дываться на цензуру и «начальство», он взялся за исследование о Ленине и последствиях его деятельности для России. Плодом этих трудов стали книги «Последняя ступень» (закончена в 1976 г.) и «При свете дня» (около 1980-го). Издать их удалось, естественно, лишь много лет спустя (в 1995 и 1992 гг. соответственно). Приведенные отрывки взяты из книги «При свете дня», но не менее впечатляющими кусками изобилует и «Последняя ступень».

на старые имена, на городской (он же мещанский) романс, настойчивым интересом к Серебряному веку. Появилась и масса подпольных стилизаций типа «Москвы златоглавой» и «Поручика Голицына». После полувека отрешиваний и утаиваний люди вдруг стали кичиться дворянскими предками, нередко попросту придумывая их. Даже в идеологически выдержанных советских фильмах красные стали выглядеть мордоворотами, а белые — красавцами. Так выражала себя тоска по сказочному времени.

Доказательства того, что это время не было выдумкой, имелись в миллионах семей — фотографии на твердом паспорту: приличные люди, не чета потомкам — вицмундиры, пенсне. Или мягкие шляпы и перчатки. А то даже цилиндры и стоячие воротнички. Дамы были затянуты в корсеты и щеголяли страусовыми перьями. Даже мастеровые и крестьяне, снятые в ателье, выглядели молодцевато, их начищенные сапоги сияли, часы были выставлены напоказ. Бравые усатые мастеровые и телеграфисты, паровозные машинисты и конторщики, курсистки и сестры милосердия — ото всех исходил явный положительный заряд, по контрасту с гнетущей аурой, окружавшей людей на фотографиях 30-х и 40-х г.

А тут подросли и многие социальные перемены. Массовое жилищное строительство, начатое еще Хрущевым, позволило миллионам людей покончить с проклятием безынтимного существования коммуналок, впервые познать счастье уединения. Великое изобретение, магнитофон, давало возможность слушать за закрытыми дверями запретных исполнителей, и спрос на запретное рождал предложение — разумеется, в частном порядке. А уж что позволила пишущая машинка! За закрытыми дверями быстро развязывались языки — почему-то в основном на кухне.

Сколько помню эти кухонные споры, самые нетерпеливые из собеседников всегда убивались по поводу того, что СССР — это такая страна, где ничего не происходит и ничего не меняется. Но раз кто-то напомнил, что в Темные века, когда варвары уничтожили в Европе все римское и стали жить своим умом, тоже должно было казаться, что прошлое оста-

вило лишь непонятные письмена, черепки и руины, да и они скоро исчезнут. Но античность не исчезла, она стала закваской, на которой много веков спустя возшло Возрождение. Точно так же не исчезла и Россия, ее закваска делает свое дело под корой коммунизма. Эта мысль, впервые сформулированная, поразила всех как откровение. Просвещенные слушатели тут же обрадованно вспомнили, что в Новом Завете слово «закваска» означало «учение», кто-то процитировал Послание к Галатам: «Малая закваска заквашивает все тесто», но потом все сошлись, что процесс, быть может, и идет, но безумно медленно, и результатов нам не увидеть. Однако биохимик, на счастье оказавшийся в компании, сказал, что заквашивание, сбраживание, ферментация — процессы на шкале времени не линейные. Если для приготовления закваски требуется условно час, то по прошествии 50 минут ее готовность не достигает даже одной четверти. Процесс, бурно ускоряясь, завершается за оставшиеся десять минут. Но чтобы это произошло, абсолютно необходимы предшествующие пятьдесят. Годы перестройки стали для России завершающими десятью минутами.

Подобно тому, как фрески, многократно замазанные побелкой, проступали в храмах, превращенных в склады и гаражи, так и бывшая Россия просвечивала буквально во всем — в нашей недисциплинированности и анархизме, старых и новых песнях, романсах и цыганщине, в неистребимой привычке к дачной жизни, долгих застолиях и застольных спорах, обычае давать взаймы без расписки, в любви к чтению, доверчивости (Кашпировскому внимала вся страна), в важной многозначительности толстых журналов, в отношении к детям (мы их не перестаем воспитывать никогда), в тоске, которую у нас вызывают формализованные процедуры, и нашей готовности избежать их с помощью взятки, в малой бережливости, пониженной мстительности, тяге к приметам и суевериям, в отвращении к сотрудничеству с правоохранительными органами, свойстве загореться новой идеей и быстро остыть, в пословицах и поговорках, обожании анекдотов, твердом расчете на авось, в родственности, пожизненных

дружбах, взаимовыручке, в многопоколенных семьях с неприменными бабушками — порой даже когда есть возможность разъехаться. Конечно, все это больше не окрашивалось верой, мы были безбожными дачниками и безбожными заимодавцами. Семьдесят советских лет добавили немало люмпенского, лагерного, коммунального, а еще больше бытового хамства и глухоты к пошлости, но все это, как показывает опыт, изживаемо.

Когда эмигранты первой волны пытались представить себе встречу с родиной, люди скептические находили их представления наивными: *«Нет в России даже дорогих могил, / Может быть, и были — только я забыл. / Нету Петербурга, Киева, Москвы, — / Может быть, и были, да забыл, увы. / Ни границ не знаю, ни морей, ни рек, / Знаю — там остался русский человек. / Русский он по сердцу, русский по уму, / Если я с ним встречу, я его пойму»* (Георгий Иванов). Однако поэт, как это часто бывает с поэтами, оказался прав. Внешне малоузнаваемый, подсоветский русский человек остался тем же по сердцу и по уму.

В интеллигентской среде достаточно рано стало признаком умственной ограниченности не высмеивать все советское — даже то положительное, что, без сомнения, имелось в СССР в науке, производстве, социальной сфере, образовании: уж слишком тесно все это переплеталось с советскими несуразностями и фальшью. Никто никогда особенно не верил официозу, а к 80-м неверие стало тотальным. Даже вполне правдивые утверждения советской пропаганды воспринимались как обычное вранье. Интеллигенция сквозь глушилки пыталась уловить, о чем говорит радио «Свобода», и беззаветно верила уловленному, члены КПСС рассказывали «антисоветские» анекдоты. В узких (а на самом деле широчайших) кругах на подобные настроения сложилась мода, а мода — это сила, противостоять которой невозможно.

Наружу фрондерские настроения почти не выплескивались, их продолжала сковывать инерция страха. Упиваясь своей принадлежностью к тонкому слою прозорливцев, ин-

теллигент был уверен, что общество остается косным, высываться бессмысленно, лбом стену не прошибешь.

Но даже отсутствие пассионарности в этой среде не отменяло простую истину: то, что советская власть обрыдла важнейшей и самой активной части общества, с неизбежностью обрекало эту власть на гибель, вопрос лишь — как скоро и по какому сценарию. Любой из этих сценариев мог стать смертельно опасным для страны и для человечества в целом. Реализовавшийся в жизни оказался щадящим. Частичное объяснение этой удачи состоит в том, что плохо знавший объект своего управления Горбачев в стремлении усовершенствовать социализм решил опереться в первую очередь на интеллигенцию.

3. Стремительность пробуждения

Феномен новой России формировали не только встроенные предпосылки, но и великое множество случайных или почти случайных событий и обстоятельств, отчасти уже полузабытых. Приход Горбачева нельзя назвать исторически неизбежным, на посту генсека мог оказаться другой. Но это была одна из тех случайностей, с помощью которых прокладывает себе путь закономерность.

Горбачев пришел совсем не для того, чтобы председательствовать при упразднении СССР и коммунизма. Он был уверен, что сумеет обновить их, выявить скрытые резервы, дать новый прекрасный старт. Горбачевская команда решила, что справиться с клубком проблем помогут их свободное обсуждение, открытость и гласность действий власти: ведь непопулярные меры неизбежны, но, поняв их смысл, люди будут эти меры приветствовать. И тогда заработает живое творчество народа, произойдет гуманизация общественных отношений (подлинные словеса того времени). Но какое свободное обсуждение может быть в условиях цензуры? Приоткрытие шлюзов гласности началась уже зимой 1985/86 г.

Первыми ласточками стали статьи за отмену, казалось бы, уже решенного «наверху» вопроса о переброске сибирских рек в Среднюю Азию и другие непривычные выступления экологов. В «Огоньке», где в кресле главного редактора еще доживал свое сталинский зубр Анатолий Софронов, вдруг появился большой материал к столетию Николая Гумилева, что казалось немыслимым. «Кажется, поехали», — вырвалось тогда у многих. Случившаяся вслед за этим чернобыльская катастрофа не только не перекрыла струю гласности, но словно бы даже подстегнула ее. Едва получив умеренную свободу, СМИ стали явочным порядком расширять ее границы. Вскоре в «Огоньке» (уже с Коротичем), «Московских новостях», «Аргументах и фактах», «Московском комсомольце» замелькали и более дерзкие статьи. Интеллигенция ликовала, партийные функционеры среднего и низового уровня лезли на стену, просили у ЦК разъяснений.

В решающий момент рядом с Горбачевым не оказалось никого, кто объяснил бы ему, что отмена цензуры — гарантированная смерть сперва для КПСС, а потом и для СССР.

То, что в конце 80-х — начале 90-х с выводами демократических СМИ так легко согласились самые широкие массы, говорит об одном: от «совка» устали уже практически все. Разнонаправленные антиутопические тенденции стали входить в резонанс. Процесс вызревания нового общества в оболочке старого стал ускоряться, приобрел системный характер и в какой-то миг перешел в стадию антикоммунистической (версия: демократической) революции.

Уже к концу 1986 г. открыто действовали больше дюжины никем официально — неслыханное дело! — не разрешенных политических клубов: «Социально-политический», «Слобода», «Община» (в МГУ), «Память», «ЭКО», «Перестройка», «Гласность», «Союз верующих социалистов», «Федерация общего дела», «Гражданское достоинство», «Фонд общественных инициатив», «Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся» (СМОТ), «Диалектик», свердловский клуб «Рабочий»; активисты, ни от кого не прячась, выпускали полтора десятка самиздатовских журналов (самый из-

вестный — «Экспресс-хроника»). И власти не решались разгонять и закрывать их!

Большим сюрпризом для всех стала внутренняя готовность России к свободе. Антитоталитарный прорыв возглавила именно она. Опережая цензурные послабления, из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска, Горького, Свердловска, Красноярска, из дюжины академических городков (оттуда же, откуда до того десятилетиями шел самиздат) стали открыто и громко распространяться демократические идеи, столь смелые и последовательные, что поначалу местные элиты в советских республиках и будущие вожди «народных фронтов» в ужасе шарахались, подозревая адскую ловушку — «они», мол, хотят выявить потенциальных врагов и разом прихлопнуть. Года два они в лучшем случае лепетали: «Больше социализма!» (и уж совсем шепотом: «Региональный хозрасчет!»). Один из ведущих литовских политологов и историков Чесловас Лауринавичюс вспоминает: *«Помню 1987—1988 года, когда весь СССР [не СССР, а РСФСР!— А. Г.] пульсировал жизнью, из-под советского пресса появились свежие ростки информации, обсуждений, дискуссий, публичное пространство Литвы было все так же заполнено бетоном. Наши журналы с энтузиазмом гнали традиционные клише об империализме США и мирной политике СССР»* (<http://www.regnum.ru/news/1124383.html>).

СМИ России быстро помогли обществу осознать, что разочарование во всем советском — чувство не экзотическое, а массовое. Шаг за шагом таял страх перед КГБ. Миллионы людей впервые ощутили незнакомое чувство: вот я сейчас громко выскажу наболевшее, и никто меня за это не покарает.

Слабеющая цензура, как могла, сдерживала критику настоящего, но сняла табу с обсуждения прошлого. Хлынул поток книг, за которые еще вчера можно было получить лагерный срок. «Несвоевременные мысли», «Окаянные дни», «Солнце мертвых», «Колымские рассказы», «Архипелаг ГУЛАГ», «К суду истории» стали потрясением для миллионов, вдруг осознавших, на какой крови построен коммунистический храм.

Пробудившаяся от спячки страна погрузилась в жаростные споры (на темы вплоть до сугубо исторических, типа: кто был прав — Бухарин или Преображенский?). Спорили в вузах, НИИ, на предприятиях, в очередях (советский человек проводил в очередях не меньше часа в день), на скамейках бульваров, в воинских частях. Все то, что произошло дальше, было бы невозможно без этого пробуждения. Партийное начальство пыталось направлять споры в «нужную» сторону, снова и снова вбрасывался лозунг «Больше социализма!», но благовоспитанная дискуссия о совершенствовании советского режима не задалась.

Есть подозрение, что Горбачев очень долго, года три, не осознавал глубины структурного кризиса, из которого он пытался вытащить СССР. Не только решение об отмене цензуры, но, похоже, и ряд других судьбоносных для страны решений (о борьбе «с пьянством и алкоголизмом», о борьбе с нетрудовыми доходами, о борьбе с привилегиями, о «госприемке»¹, о трех моделях хозрасчета, о кооперативах, об индивидуальной трудовой деятельности и т. д.) были приняты партийным руководством СССР по настоянию Горбачева раньше, чем он полностью осознал происходящее.

4. Воздух российской свободы

Сценарий перестройки потому и не был никем предсказан, что сама возможность столь самоубийственного для КПСС шага, как отмена цензуры, никому не могла прийти в голову.

¹ «Госприемка» — реже всего вспоминаемая горбачевская мера. Смысл ее был в попытке повысить качество продукции. Заводские контролеры часто закрывали глаза на брак, так как их придирчивость срывала выполнение плана, и они лишались премии вместе с виновниками брака. Госприемка поначалу резко подкосила плановые показатели по всей стране, снизила заработки, вызвав сильнейшее недовольство рабочих, но длилось это недолго: на «партийный учет» контролерам пришлось встать на подконтрольных предприятиях, где их быстро укротили.

Советская власть («Софья Власьевна» для телефона) давно стала предметом насмешек основной части активного населения СССР, а в перестроечные годы к этому ядру добавилось дотоле пассивное большинство. «С. В.» уже ничего не смогла противопоставить полумиллионным демократическим демонстрациям в Москве и многотысячным в провинции. Нет ни малейших сомнений: отказ от коммунизма и демократические реформы были историческим творчеством советского народа, прежде всего российского. Егор Гайдар знал, о чем говорил: *«Если вы думаете, что это американцы нам навязали демократию в том виде, в котором она возникла в 1990—1991 гг., то это неправда. Мы сами выбрали этот путь, американцы играли в этом последнюю роль и будут играть последнюю»*¹.

Сегодня уже совсем не осталось последних очевидцев ушедшей России, а в 60-е и 70-е гг. их было много. И даже еще в 80-е. Хорошо помню этих ровесников века — старых профессоров, у некоторых я был студентом или консультировался. Чего стоила одна их русская речь! Те из них, кто не успел получить дореволюционное образование, учились уже в советское время, но у великолепной старой профессуры, и я опосредованно становился студентом этой профессуры. Мой опыт ничуть не уникален — о том же могли бы рассказать миллионы людей. Позже, занимаясь преподаванием сам и даже не ставя такой задачи, я каким-то образом передавал своим студентам ту же эстафету. Мой друг рассказывал, как его воспитали три разрозненных тома дореволюционной энциклопедии, которые ему давала читать соседка по коммуналке. И фокус в том, что эти три тома незаметно влияли, через посредство моего друга, на людей, с которыми он общался. Огромную роль в пробуждении страны сыграл самиздат. Но сами авторы самиздата воспитывались не в пустоте, и разноречивость их мнений вполне отражал былую плюралистическую Россию с ее тремястами партиями.

¹ Е. Т. Гайдар, интервью журналу «Smart Money» № 26, 16 июля 2007 г.

Не исключено, что точкой невозврата стало событие, о котором сегодня вспоминают редко: празднование 1000-летия Крещения Руси в июне 1988 г. и неожиданно широкое освещение торжеств. Церковь, до того едва и сквозь зубы упоминаемая, вдруг стала важнейшим действующим лицом общественной сцены. Общество, давно превращенное в атеистическое, вдруг осознало, что рядом с коммунистической возвышается совершенно иная идеология, полностью (хотя и молча) ее отрицающая. И не просто отрицающая, но и неизмеримо более мощная. Уже хотя бы потому, что устояла на протяжении веков, тогда как коммунистическая всего за два года гласности успела покрыться глубокими трещинами. Для миллионов людей церковь стала, без всяких переходов, главным духовным авторитетом.

Сразу вслед за торжествами, не давая издыхающей утопии опомниться, явился еще один отменяющий ее символ — российский триколор. Он замелькал на митингах в конце лета того же 1988 г. Первыми этот флаг (сшитый за ночь из подручного материала) подняли на ленинградском стадионе «Локомотив» активисты Народно-трудового союза. «Что это за флаг?» — спрашивали люди и слышали в ответ: «Это русский флаг!» И почти всякий раз ответной реакцией было радостное изумление. Так просто? Значит, есть законная замена понятию «советский»? Знаки, символы, гербы, флаги скрывают в себе огромную, не до конца ясную силу¹.

Невозможно забыть, как в 1988 г. от первых русских триколоров менялся сам воздух городов, забыть ту мощную атмосферу свободы, просветления и солидарности, которая достигла своего пика в дни сотысячных митингов на Манежной и Дворцовой площадях и держалась до «шоковой терапии» 1992 г. и вопреки ей, держалась до референдума о доверии курсу Ельцина 25 апреля 1993 г. (президент получил тогда

¹ Половину успеха сторонникам независимости Украины обеспечили нарбутовский трезубец и желто-голубой флаг, а из ошибок А. Г. Лукашенко роковой является всего одна: упразднение герба «Погоня» и бело-красно-белого флага (заменены советскими суррогатами). Думаю, он об этом уже сто раз пожалел.

58,7 % голосов) и много дольше, видоизменяясь, слабея и дробясь на оттенки. Будь атмосфера другой, все повернулось бы совершенно иначе.

А эта массовая стойкость духа! Есть подробные хроники тех лет, и финальные годы перестройки выглядят в них жутковато: идеально пустые магазины, нападения на поезда, захваты оружейных складов, западные миссионеры с проповедями, заготовленными для язычников, подозрительные секты, финансовые пирамиды, «гуманитарная помощь», газетные сообщения о покинутых погранзаставах и о том, что запасы продовольствия в стране на исходе, предсказания неминуемого военного переворота и скорых эпидемий, самые фантастические слухи. И на этом фоне — душевный подъем, бесстрашие, вера: «еще немного, еще чуть-чуть...», огромный успех юмористов, рождающиеся каждый день политические партии, массовые концерты под открытым небом, начало издательского, длящегося доныне, бума, огромные тиражи прессы («Читать нынче интереснее, чем жить», — сказал кто-то из актеров), самые поразительные затеи и начинания, на какие только способен раскрепощенный ум, энергичное утверждение лозунга «Секс в СССР есть». И на каждом столбе объявления: «Обучаю работе на компьютере».

Все 70 лет, между январем 1918 г. (разгон Учредительного собрания) и декабрем 1988-го (закон об альтернативных выборах народных депутатов СССР), коммунисты не оставляли попыток имитировать представительную власть, об этом речь у нас уже шла. Можно, конечно, повторить, что имитация демократии — высший комплимент, который диктатура делает свободе, но важнее осознать другое: ростки политической демократии не могли быть полностью выкорчеваны из российской почвы. С началом перестройки они взошли как ни в чем не бывало.

Начало конца СССР можно отсчитывать от нескольких дат, но, скорее всего, под номером один должна стоять дата 1 декабря 1988 г. — день принятия отчаянно смелого закона «О выборах народных депутатов СССР». Выборы состоялись 26 марта 1989 г. Они были в основном альтернативными (без-

альтернативными были 26,6 % округов — 399 из 1500) и, что особенно поразительно, конкурентными (кандидаты имели возможность выступать перед избирателями со своими программами, в том числе в прямом эфире по ТВ), было обеспечено тайное голосование, отменялись всякие разнарядки (такой-то процент рабочих, такой-то — колхозников) при выдвижении кандидатур в депутаты. Треть депутатов съезда избиралась от общественных организаций — Коммунистической партии Советского Союза (напрямую от КПСС — всего 100 мандатов из 2250!) и подконтрольных ей структур. Правда, полная подконтрольность пяти академий (75 мандатов), восьми творческих союзов (75 мандатов), потребкооперации (40 мандатов) и разного рода обществ, таких как «Знание» (10 мандатов), Красного Креста (10 мандатов) и т. д., к тому времени уже кончилась. Полторы же тысячи депутатов избирались от территориальных и национально-территориальных округов.

Послушаем стороннего свидетеля, оксфордского профессора политологии Арчи Брауна. В статье «Как Москва убила коммунизм» («How Moscow killed communism») в английской газете «Гардиан» от 26 мая 2009 г., написанной к двадцатилетию одного из самых поразительных событий XX в., говорится: *«25 мая 1989 г. состоялось открытие Съезда народных депутатов — первого настоящего парламента в Советском Союзе. Настоящим он был потому, что, в отличие от прочих советских законодательных органов, большинство его членов были избраны на состязательных выборах, а еще потому, что с самого первого дня часть парламентариев была готова критиковать партийное руководство, поведение армии и КГБ — и могла делать это безнаказанно».*

Прямые эфиры заседаний съезда останавливали занятия в университетах, конвейеры в цехах и хорошо, если не операции в больницах. Большинство выступлений носили либо остро критический, либо прямо оппозиционный характер. Приятной неожиданностью была реакция «советских людей»: ворчание «пораспускали языки» доносилось крайне редко, чаще можно было услышать: «Я бы крепче сказал». Уличные

дискуссии звучали так, словно семидесяти лет советского страха не было в помине.

Вести из СССР жадно ловили в Восточной Европе. 4 июня, ровно десять недель спустя после выборов в СССР, прошли типологически близкие выборы в польский Сейм. Правда, в Польше коммунисты забронировали за собой аж две трети мандатов. Сегодня очень забавно читать беседу с польским послом в России (Посев, № 8, 2009). *«Уважаемый г-н Посол, — говорит представитель журнала, — 4 июня 1989 г. — это дата первых свободных выборов не только в Польше, но и вообще в первой коммунистической стране в мире...»* Посол, в отличие от своего беспамятного собеседника, прекрасно знает, что это не так, но скромно уходит от вопросов приоритета.

Арчи Брауну было нетрудно предречь: *«В этом году большинство СМИ, вспоминая события двадцатилетней давности, сосредоточится на наиболее живописных картинах — на массовых демонстрациях в европейских городах, на западных и восточных немцах, танцующих на руинах стены, которая разделяла Берлин с 1961 г. Однако главные перемены, сделавшие возможной трансформацию Восточной Европы, происходили в другом месте — в Москве».*

Помнить о том, где произошли эти главные перемены, сегодня не хотят — по самым противоположным причинам — поразительно много людей во всех частях Европы, включая ту, что сразу к западу от Урала. Но так будет не всегда.

Арчи Браун отвергает популярные легенды о том, что эти перемены произошли благодаря политике американского президента Рейгана или папы Римского Иоанна Павла II или что к ним подтолкнула суровая экономическая необходимость. Он подчеркивает: *«В значительно более бедных странах, чем Советский Союз середины 1980-х, авторитарные режимы спокойно сохраняются до наших дней. [Накануне перестройки] в советском обществе все было спокойно, и скорее реформы вызвали в нем кризис, чем кризис породил реформы. Решение, сделавшее возможными перемены 1989 г., было принято относительно узким кругом во главе с Горбаче-*

вым в Москве в 1988 году... Советское руководство объявило [среди прочего], что не будет больше поддерживать коммунистические режимы за рубежом с помощью интервенций...» Только поэтому стали возможны и польские выборы июня 1989-го — строго после советских.

Арчи Браун лишь констатирует очевидное, говоря о том, что Москва не только внедрила коммунистический проект в Восточную Европу в середине 40-х, но и сыграла решающую роль в закрытии этого проекта сорока годами позже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕОДОЛЕНИЕ УТОПИИ

Глава первая

СССР на финишной прямой

1. Не из-за нефти

Но еще до Съезда народных депутатов — по моим воспоминаниям, уже с осени 1988 г. — активная часть населения (а только она и делает историю) уже не согласилась бы на меньшее, чем низвержение утопии. С этого момента только жесточайшая диктатура, давно нереальная, смогла бы остановить антикоммунистическую революцию. Как известно, эта революция увенчалась ликвидацией системы Советов 9 октября 1993 г. и принятием 12 декабря того же года Конституции Российской Федерации. Вместо Верховного Совета был узаконен многопартийный парламент. Для сохранения преемственности с прежней Россией нижняя палата парламента названа Государственной думой.

Однако новая Россия почти целиком, до мелочей, сформировалась раньше, в последние месяцы существования СССР. Она словно пряталась где-то и вдруг явилась готовая. Количественные изменения последующих лет были, разумеется, огромны, но почти все, что мы наблюдаем в современной жизни — и хорошее, и плохое, — появилось уже тогда. Это поразительный феномен, и его необходимо понять.

И сегодня еще полно людей, верящих, что СССР рухнул из-за падения мировых цен на нефть. Или потому, что надорвался на афганской авантюре, испугался «звездных войн», проиграл «холодную войну», не выдержал гонку вооружений. Что он действительно не выдержал, повторю еще раз, так это отмены цензуры. Можно сказать даже так: СССР умер от свободы слова. Как говорят математики, это было необходимое и достаточное условие.

Процесс был ускорен целым рядом решений, принятых руководством СССР. Вот они: постановление Совета министров СССР (19.08.1986), фактически отменившее госмонополию внешней торговли; неприменение с декабря 1986 г. политических статей Уголовного кодекса (70-й и 190-й); постановление СМ СССР (5.02.1987), разрешившее кооперативы; безумный с точки зрения социализма Закон о госпредприятии, принятый VII сессией Верховного Совета СССР (1.07.1987); постановление СМ СССР о переводе научных организаций на самофинансирование (30.09.1987); постановление СМ СССР о выборности руководства предприятий (8.02.1988); негласное разрешение политических партий весной 1988 г.¹; упразднение «номенклатуры» (октябрь 1989-го); отмена в марте 1990 г. 6-й статьи Конституции СССР о «руководящей и направляющей роли КПСС»; принятие таких правовых актов, как Закон о свободе совести и религиозных организациях от 1.10.1990, Закон об общественных объединениях от 9.10.1990, Закон о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР от 3.04.1990. Этот закон предусматривал 5-летний «переходный период».

(Добавлю в скобках, что сама возможность обсуждения такого вопроса напомнила населению страны, что выход республик из СССР законен по советским же законам. Обсуждалось не право выхода, а его процедура. И хотя в дальнейшем все республики покинули СССР вне этой процедуры, значение закона от 3 апреля 1990 г. в том, что он дал миллионам

¹ Первыми (явочным порядком, разумеется) объявили о себе партии Социал-демократический союз (март 1988 г., Ленинград) и Демократический союз (май того же года, Москва).

людей время привыкнуть к мысли, что республики начнут покидать СССР, что это уже неизбежно.)

Список легко удлинить, но главное названо. Перечисленные новшества породили массу последствий — от появления на всех уровнях руководства КПСС самоотверженных рыночников до всесоюзного «парада суверенитетов». Бывшие члены ЦК КПСС и другие советские нотабли, принимавшие перечисленные решения, неспроста предпочитают сегодня молчать об этом. Чтобы создать себе алиби в глазах рыдалыцев о коммунизме, они придумали басни о том, как развалом СССР руководили из-за океана. Они готовы обесценить свою выдающуюся роль в истории, лишь бы все забыли, как с их подачи партийные органы становились «хозяйствующими субъектами».

Что же до первого списка (падение цен на нефть, гонка вооружений, «Афган» и проч.), СССР все перечисленное с гарантией выдерживал. Что такое американские «звездные войны» или «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ)? Космический гиперболоид инженера Гарина, непроницаемая лазерная оборона, которая когда-нибудь в будущем не даст советским межконтинентальным ракетам достичь США? Не говоря уже о том, что вся затея выглядела — и была — блефом, она даже в случае успеха не могла бы защитить США от советских атомных подводных лодок с ракетами у американских берегов. Вдобавок тут же было подсчитано: чья бы ни взяла, человечество гарантированно погибало от «ядерной зимы». Разговоры о «звездных войнах», конечно, встревожили советскую сторону, но ни в какие «неподъемные расходы» или в «новый виток гонки вооружений» не втянули. На разорительную американскую программу СОИ, как всегда, нашелся бы недорогой асимметричный ответ.

Из Афганистана СССР ушел в соответствии с Женевским договором от 14 апреля 1988 г., с «холодной войной» давно сжились, как и с постепенной экономической деградацией. Падение цен на нефть было неприятностью, но не угрозой режиму. Вдобавок, напомним, львиная доля экспортной нефти шла в страны соцлагеря и настоящей валюты приносила не так уж много. Цены же на газ, определяемые долгосрочными соглашениями, не менялись.

Да, из-за уменьшения валютных поступлений пришлось сократить рутинную и безвозвратную закачку средств в социалистическое сельское хозяйство, отказаться от сумасбродного проекта переброски северных и сибирских рек. То есть, на круг, была даже польза.

Понижение цен на нефть, снизив валютные поступления, не привело к валютному голоду. Об этом напоминает такой факт: уже на втором году перестройки, в момент, когда цены на нефть достигли своего минимума, Горбачев затеял модернизацию машиностроительной и станкостроительной отраслей с целью вывести их на самый передовой в мире уровень¹. Для этого, объяснял он, следовало в первую очередь наладить закупки современного оборудования для этих отраслей. Именно сюда ушла значительная часть государственных валютных ресурсов, что сократило ввоз зарубежного ширпотреба, обострив нехватку товаров на прилавках и дав очередной толчок недовольству населения.

Но главное — за что им вечное спасибо, — генсек и его команда были искренне настроены на завершение холодной войны и гонки вооружений. Они верили не только в демократический социализм с человеческим лицом, но и в реальную возможность устранить ядерную угрозу, отвести мир от грани самоуничтожения. Похоже, Горбачев ощущал это как личную историческую миссию.

2. Огромные выгоды, упущенные Горбачевым

Мир всегда будет помнить роль Горбачева в устранении дамоклова меча, под которым человечество прожило сорок лет, но в России вряд ли забудут упущенные им выгоды. В июле 1989 г. Горбачев и канцлер ФРГ Коль согласились, что *«вопрос о демонтаже Берлинской стены скорее всего встанет на повестку дня уже в XXI веке»*².

¹ «Справочник партийного работника». Вып. 27, 1986. С. 228 и след.

² Горбачев не раз рассказывал об этом (например, в «Майами геральд» в ноябре 2004 г.), и Коль не возражал.

Самое интересное, что Европа такие сроки негласно лишь приветствовала, хотя, возможно, на словах изображала бы «озабоченность». 19 апреля 2005 г. в телевизионной передаче «Процесс пошел» (о Горбачеве и перестройке) принял участие Войцех Ярузельский. Он по-русски рассказал о своем визите в Англию в 1989 г. следующее: «Улучив момент, Маргарет Тэтчер отвела меня на два шага в сторону, чтобы нас никто не слышал, и, взяв меня за пуговицу, сказала: примите что-то, как-то подействуйте на Горбачева, сделайте все, умоляю, — только бы Германия не объединилась. Точно так же был настроен Миттеран».

Стена рухнула всего через 4 месяца, но и тогда Коль говорил Горбачеву (эти слова многократно цитировались): *«Мы, немцы, отдаем себе отчет в том, что такое глазомер — он означает и чувство меры, и способность при планировании действий учитывать наши возможности объединить Германию, пусть не сейчас, а спустя много лет».*

Вплоть до последних переговоров в Архызе 16 июля 1990 г. — о Большом договоре, о переходных мерах, о выводе советских войск (к тому времени вопрос объединения Германии был уже решен) и, если верить газете «Правда», о *«недопустимости распространения военных структур НАТО на территорию ГДР»* — Коль ждал, что Горбачев заговорит об отступном. Еще летом 1989-го отступным стала бы полная нейтрализация Германии. В этом случае Северо-Атлантический Союз оставался для СССР и Восточной Европы за стеной внеблоковых стран — Швеции, Германии, Швейцарии, Австрии, Югославии. Для новой России соприкосновение с НАТО на суше сохранялось бы, как и в советское время, лишь на Крайнем Севере, по короткой советско-норвежской границе. Помимо этого, немецкая сторона в 1989 г. была готова оплатить вывод и обустройство на родине огромной Группы советских войск (процесс бы занял от 10 до 15 лет) и инвестировать до 150 млрд марок в экономику СССР.

К архызской встрече вопрос о нейтрализации Германии уже не стоял. Горбачев повел разговор так, что Колю даже не пришлось затрагивать тему «отступного». Как подарок Рос-

сия получила кредит (!) на строительство жилых поселков для офицеров выводимой армии. Изложенное опирается на рассказ высокопоставленного сотрудника посольства СССР в Берлине.

Будущим историкам обязательно надо будет учесть следующее. Советская верхушка привыкла придавать огромное значение устным соглашениям. Важнейшие дела партийные боссы нередко решали в неформальной обстановке, и любая достигнутая ими — хоть в бане, хоть на охоте — договоренность подлежала исполнению. Никто не подсказал Горбачеву, что западные люди этому не обучены. Он жалуется, что его высокие собеседники из США, ФРГ (и еще каких-то стран) в задушевных беседах у камина и на яхте давали ему слово, что НАТО не будет расширяться на Восток. Наверняка давали. Но в этом случае уже наутро должны были получить меморандум, начинающийся словами: «В продолжение нашей вчерашней беседы...» или «Закрепляя достигнутое накануне взаимопонимание...» Но такие бумаги от Горбачева не поступали, что давало его собеседникам, с их точки зрения, полное право забыть о своих обещаниях. Горбачев же, судя по всему, слишком уверовал в принцип: джентльмену верят на слово, у джентльмена не проверяют карты.

К 1 января 1990 г. было уничтожено 1498 советских ядерных ракет дальностью от 500 до 5500 км и их пусковых установок. Соответствующая американская цифра равнялась 451 уничтоженной ракете. Почему же Западу было не любить Горбачева?¹ Кто же не хочет увеличить свою безопасность? Но нет и оснований утверждать, что Запад хотел развалить СССР. Запад мечтал о таком СССР, который не только не уг-

¹ Вместе с тем даже в начале 1990 г. эксперты ЦРУ продолжали уверять свое начальство, что все происходящее в СССР — перестройка, гласность, отмена цензуры, свобода собраний и объединений, первые свободные выборы с несколькими претендентами на одно место, первые рыночные реформы, — все эти и другие революционные перемены были не чем иным, как хитрым трюком, придуманным, чтобы сбить с толку руководство США. Психологи называют подобный ход мысли младенческим эгоцентризмом.

рожает уничтожить полмира, но и не способен это сделать. Демократический, мирный, рыночный, во всем согласный с Западом, желательно под руководством Горбачева. Развал же СССР давал гарантированное расползание ядерных технологий и материалов по миру и появление нескольких непредсказуемых ядерных держав (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан; многочисленные шахты для ракет дальнего действия были — и кстати, остались! — также в Туркмении) вместо одной предсказуемой.

Тем не менее жадность Запада все же приблизила конец СССР — точнее, сократила его агонию. Горбачев просил «Большую семерку» о крупном кредите. Он надеялся наполнить прилавки, разоренные «интенсификацией и ускорением», и этим сбить зашкаливающее напряжение. Ему в этом с трогательной простотой отказали, объяснив, что надо сперва делом доказать свою приверженность рыночным и демократическим реформам. В московских разговорах это комментировали так: «Семерка решила, что деньги вряд ли будут возвращены и потому включила дурочку». Изумлению Горбачева не было границ: а чем еще, кроме реформ, он занимается? Дело было 19 июля 1991 г., за месяц до путча и за пять месяцев до упразднения СССР.

3. Разжигание страстей

Люди, запутавшиеся в событиях, обожают объяснения-афоризмы — чтобы одна фраза объяла всю суть сложного явления и ломать голову больше не требовалось. Подобный спрос всегда рождает предложение. Афоризм именно такого рода, притом достаточно высокомерный, пустил бывший разведчик и практикующий остроумец Леонид Шебаршин. Звучит это так: *«Особенно много дала перестройка азербайджанскому и армянскому народам. Под гнетом царской монархии и сталинской диктатуры, в удушливой атмосфере застоя они не могли и мечтать об освободительной войне друг*

против друга». Дескать, есть такие народы, которые нельзя предоставлять самим себе, обязательно передерутся.

Обсуждение процессов в «советских республиках» в период 1985—1993 гг. выходит за пределы задачи, которую я себе поставил, но совсем их не коснуться нельзя.

Строго говоря, в 1985 г. на национальных окраинах царила обманчивая (а может быть, и не обманчивая) тишина. Да и в течение почти всего следующего года поверхностный взгляд не увидел бы там заметного оживления. Разве что зазвучали голоса в пользу идеи «регионального хозрасчета», т. е. более высокого уровня экономической самостоятельности. Попытки настоящих диссидентов выйти из подполья на Украине, в Молдавии, Прибалтике, Закавказье жестко пресекались: «двойной идеологический гнет» не был выдумкой «антисоветчиков».

При всем разнообразии национально-освободительных движений они схожи в главном. В каждом из таких движений есть люди, предпочитающие даже в борьбе с режимом не выходить за рамки режима, и есть стихийные силы, управлению поддающиеся мало. Стоит вечной мерзлоте слегка подтаять, эти силы обязательно заявят о себе. Межэтническая напряженность вырывалась наружу даже в советское время, когда это гарантированно вело на лагерные нары. Когда же дотоле безжалостная власть вдруг слабеет, жди серьезных событий.

Первый раз рвануло там, где меньше всего можно было ожидать: в идиллической и полностью русскоязычной Алма-Ате в декабре 1986 г. студенты-казахи предприняли попытку «русского погрома». Беспорядки были подавлены с привычной, казалось бы, советской свирепостью, но внимательные люди заметили разницу. Во-первых, дело не было полностью замолчано — оно пусть и акварельно, но обсуждалось в газетах. И во-вторых, самое главное, в этом обсуждении проскальзывали обороты типа «вместе с тем», «но надо признать и то, что».

Пессимисты настроились, что следом немедленно польхнет и в других местах — но нет: 1987-й прошел, как многим тогда показалось, под знаком энергичного общедемократи-

ческого пробуждения. Из событий года сколько-нибудь ярко национально окрашенными оказались лишь выступления крымских татар, требовавших организованного и за счет властей возвращения их в Крым и обустройства там. Некоторые мудрецы со Старой площади решили, что национальные вопросы и впредь останутся на обочине шоссе, ведущего в «обновленный СССР». А между тем именно в 1987 г. больше чем в половине республик возникли ядра организаций, из которых год спустя сформируются «народные фронты» и им подобные движения. Эти «фронты» поведут затем свои республики к независимости.

Настоящая бомба рванула в первых числах января 1988 г. на Кавказе. В Кафанском и Мегринском районах Армении вооруженные группы выгоняют местных азербайджанцев из их домов. Несколько сот (по другим данным, тысяч) человек с детьми бредут пешком в стужу через перевалы в Азербайджан. Их размещают в Сумгаите, где 27 февраля начинается армянская резня. Так разгорелся конфликт, столь изящно описанный Л. Шебаршиным. Этот конфликт длится уже больше 20 лет.

Многое произошло в том — 1988-м — году. Самым неприятным оказалось явление, предвидеть которое сумели немногие: заглушая демократов, в нескольких республиках стали все громче звучать голоса «историков», сливаясь в ликующий ослиный хор. Если бы Старая площадь, еще не совсем утратившая власть, уделила больше внимания материалам, которыми стали все гуще заполняться журналы и газеты (многие из них были органами местных ЦК КП!), а также телеэкраны в республиках, это, возможно, привело бы ее в чувство, но Старая площадь была занята чем-то другим. Мелькнул, чтобы куда-то немедленно сгинуть, Закон от 2 апреля 1990 г. «Об усилении ответственности за посягательство на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории СССР».

Профессиональные психопатологи когда-нибудь разберутся с феноменом детской безответственности ученых и журналистов, разжигавших национальную вражду. Они обрушили на голову малоподготовленного, мягко говоря, читате-

ля и зрителя самые дикие открытия. Оказывается, сосед, прикидывающийся приличным человеком, уже семьсот, или триста, или тысячу лет пьет нашу кровь, он коварен и всегда наносит удар в спину. Этнос, представляемый автором открытия, самый древний на свете, а есть нации-выродки. Академик открыл это давно, но Москва трусливо засекретила его находку. И так далее.

Первые же сенсации такого рода открыли шлюзы массового безумия. Украинский кинорежиссер выступил с требованием раз и навсегда запретить все межнациональные браки, а уже заключенные — насильственно расторгнуть. По тбилисскому телевидению прозвучал призыв немедленно крестить всех аджарцев-мусульман. Можно не продолжать.

С приходом гласности печатному слову и телевизору начали свято верить. Правда, мудрецы разных наций утверждали разное, в связи с чем ученые диспуты завязывались уже между простыми людьми, перерастая в столкновения. В исторические споры на Кавказе, Западной Украине, в Молдавии вступали даже крестьяне, как метко заметил кто-то, «мучительно закладывая мозолистые пальцы в страницы».

На национально-заточенной интеллигенции конфликтных регионов лежит огромная вина за пролившуюся вскоре кровь — в первую очередь на писателях и журналистах. Отдавая должное их роли в демонтаже тоталитарных структур, нельзя забывать и об этом. В середине 90-х они начали оправдываться: «Не журналисты начинали войны». Верно, просто они делали их неизбежными. Мы помним, как разгорались армяно-азербайджанский и грузино-абхазский конфликты. Будоража память о давних исторических счетах, кавказские СМИ произвели эмоциональную артподготовку настоящих войн. Взвинтив людей до предела, они сделали все, чтобы раздались выстрелы.

Я пишу это еще и для того, чтобы лишний раз напомнить о здоровой толстокожести российских СМИ, ни разу до распада СССР не ввязавшихся в обмен ядовитыми стрелами с русофобами в будущем ближнем зарубежье. И не потому, что их стрелы не долетали до России. Знаю редакции, где подоб-

ного рода материалы вечно валялись на столах для желающих. Не знаю, была ли у журналистов России договоренность не реагировать или консенсус сложился сам собой, только они не реагировали.

В те опасные годы мудрость была проявлена, но в наши дни она иссякла. Сегодня почтенные авторы выдают в Сети перлы такого рода: *«Нациствующие чухонские племена, шумные табуны защитников украинской независимости... провинциальные комары»*, *«...вступая в диалог „дурак — сам дурак“ с Польшей, Латвией и Грузией, Москва показывает, что находится в мировой политике на уровне этих ничтожеств»*... Ничтожества, чухонские племена, «независимость» в качестве слова строго для иронического употребления — и это пишут интеллигенты, наследники благородного русского универсализма!

Вообще градус раздражения, когда речь идет о Прибалтике (чего стоит хотя бы Альфред Кох со своей статьей «Еще один член семьи цивилизованных народов») или о Грузии, просто удивителен. Допустимо ли забывать, что грузины — братский православный народ и что отношения с Грузией для России многократно важнее, чем, например, с Канадой или Испанией, совершенно не желая обидеть последние? Или что в Латвии живет 2 млн 300 тыс. прекрасных людей, и претензии к нескольким конкретным уродам — совсем не повод для разжигания неприязни к этой стране. Странно, что приходится напоминать: ненависть к любой нации — признак серьезной умственной слабости.

4. Победа юридика

Возвращаюсь к bon mot Л. Шебаршина. Ни одна настоящая империя не допустит войны своих подданных друг против друга. Но автор афоризма, как человек просвещенный, не может не знать, что настоящая империя и не проводит государственных границы внутри самой себя. Квазиимперия, которая это делает, обречена с наступлением кризиса на рас-

пад по этим границам. И скорее всего, на последующие военные действия за их переделку.

Сохранив внутри себя квазигосударственные границы, СССР сделал свой будущий распад вопросом времени. При подготовке союзного договора 1922 г. тогдашний председатель Совнаркома Украины Христиан Раковский (родом болгарин и румынский подданный, сын помещика) сумел склонить Ленина к принятию такой модели Союза, куда РСФСР вошел бы «вместе и наравне» с прочими республиками. В основу этой идеи были доверчиво взяты обсуждавшиеся еще до 1914 г. проекты австрийских марксистов об устройстве будущей социалистической Австро-Венгрии. Такая конструкция, не исключено, могла бы работать, развиваясь с самого начала на добровольных и демократических принципах. Но сразу же зажатая со всех сторон множеством тисков, она оказалась неспособна устоять при их ослаблении — так у человека, много лет проведенного в гипсовом корсете, атрофируются целые группы мышц. Точка зрения генсека ЦК ВКП(б) Сталина и секретаря ЦК КП(б) Украины Мануильского о том, что все государственные образования, возникшие на территории Российской империи, должны стать максимум автономиями РСФСР, была отвергнута. В то время в большевистской верхушке еще шла совсем нешуточная борьба.

Но вот что интересно. Из путаного и не вполне грамотного текста первой Конституции РСФСР¹ (принятой 10 июля 1918 г.) вытекало, что автономные образования имеют право на выход из РСФСР: статья 49 наделяла Всероссийский съезд Советов и ВЦИК Советов правом на *«принятие в состав РСФСР новых сочленов и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее»*. А статья 8 предоставляла *«рабочим и крестьянам каждой нации [Российской Федерации] принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве»*.

¹ О том, как писались первые советские законы, дает представление глава «Законодатель» в воспоминаниях Владислава Ходасевича (Собрание сочинений в 4 томах. — М., 1997. Т. 4).

После же создания Союза ССР речь о праве «отдельных частей» РСФСР на выход из нее уже не шла. То есть, когда СССР формально стал договорной федерацией, РСФСР перестал быть таковой. Право на выход было сохранено лишь за союзными республиками, да и то почти семьдесят лет считалось, что это пустые слова. Но, внесенные в торжественные документы, эти слова ждали своего часа. Неразрешимая, казалось бы, задача бескровного роспуска Союза ССР была решена с их помощью.

И наоборот, отсутствие таких слов не дало отделиться российским автономиям, хотя местные элиты в ряде случаев уже были готовы ринуться в этом направлении. За четыре месяца 1990 г. вслед за союзными республиками провозгласили свой суверенитет девять из одиннадцати автономий, граничивших с иностранными государствами или имевших выход к морю (исключение составили Таймырский национальный округ и Еврейская автономная область), причем национальные округа вдобавок требовали предоставить им статус автономной республики. Вот они: Карелия (граничит с Финляндией) — 10 августа; Якутия (выходит к Северному Ледовитому океану) — 27 сентября; Чукотский округ (выходит к Северному Ледовитому и Тихому океанам, граничит по морю с США) — 29 сентября; Бурятия (граничит с Монголией) — 7 октября; Корякский округ (выходит к Тихому океану) — 9 октября; Ямало-Ненецкий округ (выходит к Северному Ледовитому океану) — 17 октября; Калмыкия (выходит к Каспийскому морю) — 19 октября; Горно-Алтайский округ, ныне Республика Алтай (граничит с Монголией и Китаем) — 25 октября; Тува (граничит с Монголией) — 11 декабря. Трудно поверить, что это не были первые ходы в задуманных многоходовках. Вернее, в двух-, трехходовках. В 1990—1991 гг. многим казалось, что дело уже в шляпе. Продолжение не последовало из-за событий, связанных с самой решительной из автономий, Чечней. А еще — благодаря ельцинскому призыву: «Берите столько суверенитета, сколько осилите». Если «сколько угодно», зачем искать приключений, причем немедленно, как Чечня?

В 70-летней истории с «союзными» и «автономными» вообще не все ясно. Если Сталин был такой провидец и унитарист (еще в апреле 1918 г. он, нарком по делам национальностей, говорил: *«Федерализму в России суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль к унитаризму — к будущему социалистическому унитаризму»*), вынужденно уступивший Ленину в 1922 г., почему же он в 1936 г., обладая уже всей полнотой власти, пошел на превращение Казахстана¹ и Киргизии из автономных республик в составе РСФСР в союзные?

А вот Хрущев, наоборот, поступил в 1956 г. как ранний Сталин. В тот год Карело-Финская ССР (о ней сегодня напоминает только шестнадцатая позолоченная девушка фонтана «Дружба народов» московского ВВЦ) была им «волюнтаристски» разжалована в Карельскую АССР в составе РСФСР. Если бы не это решение Хрущева, сегодня Мурманская область была бы такой же эксклавной территорией, как Калининградская: в 1991 г. Карело-Финская ССР обязательно провозгласила бы независимость — чем она хуже прочих ССР? Причем эта утрата оказалась бы посерьезнее утраты Крыма.

Уход республик произошел так спокойно в первую очередь потому (странно, что мыслители, отрицающие способность нашего народа к правовому мышлению, не обратили внимания на данный факт), что в глазах большинства все было по закону. Пусть не на сто процентов по закону, главное — не по понятиям. Самые простые люди говорили, вздыхая: «Ничего не поделаешь, имеют право. По конституции!»

Это был железный довод. Такой же железный, как и отсутствие права на независимость у автономий: нельзя по конституции! Юридизм победил в данном случае не только на государственном уровне, но и на уровне массового сознания.

¹ Напомню заодно, что Казахстан вышел из состава СССР и провозгласил независимость последним, 16 декабря 1991 г., через восемь дней после того, как в Беловежской Пуще было объявлено, что *«Союз ССР, как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование»*. А что еще Казахстану оставалось делать?

Хотя кто-то и напоминал с экрана, что лишь по чистой случайности созданная в 1921 г. Горская автономная республика, объединявшая осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей и часть казаков, со столицей во Владикавказе, не стала союзной. Такие проекты были, республика вполне «тянула» на союзную — во всяком случае, территориально превышая Белоруссию, какой та была на момент создания СССР (а состояла она тогда из шести уездов бывшей Минской губернии). Повернулось так, а могло повернуться иначе.

Скажу заодно и о следующем. Как ни стараются сегодня в странах Восточной Европы об этом забыть, каждая из них избавилась от коммунизма не сама по себе, она была избавлена от коммунизма Москвой, вплоть до прямой режиссуры событий: «бархатными революциями» здесь скрытно (и не очень) руководили из посольств СССР. Причем, чтобы запустить процесс, оказалось достаточно урезать субсидии этим режимам — и прямые, и скрытые, в виде возможности реэкспорта советских поставок. Лишь про Польшу можно сказать, пишет французский политолог Ален Безансон, что она *«отчасти освободилась собственными силами»* («Русская мысль», 27 апреля 2000 г.). Разумеется, ни слова, ни вздоха благодарности Россия ни от одной из этих стран (исключая бывшую ГДР) не дождалась. Дождалась прямо противоположного.

Лучше всех об этом сказал Солженицын (интервью «Шпигелю» 23.07.2007): *«Они [политики посткоммунистических стран] готовы предъявлять претензии и обвинения — и самой удобной для себя мишенью выбирают сегодняшнюю Москву. Как будто они героически освободили себя сами и вот живут новой жизнью, а Москва осталась коммунистической»*. Боюсь, нам скоро начнут рассказывать, что «бархатные революции» совершались под огнем советских (даже нет: русских) танков¹.

¹ Восточная Европа дает замечательный материал для психолога, изучающего коллективное «вытеснение» нежеланных воспоминаний. «В 1989—1990 гг. демонстранты в Праге, Восточном Берлине, Варшаве выкрикивали имя Горбачева, выражая желание избавиться от своих коммунистических вождей и веря, что он поможет». (М. Геллер, А. Нерич. История России. 1917—1995. В 4 т. Т. 3. — М., 1996).

5. Кто первым вышел из СССР?

Мы уже привыкли, что ельцинскую эпоху обзывают «потерянными годами», самого же Ельцина — «царем Борисом», который был одержим «патологической жадой власти», «совершил беловежское предательство» и «расстрелял парламент». Понятно, когда такое слышишь от коммунистов, но когда то же самое твердят либералы, начинаешь сомневаться в их политическом здравии.

Нечаянно опрокинувший коммунизм Горбачев в кормчие плаванья к вольному берегу — смертельно опасного плаванья — никак не годился. Он сделал свое великое дело и должен был уйти. Стране требовался другой лидер. Страшно представить себе: ведь он мог не найтись в нужный миг. Но он нашелся.

Поначалу Ельцин многим внушал страх. Секретарь обкома, снес Ипатьевский дом, популист... А уж манеры! Но когда он швырнул свой партбилет, народ сразу понял, что это поступок не оппортуниста, а решительного человека. Массы инстинктивно поверили ему. В переходные времена, когда чувства обострены, инстинкты играют замечательную роль. Поступок Ельцина помог миллионам разочаровавшихся в утопии преодолеть психологический порог и поступить так же.

Ельцин сделал все для принятия Декларации о суверенитете РСФСР, но не был ее отцом. Съезд народных депутатов, до того расколотый на два непримиримых лагеря — российских коммунистов и демократов, — обнаружил 12 июня 1990 г. неслыханное единение: за суверенитет было отдано 907 голосов из 929. Каждый лагерь голосовал по своей причине. Демократы строили планы быстрой и радикальной экономической реформы и не хотели, чтобы союзное законодательство стало ей помехой. Коммунисты же (во главе с тов. Полозовым) хотели избавиться от «перестроечного» руководства Горбачева.

Идея покинуть СССР витала в России уже не первый год. Шестого июня 1989 г. на Съезде народных депутатов ее наконец публично озвучил писатель Валентин Распутин, задавший

такой вопрос: почему бы России не выйти из состава СССР, зачем нам такой балласт? Не только элиты республик хотели убежать от так называемого Центра (который для них и был Россией), но и элиты России хотели убежать от республик. Правительство Ивана Силаева (разумеется, с ведома Ельцина) начиная с июня 1990 г. начало сокращать выплаты в союзный бюджет, сознательно ускоряя процесс всеобщего тихого расползания: у дотационных регионов вроде Таджикистана или Прибалтики исчезал последний мотив оставаться в СССР. Что касается россиян, они, естественно, приветствовали идею, что Россия будет меньше отдавать другим. Сакральная тема единства СССР была опущена на уровень денежных взаиморасчетов.

Декларация 12 июня 1990 г. была поддержана не только съездом, но и тогдашним российским обществом. Последовавший полтора года спустя распад СССР поставил в глазах многих летописателей позитивный смысл той акции под сомнение, и напрасно. Максим Соколов справедливо пишет, что Декларацию о суверенитете у нас постепенно стали рассматривать *«скорее как неприличный случай в благородном семействе, притом что к ней восходит в конечном счете вся нынешняя российская государственность. И апологетов, и беспощадных критиков роднит восприятие этого документа как фантастического, противоречащего всем известным историческим закономерностям. Ведь суть его в том, что главная, становая имперская нация объявила о фактическом выходе из империи, в которой она занимала главенствующее положение. Декларировалась, что РСФСР—Россия первична, а СССР — постольку-поскольку. Первой от империи отложилась самая большая и самая главная ее часть, инородческие провинции лишь последовали примеру»*.

Соколов, как обычно, пишет в расчете на людей просвещенных и памятливых. Те же, кто будет изучать события по разного рода самодельным «хроникам» (их полно в Сети), могут удивиться: разве первой «отложилась самая главная часть империи»? Ведь к 12 июня 1990 г. уже приняли законы о суверенитете Латвия (27.08.89), Азербайджан (23.09.89), Грузия

(9.03.90), Литва (11.03.90) и даже Нахичеванская АССР (19.01.90). Но все это еще было частью того торга с Москвой, который вели местные коммунистические верхи. Чтобы остаться у власти, они пошли на союз с национальными движениями, это прочитывалось даже по газетам. Так, Коммунистическая партия Латвии, вслед за принятием в республике закона о суверенитете, публикует в своем печатном органе «Программу действий „По пути суверенитета Латвии“»¹. Приняв законы о суверенитете, республики не решались в одностороннем порядке объявить о выходе из СССР. 99,9 % союзных законов оставались на их территориях в силе. 4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвии сделал важный шаг, объявив о начале «переходного периода» к независимости. Но переходный период — дело долгое. Между августом 1989-го и августом 1991-го я часто бывал в Риге и особых перемен не видел. Чтобы попасть в хорошую гостиницу, по-прежнему требовался звонок «из горкома».

Суверенитет России был явлением совершенно иным, он принципиально изменил ситуацию — за понятием СССР сразу исчезла реальная сила, дверь наружу распахнулась. Уже в следующем году через эту дверь вышли остальные 14 республик: Литва объявила об этом 11 февраля 1991 г., Грузия — 9 апреля, остальные двенадцать — после августовского путча, причем все они приняли по такому случаю специальные законы или декларации². Характерно, что лишь Россия не принимала никаких дополнительных актов, справедливо посчитав, что Декларации 12 июня 1990 г. достаточно. Таким образом, можно согласиться с утверждением М. Соколова, что Россия покинула Союз ССР первой.

¹ *Советская Латвия*. 5 сентября 1989 г.

² Поразительно, но и после формального выхода из СССР все 14 центральных банков отложившихся государств продолжали выдавать безналичные кредиты в советских рублях. Благодаря этому значительная доля валового внутреннего продукта России 1992 г. просто утекла за новые рубежи. Только в конце июля 1993 г. советские рубли были объявлены недействительными.

К близкому, по сути, объяснению распада СССР пришел довольно проницательный автор Войцех Зайончковский, несколько лет проработавший в польском посольстве в Москве. Соглашаясь в своей книге «Россия и ее народы» (*Wojciech Zajaczkowski. Rosja i narody. — Warszawa, 2009*) с тем, что экономический кризис и сепаратистские настроения сыграли свою роль в распаде СССР, главной причиной происшедшего он называет, тем не менее, «*национальный эгоизм русских*», которые пришли в конце 80-х к убеждению, что национальные республики — экономическое бремя для России и что «*единственный способ преодолеть кризис — сбросить с себя ярмо полиэтничности*».

Глава вторая

Как на лету переделать дирижабль в самолет

1. Своевременное расставание с республиками

Час испытаний пришел в августе 1991-го. Сегодня говорят: была какая-то оперетка, жалкие путчисты с трясущимися руками. Нет, руки у Янаевых и Крюковых затряслись, лишь когда они увидели, что Ельцин их не испугался. В тот день напряжились к прыжку целые армии, тайные и явные, напряглась номенклатура — все были готовы с восторгом потрошить ненавистных демократов, устроить кровавую баню «народным фронтам», журналистам, националистам, кооператорам и прочим «гнидам». Но готовы не иначе как по приказу, причем письменному, — пассионарии коммунизма в стране давно вывелись. А приказа все не было. Затевая дело, мятежники не сомневались: ельцинисты разбегутся. Если бы Ельцин заколебался, все было бы потеряно. Но он остался тверд — и победил. А 23 августа на сессии Верховного Совета РСФСР — о радость! — подписал указ о рос-

пуске КПСС на территории России и конфискации ее имущества¹.

Жаль, Ельцин затем уехал в Сочи играть в теннис, вместо того чтобы, оседлав успех, провести на Верховном Совете и референдумом те законы, которые потом давались с таким трудом, а некоторые так и не дались. А еще правильнее было бы сразу объявить новые выборы, которые стали бы много более свободными. Жаль, что он прямо в августе не вынес мумию — деморализованный враг не пикнул бы. Жаль, что формировал правительство фактически без «Демократической России», которая привела его к власти. Он хотел быть «над партиями», но на практике это означало опору на советское чиновничество. Впрочем, еще Руставели говорил: «Ах, нетрудно быть стратегом, видя бой со стороны».

Необходимое отступление для тех, кому трудно смириться с распадом Советского Союза. Спорить с неотвратимым было бесполезно задолго до Беловежской Пуши. К встрече Ельцина, Кравчука и Шушкевича в Вискулях в декабре 1991-го ВСЕ республики (кроме, напоминаю, Казахстана) уже провозгласили независимость. Свершившийся факт такого рода могло отменить лишь огромное кровопускание, и готовые к этому генералы, говорят, имелись. Поэтому не надо горевать о бескровно распавшемся СССР, хотя на личном уровне это была драма миллионов людей (включая автора этих строк), а для многих и трагедия. И разумеется, это было тектоническое потрясение для всей глобальной геополитики, для самих основ сложившегося к тому времени мироустройства.

Но есть и другая сторона вопроса. Представим себе, что элиты «республик» в последний момент решили сохранить «обновленный СССР» или даже учредить новый. Но с этого же момента начались бы постоянные демонстрации (то в Кишиневе, то в Тбилиси, то в Душанбе, то во Львове, то в

¹ Верховный Совет тут же «поправил» Ельцина, заменив роспуск «приостановкой деятельности». Запрет КПСС и КП РСФСР последовал 6 ноября 1991 г.

Каунасе) тех, кто не согласился с таким решением. Приятно ли было бы жителям России каждый день видеть их на своих экранах, слышать проклятия демонстрантов в адрес не отпускающей их России, слышать о репрессиях против сепаратистов и о протестах в мире против этих репрессий? Но и это еще не все. Сама экономика подсказывала: тащить все тяжелеющий воз республик и дальше, в XXI век, означало просто надорваться. До сих пор почему-то мало кто отдает себе отчет в том, какой исторической удачей России было отцепить этот неподъемный прицеп. СССР был контрактом, вопиюще невыгодным прежде всего России. Еще в 1921 г. X съезд ВКП(б) утвердил политику развития национальных окраин, «подтягивания» их показателей до уровня центральных русских регионов и за счет этих регионов. Данная политика почти 70 лет неуклонно проводилась в жизнь. В результате этого «подтягивания» коренная Россия стала пустеть и зарастать бурьяном.

Если уж совсем откровенно: Россия очень вовремя расторгла этот контракт, не взяв на себя обременяющие обязательства по отношению к республикам. В Узбекистане в 1926 г. было 5 млн населения, сегодня — 28 млн, а в 2050 г. будет то ли 50, то ли 60 млн (прогнозисты спорят). И это один Узбекистан! Даже не затрагивая экономическую сторону вопроса, Россия не могла и дальше брать на себя ответственность за такой огромный народ. Как и за остальные народы, дозревшие до самостоятельного бытия.

Вообще в том, что касается южного пояса Российской империи, этот «контракт» был невыгоден всегда — за одним важным исключением. Этим исключением был Азербайджан. Без бакинской нефти СССР не выстоял бы в войне, у нас уже шла речь об этом. За одно это у нас должно быть особое отношение к Азербайджану.

Конечно, справедливость требует, чтобы у нас были «особые», то есть наилучшие, отношения со всеми бывшими республиками без исключения — хотя бы в память о времени, проведенном под общей государственной крышей, об общих жертвах военного времени, о миллионах спасших-

ся благодаря тому, что было куда эвакуироваться, а до того спасшихся в голодные годы, когда, к примеру, изрядная часть Поволжья устремилась в Ташкент, город хлебный, и в другие подобные края. В память о местах, куда ездили отдыхать, где проходили армейскую службу, оставили девушек, друзей и родственников. Да и просто уважая высокую степень нашего взаимного срачивания.

К этому можно было бы добавить еще многое, но с важной оговоркой: утверждения лидеров национальных элит времен перестройки о том, что Россия и русские сто с лишним лет жили за их счет, не соответствовали действительности нигде, а уж меньше всего в Средней Азии (говорю именно о ней, потому что встречал подобные утверждения в статьях узбекских и таджикских авторов в начале 90-х). Никакие поставки тамошнего хлопка, каракуля, шелка, нефти и газа не возмещали затрат на строительство городов, портов на Каспии, плотин, электростанций, мостов, железных дорог, прокладку каналов и электрических сетей, внедрение современного образования и медицины, искоренение малярии и трахомы, рывок из Средневековья в XX век. Империя не заботила выгода, а в итоге Россия может лишь мечтать о такой автодорожной сети, какая была создана в Узбекистане (говорю о том, что знаю лично). Такова была плата за империю, за русскую культурную экспансию — а это то, что останется. Нам надо просто поблагодарить друг друга, не тая обид.

Франция тоже прокладывала дороги в Африке и Юго-Восточной Азии, строила города; то же делала Голландия на Яве и Суматре. И конечно, Англия — во множестве мест. Но и обогатились эти метрополии благодаря своим колониальным империям вполне серьезно. О России такого никак не скажешь. Она и здесь особенная.

Говорят, затраченные средства и усилия можно было бы обратить на внутреннее развитие. Звучит убедительно. Но и жалеть о сделанном не стоит. Миры и культуры должны проникать друг в друга, в том числе и таким способом, — диф-

фузия необходима: это один из главных законов развития человечества.

Рассуждая об империи, важно также не поддаваться на уверения хитрых пропагандистов, в изобилии появившихся с некоторых пор в Киеве и Львове, в том, что Украина была одной из российских колоний. Лучше послушать умного человека. Известный украинский философ, директор Института философии УАН в Киеве Мирослав Владимирович Попович говорит по этому поводу не без юмора: *«Украину нельзя назвать колонией России, разве что это выражение будет употребляться в каком-то поэтическом смысле слова»*. И поясняет: *«Украина принимала огромное участие в развитии общеимперской культуры»*, это было следствием *«включения украинцев как в процессы колонизации присоединенных территорий, особенно на востоке, так и в процессы имперского культурно-политического строительства»*. Попович приходит к важному выводу: *«Если русский язык станет для Украины одним из иностранных, будет потеряна также и огромная часть нашей собственной культуры»*. Украина была частью имперской метрополии, а украинцы — частью имперской нации. Как и белорусы.

2. Мост к новой России

Потомки когда-нибудь оценят христианскую мудрость и политический инстинкт российского народа, с миром отпустившего все республики вчерашнего СССР. Включая те, что были частью метрополии, коронными землями Российской империи — Украину и Белоруссию, — но захотели самостоятельности, и их право на самостоятельность было признано. Ни одной из четырнадцати новых стран не пришлось вести войну за независимость. Пример Югославии и сербского народного несогласия на «развод» показывает, что бывают куда более ужасные сценарии раздела. Причем и югославский, согласимся, не предел.

Если завтра провести всероссийский опрос: «Желаете ли вы, чтобы Россия вновь объединилась с бывшей советской республикой такой-то?», из четырнадцати бывших ССР, уверяю, будут отвергнуты двенадцать или даже тринадцать — Украина может пройти, а может и не пройти. Даже в провинциальных русских городах полно сегодня гастарбайтеров и переселенцев из Средней Азии, Закавказья, Украины, Молдавии, так что все все понимают.

Очень важно, что к моменту распада СССР в России был законно избранный президент — притом не каким-нибудь Верховным Советом, а на всеобщих выборах, из нескольких кандидатов, — была объявленная государственность. Только поэтому все вышли из Союза по старой формуле «вместе и наравне» (как и, в теории, входили). Не будь этого, уход республик был бы уходом, по сути, не от Союза ССР, а от «большой России», и тогда большой крови избежать бы не удалось.

Бесспорно, распад СССР пошатнул все мироустройство. Можно даже согласиться с тем, что он стал геополитической катастрофой, каких история знает немного. И на личном уровне, повторяю, это была драма миллионов людей, а для многих и трагедия. Но все же не будем горевать о случившемся. Россия получила дар, в возможность которого не верил, кажется, никто: уродливая утопия, стоившая нам немислимых жертв и выжатой как лимон страны (еще раз перечитайте сказанное Солоухиным), была ликвидирована практически бескровно.

Наверняка между 1985 и 1991 гг. многое следовало сделать лучше и правильнее, но для этого был необходим дар видеть будущее. Признавая допущенные ошибки, отдадим перестройке должное: она стала мостом к новой России. Страшно подумать: неужели мы и сегодня могли жить «под мудрым руководством», поворачивать сибирские реки в Среднюю Азию? Не прекращалась бы гонка вооружений, катили «колбасные электрички», погромыхивал «железный занавес», советский народ стоял в очереди за «импортным дефицитом»? Не говоря уж о том, что могло продолжаться

балансирование на грани ядерной войны, а Россия по-прежнему тащила бы тяжелеющий с каждым годом воз «союза республик». Нет, все это кончилось бы в 90-е так или иначе. Боюсь только, что «иначе» означало бы: через новую гражданскую войну.

Утверждают, что те, кто демонтировал тоталитарное государство, сделали это глупым образом, а надо было действовать по уму. То есть они хоть и сумели на лету переделать дирижабль в самолет, но эту операцию следовало выполнить гораздо ловчее. Как быстро все забыли, что зодчие возрождающейся России действовали под аккомпанемент пророчеств о близком коллапсе экономики, о неминуемой гражданской войне и скором распаде страны. Всего этого в ходе «не того» ельцинского демонтажа мы счастливо избежали. Еще неизвестно, как повернулось бы дело, действующий Ельцин и его команда по рецептам нынешних мудрецов.

Ни об одном шаге Ельцина не спорят так, как о разгоне Верховного Совета осенью 93-го. Тем демократам, которые продолжают оплакивать это событие, предлагаю умственное упражнение. Вообразите, что 24 октября 1917 г. офицерские части Петрограда окружили бы Смольный и перебили штаб вооруженного мятежа. Да, при этом погибло бы какое-то количество дыбенков, крыленок, овсеенок, сталиных, дзержинских, троцких и пр. (В. И. Ленин благоразумно отсиживался на Сердобольской улице). Уверен, мемориал этих погибших борцов за светлое будущее, не успевших стать чудовищами, сегодня посещали бы туристы, как они посещают памятник коммунарам в Париже, а гиды говорили бы о реакционной военщине и временно растоптанной демократии... Партия большевиков, давно образумившаяся, имела бы в Государственной думе 21-го созыва пятую часть мест, переходя от роли конструктивной оппозиции к участию в коалиционных правительствах и обратно, а Россия избежала бы самых страшных событий своей истории.

Надеюсь, и в Москве когда-нибудь появится мемориал жертв октября 1993 г. Я видел фотографии этих людей — у них прекрасные лица, они были уверены, что защищают

свободу. Увы, они ошибались. От реставрации коммунизма нас отделял тогда один шаг.

До сих пор твердят, что призыв Ельцина к субъектам Федерации «Берите столько суверенитета, сколько осилите», был приглашением к сепаратизму. Выше у нас уже шла речь о том, что в действительности ничто так не свело сепаратизм на нет, как этот вовремя брошенный лозунг. «Зря вы упрощаете Ельцина», — сказал по этому поводу на его похоронах Минтемир Шаймиев.

Самая крупная ошибка Ельцина — Чечня. Осенью 1991 г. генерал Дудаев, согласно ряду свидетельств, стремился найти общий язык с Ельциным и был готов на крупные уступки. Но земляк Дудаева и тогдашний союзник Ельцина Хасбулатов отговорил его от встречи с генералом. Ельцин был обязан сделать все, чтобы избежать войны, — даже когда руководство Чечни утратило чувство реальности. Цепь ошибок с двух сторон завела ситуацию в кровавый тупик, напоминающий о себе доныне.

Твердящим о «катастрофе» и «хаосе» 90-х хочется предложить другую формулу: это был капитальный ремонт без отселения жильцов. Говорят, команда Ельцина не просчитала социальные издержки реформ. Но подобные «просчитывания» всегда подводят к одному выводу: социальные издержки неизбежны, так что надо ничего не трогать и оставить все как есть.

Даже некоторые экономисты, большого ума люди, обвиняют его в спаде производства 90-х. Спад был неминуем с прекращением гонки вооружений. Это не могло не иметь последствий для всех производственных цепочек, для сотен предприятий, конструкторских бюро и секретных институтов. Но не будем забывать о главном: страна резко сократила производство орудий убийства, давно уже бесконечно избыточное. Это производство поглощало самые лучшие, самые качественные и уникальные материалы, самый квалифицированный труд. Миллионы людей, по большому счету, трудились впустую. Достаточно сказать, что по состоянию на 1985 г. у СССР было 2355 стратегических ядерных

ракет (против 1803 у США и их союзников), 228 атомных подводных лодок (больше, чем у всех остальных стран мира, вместе взятых) и 62 тыс. танков. Прекращение гонки вооружений было болезненным шагом — миллионы людей лишились работы, — но абсолютно необходимым.

3. «...проведя страну по лезвию ножа»

Ельцина обвиняют в «грабительской приватизации», но она началась еще в 1987 г., с советского Закона о госпредприятии, открывшего зеленую улицу растаскиванию госсобственности, зайдя к приходу Ельцина уже очень далеко. Но и возглавив РСФСР, он еще долгие месяцы мало что мог сделать из-за отсутствия нужных законов. В Кремле, в кресле президента СССР, еще сидел Горбачев, а Ельцин уже констатировал (28 октября 1991 г.): *«Мы недопустимо долго обсуждали вопрос, необходима ли частная собственность. Тем временем партийно-государственная элита активно занималась личной приватизацией. Их размах, предприимчивость и лицемерие поразительны. Приватизация в России идет уже длительное время, но неупорядоченно, спонтанно, часто на криминальной основе»*. Между 1988 и 1991 гг. сложилась экономика, при которой прибыль текла в частные карманы, а убытки доставались государству. На исправление ситуации ушли все девяностые годы.

Не Ельцин, а Горбачев бросил лозунг «Дозволено все, что не запрещено!». Этот лозунг годен лишь для стран старого капитализма, где жизнь за века выявила все, что безусловно следует запретить. Законы СССР, с которыми Россия входила в рынок, не предусматривали рыночных отношений и соответствующих запретов. Для людей ловких, дерзких, бедовых это была идеальная ситуация. Не нарушая законов, они становились мощными собственниками. Но при Ельцине же большинство дыр в законах было залатано.

Истинная ельцинская приватизация, сделавшая (бесплатно!) подавляющее большинство населения России вла-

дельцами и совладельцами квартир и земельных участков, — самое крупное социальное благодеяние власти по отношению к народу за все двенадцать веков русской государственности. Но за это благодеяние, случившееся через запятую с распадом СССР, обесцениванием вкладов, кризисом привычного образа жизни, никто даже не поблагодарил. Оно осталось как-то малозамеченным. Три четверти наших горожан ныне живут в принадлежащих им квартирах. Когда вы рассказываете об этом в Берлине, где в собственных квартирах живет 16 % населения, а 84 % снимают жилье¹, у людей лезут на лоб глаза.

Процессы приватизации, начатые при Ельцине, продолжаются. Подсчитано, что до конца 2010 г. в полноценной собственности окажется уже 22 млн участков земли с постройками на них, а всего может быть приватизировано от 30 до 40 млн участков, оценки расходятся. Если считать вместе с членами семей, то этот вид приватизации коснется большинства населения страны.

Ельцин предотвратил возврат коммунистов не только своей решимостью в сентябре — октябре 1993-го. Хорошо их зная, он как скала преграждал им путь все девяностые. И не с помощью штыков, а вполне демократическими мерами. Именно от этого его предостерегали многие, говоря, что, столкнувшись с резким ухудшением жизни, народ снова полюбит коммунистов и приведет их к победе на выборах. Его уговаривали — в том числе и некоторые демократы! — отказаться от выборов вообще. Потрясающе, что человек с таким прошлым отверг все подобные предложения. Он, как оказалось, знал свой народ лучше. У него был свой мост к исторической России.

Меня всегда восхищало отношение Ельцина к СМИ. Откуда в нем такая терпимость, где он научился ангельски сносить нападки? Он ни в чем не ущемил не только журналистов. Все его законодательные инициативы и поправки

¹ По сообщению «Немецкой волны» 15.03.2005. Воспроизведено на сайте «Строительный мир»: <http://news.stroi.ru/detaildraft.asp?dc=27&dr=381047>

расширяли поле свободы, ни одна не была направлена на то, чтобы утеснить человека.

После выборов 1996 г. много писали, что Ельцин победил благодаря тому, что СМИ манипулировали избирателями, что банки вложили в его победу страшные деньги. Такое объяснение вызывает улыбку. Наверное, вложили. Но могли и не вкладывать. Результат был бы тот же, потому что страна голосовала не за Ельцина, а против возвращения коммунистов. Судьбу России решило тогда чувство самосохранения людей, которые точно знали, что именно они не хотят потерять. В том-то и состоит величайший подарок судьбы, что люди, которым есть что терять (далеко не в одном лишь материальном смысле и даже главным образом во нематериальном), уже в 90-е составляли большинство населения страны. Это новые люди России, вне зависимости от возраста. Их достаточно, чтобы исключить победу коммунистов на обозримое будущее¹.

Жаль, никто из команды Ельцина не убедил его, насколько важно постоянно объяснять народу действия власти. Миллионы людей пережили тогда кризис привычного образа жизни, и каждый сам должен был найти объяснение происшедшему. Далеко не всем это было по плечу. Власть же практически никогда ничего народу не объясняла. Объяснения с самого начала были отданы на откуп СМИ, зачастую недружелюбным и (или) безграмотным. Но вот что интересно: оказывается, Егор Гайдар предлагал создать при правительстве группу, которая бы занималась разъяснением реформ, но Ельцин на это ответил: «Вы предлагаете возродить отдел пропаганды и агитации, какой был в ЦК КПСС? Пока я президент, этого не будет». Поневоле задумаешься:

¹ Горжусь тем, что перед президентскими выборами 1996 г., когда рейтинг Ельцина был низайшим, в «Русской мысли» (2 мая, № 4124) была напечатана моя статья «Зомби хлопчет впустую», где утверждалось, что у коммунистов нет ни малейшего шанса на победу. Кажется, ее тиснули как образчик чудачества. В это время журналисты писали о предстоящем коммунистическом реванше как о деле решенном и неизбежном.

а не обернулось ли бы предложение Гайдара и впрямь худшим злом?

Если летом 1991 г. Ельцин был истинным вождем, обладавшим небывалой поддержкой, то в декабре 1999-го весть о его досрочном уходе была почти всеми воспринята с облегчением. Он все больше раздражал людей, от него устали, и это до сих пор страшно мешает оценке его великой роли в становлении новой России.

Рано или поздно о нем напишут в учебниках примерно так: «Движимый поразительным чутьем, он выполнил почти невыполнимое, проведя страну по лезвию ножа». Ельцин расчистил пространство, он разрешил всем гулять по траве, чтобы возникли натоптанные дорожки. Замостить ту или иную (тем узаконив) либо нет — это он оставил российским политикам XXI в. Уходя, Ельцин указал, как на преемника, на полную противоположность себе. Вопреки социологам, убеждавшим, что никакой веры Ельцину в народе уже не осталось, народ проголосовал за ельцинского кандидата.

Правда, если от масштаба будущих учебников перейти к более крупному масштабу, придется делать уточнения. Вот что рассказал журналу «Smart Money» (№ 14/104, 21.04.08) чиновник высокого уровня на условиях анонимности: *«Никто так и не понял, к какому краю пропасти мы тогда [к концу апреля 1997 г.] подошли. Несколько республик уже не платили налоги в федеральные бюджеты. Законодательство было у каждого свое. Когда начались события в Дагестане, татарский парламент выступил с заявлением о том, что они прекращают отправлять призывников в Российскую армию. Это могла бы быть цепная реакция. Две-три недели демонстрации слабости — и в национальных республиках могли начаться необратимые процессы. Потом все с умным видом доказывали бы, что распад Российской Федерации был предопределен ходом истории, как развал СССР»*. В этой обстановке Путин был назначен первым заместителем главы президентской администрации, отвечающим за регионы. Десяти недель ему хватило, чтобы привести в чувство тех, кто в этом нуждался. И нам после этого толкуют

про «неумолимую историческую предопределенность», к примеру, революции 1917 г.

История девяностых годов еще будет написана. Ныне эти годы предельно демонизированы, но одно-два поколение спустя «дикая приватизация», притворные аукционы, олигархократия, задержки зарплат, топливные кризисы, дефолты, бегство капитала и прочие бесспорные беды 90-х, конечно, будут видны под лупой историка, но, приведенные ходом времени к истинному масштабу, они займут подобающее им место среди других — куда более важных — деталей полотна «Преображение России».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ПРЕОБРАЖЕНИЕ
СОСТОЯЛОСЬ**

Глава первая

Напрасное уныние в стане победителей

1. Чист ли Николай II перед советской властью?

Преображение состоялось. Наше постперестроечное развитие — не подражание чьему-то образцу. Повторю еще раз: Россия вернулась к цивилизационному выбору, который однозначен на всем ее пути — от Крещения и до 1917 г. Но вправе ли мы утверждать, что восстановили свои прежние ценности, свое природное самоощущение? Вправе ли был человек, переживавший бурное наводнение на крыше своего дома, надеяться, что, едва сойдет вода, он вновь увидит милый сердцу цветник с анютиными глазками и качалку с пледом и томиком Тютчева? Как ни грустно, на месте этих превосходных вещей неизбежно должны были оказаться тонны ила, песка, мусора, коряг да раздутые трупы животных. Нужна беспримерная многолетняя уборка. Порой кажется, что эта уборка продвинулась уже довольно далеко, а порой — что мы стоим на месте. Капризных это раздражает, трудности воспринимаются как нечто незаконное: мы-де так не договаривались.

России не удалось преодолеть свое расщепленное сознание — видимо, на это уйдут десятилетия. Хороший при-

мер. Начиная с 1990 г. у нас, как считается, проведена массовая реабилитация жертв тоталитарного режима — но не борцов против тоталитарного режима! Несмотря на все официальные осуждения тоталитаризма! Логика реабилитации была такова: если кто-то получил свой приговор как шпион, вредитель, «подкулачник», саботажник, диверсант и т. д., а на самом деле таковым не был, он подлежал реабилитации («необоснованная репрессия»). Если же он действительно боролся против тоталитарной власти, то реабилитации не подлежал. Удостоившиеся торжественного перезахоронения в Донском монастыре генералы Деникин и Каппель ни в коем случае не были бы реабилитированы, если бы их жизнь закончилась (предсказуемым образом) в СССР.

Эту коллизию никак не удастся преодолеть. Более того, ее логике подчинились даже потомки Романовых, требовавшие реабилитировать царскую семью. Генеральная прокуратура России отказывала в этом, настаивая (и тут с ней можно было согласиться), что царская семья была убита «группой лиц» — т. е. попросту бандитской шайкой. Но давление было таково, что Президиум Верховного суда РФ все же объявил царскую семью реабилитированной. Эта уступка означает легитимацию задним числом самозванного бессудного органа, причем с единственной целью: объявить вынесенный им «приговор» необоснованным, а Романовых — чистыми перед советской властью¹.

Романовы нуждались в реабилитации не больше, чем Колчак, Унгерн, Щастный или Щегловитов. Щастный, впрочем, реабилитирован; не прекращаются попытки добиться реабилитации А. В. Колчака. Трудно не согласиться с омским гу-

¹ И почему в таком случае не были реабилитированы расстрелянные вместе с царской семьей врач Евгений Боткин, повар Иван Харитонов, слуга Алоизий Трупп, горничная Анна Демидова? Понятно, что они не нуждаются в реабилитации Верховного суда РФ: их канонизировала Русская зарубежная православная церковь, они погребены в Петропавловском соборе рядом с русскими императорами, но все же, чисто теоретически, — почему?

бернатором Леонидом Полежаевым, сказавшем года три назад, что Колчака «время реабилитировало, а не военная прокуратура».

К сожалению, избежала судебного и официального осуждения сама тоталитарная утопия, режим *«профессиональных устроителей всеобщего счастья на земле»* (Бунин), и это еще долго будет искривлять жизнь российской нации. Какой-то коммунистический юрист, выступая по телевидению, уверял, что такое осуждение невозможно хотя бы потому, что слово «тоталитарный» — не юридический термин, «это слово журналистское, и в официальных документах вы его не найдете». Естественно, врал. Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. (№ 1761-1) начинается словами *«За годы советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства»*. Словосочетания «тоталитарное государство», «тоталитарный режим», «тоталитарный сталинский режим», «тоталитарная система», «тоталитарные репрессии» встречаются в официальных документах многократно.

Распространено мнение, что время суда над утопией еще не пришло: в Испании между концом франкистского режима и его официальным осуждением прошло 33 года и 4 месяца — идеально треть века, наши сроки пока скромнее. К этому добавляют, что большевистский режим был явлением неизмеримо более мощным (это бесспорно), в связи с чем дистанция должна быть еще больше.

Знаменитое немецкое «покаяние» (*«Vergangenheitsbewältigung»*), которое нам постоянно ставят в пример, началось в 70-х гг., около 30 лет спустя после войны, а до этого времени ФРГ выглядела, как тогда говорили, «реваншистским государством»¹. Но в 70-е гг. вдруг все как по команде пере-

¹ Немецкий историк Рейнхард Рюруп писал: *«Досрочное освобождение нацистских преступников, осужденных в Нюрнберге, реабилитация генералов вермахта, деятельность крупных функционеров Третьего рейха на руководящих постах [среди них канцлер ФРГ в 1966—1968 гг. Курт Георг Кизингер, федеральные министры Оберлендер и Зеебом, глава военной разведки Гелен, генералы на высших командных долж-*

менилось. Следует ли и нам довериться бегу времени? Есть некоторые сомнения — страны непохожи друг на друга.

Доброжелатели России из старой эмиграции не устают повторять, что современная Россия застыла в какой-то межеумочной позиции. Правда, они хорошо понимают причину и не спешат с осуждениями, тогда как настоящие иностранцы, как люди более одномерные, склоняются к упрощенным выводам.

Мировоззренческая зыбкость российской элиты немало способствует поддержанию в головах у людей той каши, когда они способны принять на веру практически любое толкование российского прошлого, и чем неблагоприятнее, тем с большим доверием. Есть ли надежда избавиться от этого морока без судебного и официального осуждения тоталитарной утопии, без проздания торжества над ней?

Если бы проблема советского прошлого исчерпывалась сложностями с реабилитацией! «Недосказанность» новой России мстит за себя во всем, делает страну невнятной на мировых политических радарх (словно объект, изготовленный по технологии «стелс»), порождает идиотские сказки о России, создает совершенно ненужные нам внешнеполитические проблемы. Целому ряду своих соседей мы дали повод изображать Россию государством защитников тоталитаризма.

Когда та или иная страна требует от нас извинений и покаяний за «русскую оккупацию», самое правильное было бы от-

ностях Шпейдель и Хойзингер. — А. Г.]... Книжный рынок на многие годы заполнили мемуары фельдмаршалов и генералов... Убийства и зверства немцев на советской земле последовательно затушевывались» (Война Германии против СССР. 1941—1945. — Berlin, 1992. С. 367). Вплоть до 70-х гг., т. е. до подписания правительством Брандта договоров с СССР, Польшей и Чехословакией, правительство ФРГ рассматривало границы рейха на 1 марта 1937 г. как продолжающие юридически существовать и время от времени об этом напоминало (например, в заявлении от 10 декабря 1965 г.). Открыто действовали такие симпатизанты нацизма, как Национал-демократическая партия, Немецкая партия, Общегерманский блок, «Немецкая молодежь Востока», «Стальной шлем», Союз немецких солдат, Союз бывших военнослужащих войск СС (даже через 25 лет после войны насчитывал сто тысяч членов) и т. д.

ветить, что мы все в равной мере были под оккупацией, под коммунистической оккупацией, — и русские, и литовцы, и грузины, и поляки, а коммунистическая утопия, так дорого обошедшаяся народам бывшего СССР и Восточной Европы, была их совместным деянием и совместной ошибкой¹.

Оберегая свои отношения с Украиной, нам стоит еще раз взвесить свое отношение к голоду 1932—1933 гг. или голодомору, как его принято там называть. Этот голод, вызванный насильственными изъятиями зерна у крестьян, прокатился по всем хлебосеющим районам СССР, это была общая трагедия; заготовители, силовое обеспечение и активисты везде были из местных. Главной житницей страны была в то время Украина, поэтому самая обильная «жатва скорби» собрана там. Против чего тут можно возразить? Нам негоже говорить об этой трагедии как о надуманной проблеме, такая позиция выставляет нашу страну адвокатом и наследником красных бесов, без жалости уморивших миллионы людей, дает козыри антироссийским силам.

Мы только выиграем, осудив власть, которую сами же упразднили. Россия сама спросила бы с этой власти за гораздо большее, чем все остальные страны, вместе взятые, но спрашивать уже не с кого. Повторюсь: ни одну страну нельзя судить вне контекста времени и по более поздним, не имеющим обратной силы законам, но, если в нас видят сталинистов, с нас пытаются спрашивать как со сталинистов.

Да и трения со странами Запада в последние годы возникали нередко из-за тамошнего убеждения (искреннего или нет), что наши базовые ценности носят тоталитарный характер. Хотя в действительности наши ценности практически совпадают с общеевропейскими (мы расходимся, кажется,

¹ Достаточно пробежать глазами список тех, без кого утопия могла не состояться: Сталин, Берия, Микоян, Карахан, Нариманов, Амангельды, Султан-Галиев, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Дыбенко, Пархоменко, Щорс, Боженко, Буденный, Щаденко, Фрунзе, Котовский, Лацис, Смилга, Вацетис, Стучка, Петерс, Берзин, Эйхе, Корк, Путна, Кингисепп, Дзержинский, Менжинский, Куусинен, Бела Кун, Дундич, Раковский, Димитров — и так далее до бесконечности.

лишь в отношении к однополым бракам), в нас видят опасных необольшевиков, которым нельзя доверять. Особенно заметно это в российско-американских отношениях. При всех возможных оговорках нельзя не признать: в политике США силен этический элемент, и, пока мы даем повод подозревать себя в двойственности, нормальных отношений у нас не будет. И это сейчас, когда России и Западу так необходимы новые подходы, чтобы вернуться наконец к вопросам стратегического партнерства, взаимной интеграции, противостояния глобальным угрозам!

2. «Не отдадим свое поражение никому!»

Доверяя рассуждениям о невозможности судебного и законодательного осуждения тоталитаризма, новая Россия оказывается в идеологической и правовой ловушке, она словно бы расписывается в своей неполной легитимности, сомневается в своей исторической правоте.

Уже со второй половины 90-х российские власти держатся от идеологии подальше. Демонстрируется подчеркнутый центризм, чисто прагматический подход к законотворчеству. Руководство страны уходит от критериев «левизны» и «правизны», заменяя их соображениями здравого смысла. Даже когда законы явно «правые» на классической шкале (а они в основном таковы), их проводники избегают об этом упоминать. Чураются они и выраженной полемики с «красными» и «розовыми». Памятный всем отказ «Единой России» от предвыборных дебатов объяснялся (если кто не понял) в первую очередь нежеланием отвечать на каверзные вопросы идеологического характера, которые обязательно были бы заданы.

Но поскольку оппоненты нынешней российской власти и не думают отказываться от идеолого-пропагандистских приемов борьбы, такая позиция оборачивается игрой в поддавки. Нельзя, чтобы одна сторона непрерывно нападала, а другая почти не защищалась, будучи слишком уверена в своей

несокрушимости. Это уже породило серьезные последствия. Обществу навязан ряд убийственных стереотипов о себе. Негативная информация и дезинформация впитываются много легче, чем позитив.

Помните, как нам навязывали — и почти навязали — идею о «поражении России», как создавалась атмосфера неверия и пораженчества? Уже несколько месяцев спустя после обрушения коммунизма, не успела улечься пыль, вчерашние номенклатурные товарищи, чьи сладкие партийные карьеры были оборваны на взлете, начали рассказывать, что СССР и советскую власть обрушили внешние силы с помощью внедренной американским ЦРУ агентуры. (Но не объясняли, почему народные массы не встали живым кольцом на защиту обкомов и райкомов.) Винить самих себя товарищи были не приучены, поэтому версия подлого заговора не могла не родиться. Тогда же оформилось устойчивое словосочетание «наше поражение».

Товарищи и впрямь имели право говорить о своем поражении — не от Америки, конечно, а на сугубо внутреннем фронте. Бедняги больше не могут упиваться такими дивными вещами, как радиоглушилки и «железный занавес», «характеристики от треугольника» и партсобрания, соцсоревнование и соцреализм, Политбюро и политзэки, шизофреническое двоемыслие и выражение «не больше килограмма в одни руки», спецхраны и спецраспределители, «номенклатура» и «выездные комиссии», Главлит и свобода слова в виде газеты «Правда», грязь, которую мы каждую осень месили «на картошке», и гарантированный стукач на каждом курсе, в каждом цеху и взводе.

Поначалу товарищи рассказывали про поражение и американский заговор в основном друг другу, потом круг слушателей стал расти. Казалось бы, пускай рассказывают — мы-то помним, как было, и нам смешны эти басни. Такой вывод был ошибкой — высокомерие вообще плохой советчик.

В этом пришлось убедиться, когда о «поражении России» вдруг заговорили наши якобы либеральные СМИ. Начинали робко (так купальщица пробует воду пальцами ноги) — с того,

что коммунисты проиграли информационную войну. Конечно, проиграли, и слава Богу, что проиграли. Однако вскоре вместо «информационная» стали писать «холодная», а затем и «третья мировая». «Коммунистов» же быстро заменили на «СССР», а уже начиная с 1994 г., совсем по-воровски, — на «Россию», и делают вид, будто все так и было с самого начала. Какое-то время не обозначали победителя. Проиграли, а кому — неизвестно. Потом стали писать «Америке». Возможно даже, это была не иезуитская манипуляция, а обычный выход подсознательного наружу.

Не встречая возражений, история об американцах — победителях третьей мировой стала укореняться. Она понравилась за океаном. Политкорректные янки, видимо, рассудили: уж если русские сами так говорят, нам-то зачем скромничать? Кто-то из администрации Буша-отца даже написал книгу под названием «Победа»¹ — чувствовать себя победителем приятно.

«Поражение России» быстро стало дежурным блюдом на коммунистическом столе. Выдать поражение коммунизма за поражение Отечества — какая находка! КПРФ не могла получить лучшего подарка: получилось, что даже для ее оппонентов коммунизм и Отечество — синонимы. С коммунистами ситуативно сомкнулись конспирологи, катастрофисты, паникеры и прочие капитулянты. Идут годы, но попробуйте на каком-нибудь сетевом форуме оспорить тезис о поражении. Вас встретит яростный отпор с разных сторон. Удаленные политические фланги единодушны: «Не отдадим наше поражение никому!» «Давайте признаем, что нас отымили!» — молит член Общественной палаты, писатель и ресторатор Липскеров Д. М.

Почему коммунистическую сказку подхватили люди вроде бы противоположного политического идеала? Почему величайшее чудо XX в. — избавление России от коммунизма — наши якобы демократы и либералы объявляют поражением?

¹ Эту книгу убедительно развенчало Радио «Свобода»: <http://www.svoboda.org/programs/TD/2001/TD.082601.asp>

Как говорится, с кем вы, мастера культуры? Считать, что это поражение, по логике, могут только люди, полностью отождествившие себя с КПСС и КПРФ.

Взглянем правде в глаза: «общечеловекам», подхватившим коммунистический тезис о «поражении России», просто психологически необходима вера в ее поражение — бывшее или будущее, и неважно от кого. В былые времена они уверяли (кто себя, кто окружающих), что у них антагонизм с советской властью. Время показало, с кем у них антагонизм. Они ненавидят и всегда ненавидели именно Россию — одни безотчетно, другие осознанно и даже не очень скрывая. В этом отношении они гораздо опаснее даже радикальной интеллигенции начала XX в.

В бабьих истериках, которые у нас сходят за публицистические и политологические тексты, тезис о поражении уже перешел в стандартную формулировку — как нечто общеизвестное и более не нуждающееся в обосновании: «после поражения России...», «вследствие поражения России...». Кто же, мол, это оспорит? Тезис проник даже в учебники. Приходится признать, что это пока самая успешная из совместных антироссийских диверсий коммунистов и «общечеловеков». Пока — ибо возможны новые.

У России в мире довольно много соперников, которые будут страшно рады, если мы и впрямь почувствуем себя побежденными, усвоим психологию неудачников, жертв неодолимых тайных сил, если у нас опустятся руки и все остальное. Они будут ликовать, если будет сломлена наша воля к действию.

Тезис о поражении вызвал к жизни (правда, едва ли к удовольствию «общечеловеков») целую индустрию конспирологической беллетристики, породил растиражированные затем Интернетом поддельные цитаты из Даллеса, Тэтчер, Клинтона, из протоколов бильдербергских мудрецов, вдохновил многословные труды о перманентном всемирном заговоре против России и прочих вздор. Сказанное не надо понимать как утверждение, что антироссийские силы и замыслы отсутствуют вообще. Они конечно же есть — как есть антики-

тайские, антиамериканские, антииндийские и проч. Но эти силы ничуть не похожи на тех «атлантистов» и «талассократов» из компьютерных игр, на разоблачении которых специализируется газета «Завтра».

Конспирология стара как мир. Ее алгоритм, как уже было сказано выше, прост: если кто-то воспользовался тем или иным событием — значит, он его и подстроил. Но такого расцвета, какой эта аномалия достигла в сегодняшней России, человечество, боюсь, еще не знало.

3. Конспирологическая дурь

В 90-е вопрос о том, плетется ли всемирный заговор против России, еще был предметом споров. Потом спорить перестали — чего спорить, когда ясно: давным-давно сплетен. Обсуждение перешло как бы в подкомитеты — сколько лет (или веков) заговору, зародился ли он в Хазарском каганате или в Ватикане, кто подстроил нашествие Мамая (без всяких шуток, есть полдюжины статей на эту тему) и Смутное время, Раскол и Крымскую войну, убийство Пушкина и отравление Александра III (да-да, он был отравлен), кто столкнул Сталина с Гитлером (не могли же они сами столкнуться!). Оказывается, одна и та же сила сперва наслала на Россию коммунистов, а потом выпустила из них воздух, и они упали в 1991 г. мягкой тряпочкой. «Заговоры против России» стали отдельным литературным направлением. Многие ничего другого давно уже не читают, настолько увлекателен этот. Прилавки завалены шедеврами жанра.

Мировой закулисе интересна только Россия, другие страны ей скучны. Разве пришло бы ей, закулисе, в голову заманивать Францию в капкан наполеоновской авантюры? Нет конечно. Франция сама захотела, чтобы казаки Платова вошли в Париж. То же самое США: без всяких жидомасонов и тамплиеров (те были заняты пакостями в нашем Отечестве) устроили у себя сперва Гражданскую войну, а 60 лет спустя — Великую депрессию с миллионами бездомных. О Германии и

говорить нечего — она хоть и потеряла в XX в. треть своей территории (в 1914 г. занимала 541 тыс. км², ныне 357 тыс. км²), но потеряла помимо чьих-то заговоров и злобных козней, это же не Россия, чтобы под нее кто-то копал. В результате Первой мировой войны рухнули четыре империи, но заговор, заметьте, был только против Российской. У нас многие обиделись бы, будь оно иначе.

Иной раз может показаться, что против страны NN тоже действуют могучие тайные силы, но это обман зрения. Лет 40 назад, измученная тропической формой марксизма, Индонезия лежала без дыхания. Страна была объявлена банкротом, газета «Правда» рыдала в голос: «Индонезия распродается за долги. Каучук, марганец, нефть, олово, бокситы — все идет с молотка». Так бы и распродали, но, вспомнив, что банкрот все-таки не Россия, а какая-то там Индонезия, выдали ей, Индонезии, новый кредит. Ныне она экспортер электроники и автомобилей, наступает на пятки «тиграм Юго-Восточной Азии».

Цель многовекового западного заговора — овладеть природными ресурсами России. Для этого подстраивается китайское проникновение в Сибирь и на Дальний Восток. Правда, потом заговорщикам придется отнимать эти земли уже у китайцев, но это пустяки, ясен пень. У китайцев только ленивый не отнимет.

Страх перед заговорами и пораженческие настроения постоянно транслируются в массы, где их переживают, в отличие от столичной постмодернистской тусовки, достаточно тяжело. Но разве кто-то попытался за последние 18 лет внушить этим массам чувство исторической правоты, воспитать в них ощущение победителей? Тебя еще, пожалуй, переспросят: победителей чего?

Всего два десятилетия назад казалось, что вернуть отнятое в 1917 г. нет никакой надежды, однако России это удалось. Она сумела отвоевать свободу слова, свободу печати, свободу передвижения, свободу предпринимательства и конкуренции, многопартийную систему, рыночную экономику, свободу творчества, академическую свободу, свобо-

ду вероисповедания, открытое общество. Россия победила советскую разновидность тоталитаризма — и как-будто забыла об этом. **Если эту огромную победу не сделать основой нашего мировосприятия, есть риск, что мы начнем утрачивать отвоеванное.** Многие считают, что уже начали.

Свой тоталитаризм Россия победила сама — в отличие от Германии, Италии, Японии, где тоталитарные режимы были сокрушены внешними силами. Разве это не свидетельствует о ее непобедимом здоровье? Особенно если вспомнить, что это сделала страна, исторически незадолго до этого сокрушившая фашистскую Германию.

Кстати, хороший вопрос: почему Испании, Португалии, Греции и России удалось свергнуть тоталитарные режимы в своих странах собственными, внутренними силами (при этом мы хорошо понимаем, насколько тяжелее была российская победа и насколько важнее для всего мира, ничуть не принижая остальные из названных стран), а чтобы выкорчевать тоталитаризм в Германии, Италии и Японии — понадобились иностранные штыки?

Победа России над своим внутренним тоталитаризмом — событие не менее судьбоносное, чем ее другая величайшая победа, над тоталитаризмом внешним, над гитлеровской Германией. Дважды на протяжении одной человеческой жизни, даже не жизни долгожителя, Россия совершила почти немыслимое и оба раза смогла самостоятельно восстановить разрушенные тяжкими испытаниями основы жизни страны. Это смогли только мы — и никто больше на свете! А значит, мы можем все. **МЫ МОЖЕМ ВСЕ.** Это надо понять сердцем, на это надо настраивать нацию. Эти слова заслуживают стать нашим национальным девизом.

Но кто напоминает об этом народу? Когда видный деятель правящей партии требует восстановить памятник Дзержинскому, он тем самым отрицает революцию 1989—1993 гг., чьим звездным часом было низвержение этого памятника — событие не менее символичное для России

1991 г., чем взятие Бастилии для Франции 1789-го¹. Другой видный член этой партии не видит нужды в праздновании Дня России — нашего главного, наряду с Днем Победы, государственного праздника.

Всякая революция должна быть своим главным истолкователем, а мы все стесняемся с истолкованием. Застенчивость победителей позволила проигравшим, по сути, монополизировать интерпретацию всего происшедшего. Их трактовки, не встречая отпора, стали привычными, что есть уже почти согласие. Человеку присуще свыкаться с самыми идиотскими оборотами речи: «остров Свободы», «лицо кавказской национальности», «две большие разницы». Точно так же примелькались уже упомянутое «поражение России», «беловежское предательство», «расстрел парламента» или вопросы типа: «А что, собственно, мы празднуем 12 июня?», сравнения с советским временем как с утерянным раем, демонизация 90-х и прочее в том же духе. Негласное принятие трактовок политических оппонентов прямо поощряет процесс ползучей делигитимизации новой России и ее общественно-политического строя.

Мы постоянно видим, особенно на среднем административном уровне, как люди, являющиеся частью этого строя, лично состоявшие в рамках Конституции 1993 г., по сути утверждают, что этот строй возник в результате «поражения», «предательства» и «расстрела». То есть, как минимум, признают его не вполне законным! Этот процесс опасен сам по себе, но особенно опасным он может стать в ситуации неожиданных потрясений. Его необходимо решительно остановить.

Победители все не решаются сказать ясно и громко: на рубеже 90-х произошло чудо преображения России. Наша родина освободилась из плена жестко умозрительной утопии, придуманной в Западной Европе двумя кабинетными начетчиками и русофобами Марксом и Энгельсом. Слом

¹ Дарья Горянина. Ответчик за красный террор. *Русская мысль* (Париж), 17 октября 2002 г.

коммунизма не был ни причудой Горбачева, ни диссидентской революцией, ни, смешно говорить, результатом заговора ЦРУ. Коммунистический проект рухнул, не мог рано или поздно не рухнуть, из-за (повторю еще раз) «сопротивления материала», превратившего все затеи большевистских вождей в пародию и карикатуру на первоначальный замысел.

Глава вторая

Ощутить историческую правоту

1. Где наступательная идеология?

Буду признателен, если услышу объяснение такой загадки. За последние годы с разных высоких трибун нечасто, но звучали полностью адекватные оценки демократических перемен, преобразивших нашу страну. Как ни поразительно, они не были подхвачены якобы «управляемой» российской прессой, предположительно ловящей каждое слово начальства. Видимо, когда речь идет любимом поражении, эта пресса не может поступиться принципами. Намеки властей всякий раз оказывались настолько непривычны для журналистского сословия, что их и не подумали подхватить. Приведу несколько цитат.

«Россия за последние 15 лет совершила чудо. Еще два десятилетия назад казалось, что вырваться из тоталитарной за-падни невозможно в принципе. Россия вырвалась...» (Борис Грызлов. Политический доклад на V съезде «Единой России» 27 ноября 2004 г.).

Судьбоносным видит тот же период и Владимир Путин. На траурном приеме в связи со смертью Бориса Ельцина он напомнил, что в годы правления первого российского президента удалось *«побудить к поистине историческим переме-*

нам Отечество и преобразить тем самым мир». Проигравшим не дано преобразить мир, это удел победителей.

Прочитую вице-спикера Государственной думы Олега Морозова: *«Сейчас в российской политике два лагеря: один — это партия исторического успеха, другой — исторического поражения»*. То есть «Единая Россия» устами одного из своих идеологов отмечает идею поражения.

Под партией исторического успеха О. В. Морозов имеет в виду, естественно, «Единую Россию». Этой партии сам Бог велел заряжать страну оптимизмом. Ее положение удобно тем, что на ней нет ответственности за неизбежные ошибки и упущенные возможности девяностых, ибо в своем нынешнем виде она сложилась позже. Но при этом «Единая Россия» просто обязана быть открытой наследницей победоносной демократической (антикоммунистической) революции 1989—1993 гг., любой иной вариант поставил бы ее в идеологически двусмысленное положение.

Очень плохо, что эта революция до сих пор не объявлена революцией и предметом гордости. Ее можно объявить, впрочем, и реставрацией, поскольку страна вернулась к цивилизационному выбору, которым недвусмысленно отмечен весь путь исторической России между X и XX вв., между Крещением и 1917 г., вернулась к своему «я». Революция или реставрация — она была совершена не в подражание чьему-то образцу. Семьдесят советских лет на фоне двенадцати веков русской государственности — краткий эпизод, страшный сон. Хоть он и заслоняет нам сегодня почти всю остальную нашу историю, но это ненадолго. Эпизод, слава богу, позади, страница перевернута.

Почему наследники победы обозначают свою идеологическую позицию лишь редкими намеками, разумеется, понятно — они опасаются дополнительной поляризации общества, не хотят оттолкнуть часть избирателей (хотя привлекли бы другую часть). Срабатывает инерция, срабатывает страх перед словами. Поляризация, противостояние, раскол — сильные слова. Но они обозначают явление, нормально присущее любому обществу. Достаточно посмотреть, как лику-

ют одни и рыдают другие наутро после выборов в большинстве европейских стран. Раскол по множеству поводов налицо и в России, не надо себя обманывать. Бесперывные атаки в оппозиционной прессе, особенно сетевой, на «правлящий режим» — это ли не свидетельство вполне реального раскола?

Воздействие атмосферы пораженчества столь велико, что демократическое и либеральное экспертное сообщество России «не заметило слона». Чудо преобразования России осталось им практически неотрerefлексированным. Всякая реставрация, как и всякая революция, обязана громко и уверенно декларировать свою правоту и свою неизбежность. Колеблющийся идеолог напоминает человека, который свой ответ на вопрос, кто он и чем занимается, начинает словами: «Видите ли...» Уклончивость власти воспринимается не как ее разумная осторожность, а как дефицит чувства исторической правоты. Да он и реально налицо, этот дефицит. У миллионов людей он трансформировался в подорванную веру в себя, преуменьшенную самооценку, пониженное самоуважение, чувство неуверенности. Но когда дух нации низок, она подобна организму с разрушенной сопротивляемостью, что по-научному зовется иммунодефицитом. Когда он высок, никакие трудности не страшны, любые цели достижимы.

Сегодня дух нации ниже, чем был 15 лет назад, как это ни дико звучит. Перенесись кто-то из нас сегодня в первую половину 90-х, он схватился бы за голову: как нам удалось это пережить? А удалось потому, что бывшие преподаватели научного коммунизма и отставленные от власти либералы еще не успели тогда внедрить в массовое сознание миф о «поражении России». Большинство российского народа еще жило с ощущением победы над коммунистическим монстром и с верой: «Еще немного, еще чуть-чуть...» Напомню, в самой тяжелой фазе «шоковой терапии», на фоне кризиса привычного миллионам образа жизни, обесценивания вкладов, остановки предприятий ВПК (т. е. половины промышленности), немыслимых цен в коммерческих магазинах и пустых прилав-

ков во всех прочих, в стране прошел референдум о доверии курсу Ельцина (25 апреля 1993 г.), и президент получил 58,7 % голосов. С нынешним уровнем духа мы девяностые годы не одолели бы.

2. Если уж судьба расщедрилась

Не одолели бы, несмотря на выросший с тех пор в разы уровень жизни. И даже несмотря на то, что приватизация жилья за считанные годы сделала три четверти населения России владельцами и совладельцами квартир (приватизировано уже 30 млн квартир) и земельных участков, причем процесс приватизации продолжается. Никогда в истории у нас не было столько состоятельных (по принятым в мире понятиям) горожан — некоторая часть из них едва сводит концы с концами, но при этом владеет недвижимостью!

И никогда в своей истории Россия не строилась так, как сегодня, этот процесс идет с начала 90-х гг. Бум частного строительства почти целиком ускользает от Росстата, но, даже по его данным, обеспеченность жильем выросла на 35 % по сравнению с советским временем (с 16,4 до 22,1 м² на человека).

То, что недоучет налицо, просто бросается в глаза. Будучи девятой в мире по численности населения, Россия занимает третье место по производству строительного кирпича (в 2007 г.; до того много лет подряд занимала второе), кроме того, немало кирпича импортируется. Необъяснимо огромно и количество потребляемой напольной плитки¹ (раз в пять-шесть больше, чем требуется при тех объемах строительства, которые учитывает Росстат!) и прочих стройматериалов, потребляемых открыто, а сколько их потребляется «в тени»! Вообще без учета теневой составляющей у нас нельзя судить

¹ http://research.rbc.ru/news/index.shtml?2005/04/20/1001642#top_research

почти ни об одной области российской экономики. Росстат учитывает ввод лишь зарегистрированного жилья, люди же сплошь и рядом строят дома, но не регистрируют их (чтобы не платить налоги) под предлогом незавершенности строительства. Но частные дома постепенно покрывают родные просторы, и это главное.

На конец 2009 г. парк легковых автомобилей в России достиг 34 млн (на конец 1991 г. их в России было 8,9 млн, в 1994 г. — 11,48 млн, к началу 2001-го — 20 млн), почти 240 машин на 1000 жителей. Много это или мало? В стране почти 54 млн «домохозяйств»¹. Пусть часть автомобилей является служебной, пусть в некоторых домохозяйствах уже больше одного автомобиля (но это пока еще не слишком типично), нет сомнений, что 50 процентная автомобилизация населения у нас достигнута. Мыслимо ли было вообразить такое 20 лет назад?

Можно вспомнить и про резко выросшее число студентов. В 1989 г. в РСФСР на 10 000 человек населения приходилось ровно 200 студентов, сегодня — 529. Максимальная цифра студентов в советское время не достигла даже 3 млн, а в 2008/09 учебном году составила 7 млн 513 тыс. (из них в негосударственных вузах, вопреки расхожему убеждению, лишь 17,3 % учащихся).

В РСФСР образца 1989 г. было слегка за тысячу музеев, а в России 2007-го — уже 2468 (более поздних цифр пока нет). Почти в два с половиной раза больше! Особенно впечатляет то, что в самые трудные 90-е годы появилось множество новых провинциальных музеев. Родиться им помогли местные «капиталисты». Помогли и продолжают помогать, хотя пример Запада не давал повода рассчитывать на меценатство в пору первоначального накопления капитала. Но Россия — особая страна, что ускользает от катастрофистов и пораженцев.

¹ 130 млн человек у нас образуют 41,7 млн семей («семейных ячеек» на языке статистиков), в среднем по 3,13 человека на семью. Кроме того, в России 11,9 млн одиноких, каждый из которых, с точки зрения статистики, также представляет собой отдельное домохозяйство.

В 1989 г. в РСФСР работали 363 профессиональных театра, а в России в 2007 г. — 594, только театров оперы и балета добавилось полсотни. Возродилось отечественное кино.

Правда, на 17 % сократилось число общедоступных библиотек, зато безостановочно растет число названий издаваемых книг (в 1992 г. — 28,7 тыс., в 2007-м — 108,8 тыс.). В два с половиной раза выросло число издаваемых журналов и почти вдвое — газет. Да, по суммарному тиражу уровень советского времени выглядит пока недостижимым, но вспомним, что представлял из себя советский книжный магазин. Его прилавки были на две трети покрыты унылой макулатурой, годной только в печку, ныне же голова кружится от обилия книг буквально любой тематики. Напомню: и периодике, и музеям, и театру, и кино в начале 90-х предрекали полную гибель.

Вспомним также, что в одном лишь 2008 г. российские граждане совершили 20,5 млн поездок только в дальнее зарубежье. Вспомним, что служба в армии сокращена до одного года, чем резко сужен простор для пресловутой «дедовщины». Есть надежда, что в ближайшие годы она будет вообще изжита.

Но все это ничего не значит для не желающих видеть. Внешне разумные люди, срываясь на крик, доказывают вам, что в 1991 г. произошла национальная катастрофа, что они (все, как на подбор, новые собственники) бессовестно ограблены. Недавно я участвовал в часовой передаче «Ничего личного» на ТВЦ (3-й канал), где обсуждался вопрос «Оправдана ли ностальгия по советскому времени?», и был поражен тем, что 69 % аудитории ответили на него утвердительно — вопреки доводам четырех (из шести) участников, ведущей и обоих экспертов.

Что особенно поражает, за время, прошедшее после распада СССР, отношение россиян к Октябрьской революции, если верить ВЦИОМ, заметно улучшилось. Если на закате перестройки лишь пятая часть общества считала, что революция дала толчок социальному и экономическому развитию страны, то сейчас в этом убеждена уже треть населения. Еще спасибо, что среди молодежи популярность этого события

много меньше, чем среди представителей старших возрастных групп. Растет число граждан, отрицательно воспринимающих Декларацию о суверенитете 12 июня 1990 г.; 38 % респондентов считают, что ее принятие навредило России, хотя несогласных с такой точкой зрения пока больше (41 %).

Европейский банк реконструкции и развития в своем докладе за 2007 г. обращает внимание на совершенно необъяснимое, с его точки зрения, российское противоречие: *«Чувство неуверенности, глубоко вросшее в сознание населения, является одной из помех экономическим реформам, причем именно в период, когда они, похоже, действуют эффективно»*.

Сегодня шофер такси убежденно расскажет седоку, как Клинтон нанял «демократов» сократить население России до 15 млн («обслуживать трубу») и этот план с тех пор тщательно выполняется. В воронежской глубинке молодая учительница поделится с вами секретом, что страшный Чубайс продал все российские черноземы на метр в глубину на вывоз китайцам — правда, это будет через пять лет, пока готовят технику. В стране, где подобный вздор не отмечается со смехом еще до окончания фразы, что-то неладно с верой в свое государство.

Интернет буквально лопається от злобных и преимущественно фантастических обвинений в адрес власти, и это не пустяк. Свыше 50 млн российских пользователей Интернета — самая активная часть общества¹. Возможно, цикл выбо-

¹ Даже сообщение о росте числа пользователей Интернета можно составить в пораженческом духе; так, «Эхо Москвы» умудрилось выдать в эфир такой текст: *«Согласно Левада-центру, доля россиян, которые не имеют возможности общаться с миром и узнавать новости через Интернет, постепенно сокращается — с 80 % два года назад до 73»* («Эхо Москвы», новости 12:33, 05.08.2007). Нормальный человек скажет, что число *«имеющих возможность»* выросло с 20 до 27 %. Бог судья этому «Эху». Важна была цифра 27 %, тогда это составляло 38 млн душ. На середину 2008 г. это число выросло до 45,25 млн («The CIA World Factbook»). Экстраполируя темпы прироста, можно предположить, что на начало 2010 г. число пользователей Интернета в России заметно превысило 50 млн.

ров декабря 2007 г. — марта 2008 г. (Думы и президента) был последним, на исход которого решающее воздействие еще оказывало телевидение. Уже следующие выборы будут определяться Рунетом в той же степени, что и телевидением, а если он будет расти со стремительностью сотовой связи, то может оказаться фактором номер один.

По законам заколдованного круга атмосфера пораженчества медленно, но верно увеличивает число тех, кто отвергает фундаментальные основы новой России. За кого они проголосуют завтра?

3. Арьергардные бои «совка»

По-настоящему сильной может быть только партия победителей, хорошо понимающих, какое зло они победили. Этим злом была коммунистическая утопия. Неосторожно выражая ностальгию по утопии, победители выставляют себя проигравшей, побитой стороной. Отыгаться побитый может, лишь вернувшись в утопию.

Российская интеллигенция давно уже превзошла по численности рабочий класс, она новый гегемон общества, ее сознание крайне лабильно, ее легко очаровать, но она столь же легко разочаровывается. Уже более двадцати лет формируется и обновляется ее активная молодая страта, для которой приглашение в «совок» равносильно возвращению к лучине. Мечта построить на этом человеческом материале какой-то новый тоталитаризм — а как еще расценить постоянно раздающиеся призывы к «мобилизационному государству»? — не просто безнадежна, она вызвала бы яростное сопротивление, пределы которого трудно даже вообразить. Мало того, в итоге оказались бы на помойке и те лучшие (допустим) намерения, ради которых все это было бы затеяно.

Уверен: все это понимают как сочинители книжек под названием «Проект Россия», так и те, кто грезит о возвращении обкомов и горкомов. Уже поэтому подобные грезы никогда не

перейдут в сферу практической политики. Да и кто эти грезящие? Ни одного политика (заслуживающего так называться) с подобными намерениями на горизонте не видно.

«Единая Россия» станет по-настоящему сильной партией, лишь постоянно подвергаясь ревнивому и придирчивому наблюдению со стороны других партий. Самая действенная критика исходит от партии, занимающей близкую или почти ту же политическую поляну. Примеры: консерваторы и лейбористы, республиканцы и демократы. КПСС, десятилетиями защищенная от всякой критики, не смогла существовать, лишившись цензурного панциря.

Вернуть нас в утопию невозможно никакими силами — преобразование России необратимо. Эту фразу хотелось бы закончить словами: «...это главное, остальное — детали». К сожалению, «остальное» — не детали. Преобразование — длящийся процесс, но его яркие этапы, его прямолинейность уже позади. Он развивается исподволь, и его вектор виден лишь с птичьего полета. Он не виден людям, разглядывающим происходящее на расстоянии вытянутой руки. Таких людей, естественно, большинство.

Пока это большинство не проникнется горделивым сознанием свершившегося чуда, не ощутит себя наследниками победы над тоталитаризмом, атмосфера пораженчества никуда не денется, страна будет жить с ущербным ощущением жертвы и «лузера», и это может иметь предсказуемо скверные последствия.

Никогда и ни одному коренному преобразованию не суждено было увенчаться полным воплощением задуманного. Все реформы были компромиссом с действительностью, притом мудрыми людьми давно замечено: чем с меньшим напором они проводились в жизнь, тем в конечном счете лучше удавались. Разве не об этом говорил 177 лет назад Пушкин? Цитирую: *«Не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических,*

страшных для человечества». Надеюсь, это как раз нынешний российский случай.

Если смотреть на вещи объективно, все удалось так, как мы не смели и мечтать на пороге 90-х. По своим причинам я прекрасно помню день 1 января 1990 г. и невыносимую тревогу, которой было тогда окутано будущее. Не буду напоминать ни о звучавших тогда мрачных пророчествах, ни о ставших очевидными задним числом пропастях, куда мы могли свалиться, но не свалились благодаря недооцененной зрелости российского общества. Сегодня в России, при всех возможных оговорках, либеральная конституция, политические партии, парламент, частная собственность, свободный въезд и выезд, шаг за шагом выстраивается местное самоуправление, цензуры нет. Суды доступны, судьи несменяемы, что резко повышает их независимость, воссоздан дореволюционный суд присяжных, возможна апелляция в международные суды. Покончено с изоляцией от мира, в стране образовательный бум, строительный бум, свобода предпринимательства и частной инициативы, полная культурная свобода, выдающийся экономический рост. А главное, все только начинается.

В современной России сформировалась публичная сфера, в которой ведутся политические дискуссии, значительная часть которых составляет, особенно в интернет-среде, критика власти и ее представителей, действуют неправительственные организации. России удался трудный бросок от централизованной плановой экономики к рыночной. И все это внедрялось не в условиях диктатуры, а с постоянным подтверждением легитимности перемен на выборах. Это важная оговорка. У декоммунизации (включавшей восстановление рыночной экономики) везде были разные шансы на успех. Лучше выглядели шансы тех наций, для которых разрыв с коммунизмом — как правило, принесенным Красной армией — был равносителен национальному освобождению. Самобытные же «авторские» коммунизмы — Мао Цзэ-дуна, Ким Ир Сена, Хо Ши Мина, Иосипа Броз Тито, Фиделя Кастро — казались (и оказались!) куда более укорененными.

Но тяжелее всех выглядел случай России — именно России, не СССР. Здесь коммунизм царил так долго, что всякую преемственность полагали необратимо пресекшейся. Даже самая память о какой-то иной жизни, как считалось, давно угасла. Здесь не могла идти речь о национальном освобождении, ибо русский народ верил в то, что он «первый среди равных». В середине 80-х многие уверяли, что вырвать Россию из исторической западни можно лишь силовыми методами, с опорой на длительную и жесточайшую антикоммунистическую диктатуру, ведя изнурительную и кровавую борьбу с коммунистическим подпольем.

Никто не запрещает оппозиции утверждать, что всего вышеперечисленного в России на самом деле нет, что у нас полицейское государство, авторитарный режим, продажное правосудие, телефонное право, идет удушение бизнеса, удушение СМИ, удушение свобод, демократия похоронена, страна распродана на корню, стариков хотят выморить, чтобы не тратиться на пенсии и занять их квартиры, нами правит «вашингтонский обком» (вариант: полковник КГБ, мечтающий стать царем), страна живет в режиме управляемой (или уже неуправляемой) катастрофы. И еще многое, многое, многое другое.

При этом нельзя не признать, что за последние годы на государственных телеканалах как-то незаметно исчезла критика правительства и президента (ну разве что мельком и редко, в каких-нибудь ток-шоу), что ненормально для демократической страны. Становится уже общим местом убежденность, что 7-процентный избирательный барьер был введен специально для того, чтобы в Думе не звучали несогласные голоса. Многие задаются вопросом: разве не опасно положение, когда практически вся оппозиция — и конструктивная, и нет — будет вне парламента? Коммунистов, конечно, устроит ситуация, при которой они станут единственным противовесом «режиму».

Праздничные концерты в Кремле приобретают все более брежневский формат. Неприятно советизируется государственный стиль в целом, причем инициатива к переменам идет

из провинции. С момента возврата советского гимна власти на местах решили, что Москве угоден именно этот стиль, и разубедить их трудно. На экранах все чаще мелькают чиновники, своими манерами и речью неотличимые от кувшинных рыл советского времени.

Вдруг стали появляться новости забытого образца. В Новороссийске 9 членов скромной правозащитной организации признаны виновными (со ссылкой на закон о митингах) в проведении незаконной встречи и оштрафованы мировым судьей. За что именно? За несанкционированное чаепитие с двумя немцами из ФРГ¹. Журналистку Ларису Арап за статью «Дурдом» о психбольнице города Апатиты в Мурманской области туда же и поместили, выпустив лишь через полтора месяца под давлением СМИ и общественных организаций. Городские власти Москвы под незаконным (и смехотворным) предлогом заставили владельцев пивного зала «Антисоветский» сменить название.

Подобные случаи не остаются местным достоянием — не те времена. Стоит сообщению такого рода появиться в Сети, как оно воспроизводится на сотнях сайтов, его читают и обсуждают в блогах тысячи людей. О подобных вещах как о важных событиях немедленно и с восторгом извещает мировая пресса. В руководстве страны могут пожать плечами: «Заставь дурака Богу молиться...» Но правозащитники смотрят на дело иначе. По их мнению, власти во многих регионах твердо решили, что Кремль ждет от них как раз подобных действий, создаются прецеденты. Внушает страх возможность расширительного толкования закона о противодействии экстремизму.

Совокупность таких симптомов побуждает пишущий люд объявить о пошаговом введении авторитарного режима. Некоторые журналисты в своей заботе о судьбах демократии привычно оскорбляют страну и ее народ: *«Добрый наш народ по-каратеевски кротко смирился... Власть может на-*

¹ *Время новостей*, № 23, 9 февраля 2007 (<http://www.vremya.ru/2007/23/46/171318.html>)

силовать свой народ-богоносец как хочет в особо циничной и извращенной форме...» и т. д. Есть группа авторов, уверенных в том, что *«важнейшим скрепляющим элементом»* кремлевской элиты *«являются бизнес-интересы»*. Эта элита *«ставит своей задачей перераспределение в собственную пользу значительной части общественного (и частного) достояния. Остальные задачи — внутри- и внешнеполитические — вторичны по отношению к этой цели»*. Подобная уверенность исчерпывающе характеризует скорее ее носителей. Они не сомневаются в правоте своих догадок, ибо твердо знают, что на свете нет ничего прекраснее большой кучи денег. Обычно это выходцы из очень бедных семей, им смешно предположение, что кто-то может смотреть на вещи иначе. Своим ядом они настолько отравили водоем российского политического Интернета, что частое погружение в него опасно для психики. Вступать с ними в спор — все равно что дискутировать с автоответчиком, я не раз в этом убеждался. К тому же они очень нервные и легко переходят на крик.

Российская интеллигенция, самая влиятельная страта общества, судя по опросам, сбита с толку. Ее доверие к государственным институтам опустилось почти до уровня земной поверхности. Меньшая, но самая пылкая часть интеллигенции начинает воспроизводить кухонную фронду образца 1982 г. Нынешний кухонный интеллигент, в отличие от подсоветского, любившего пение под гитару, обязан быть мрачен и озабочен. В наши дни ему ничто не грозит, поэтому он горделиво говорит по телефону о «кровавой гэбне» и о том, что «эта страна ничего другого не заслуживает».

В такой среде стало дурным тоном находить в современном российском государстве что-то положительное и вообще считать его легитимным. Тот, кто с этим не согласен, рискует услышать в свой адрес, что он «либо дурак, либо провокатор». Таковы правила новейшего идейного конформизма. Алгоритм внутреннего разложения СССР начал, как в дурной пародии, воспроизводиться в демократической России. Значение этого ползучего процесса по своим пос-

ледствиям может выйти далеко за рамки проблематики рецедивов советского стиля.

Утешает то, что большинство тревожных новостей совсем не случайно остается без продолжения. Уже назавтра журналисты энергично устремляются по следующему следу, бросив тему, которой будоражили нас вчера. Понесешь выбрасывать залежавшиеся газеты и ахнешь: да в нас еще зимой должна была врезаться комета! Или задумаешься: неужто шахтеры до сих пор сидят на рельсах? Или уже ушли? Когда сели, сообщали все. А когда ушли, ни слова.

...По законам физики и жизни маятник, достаточно далеко откатнувшийся в одну сторону, теперь движется в противоположную. Он уже пересек линию золотой середины, но еще продолжает движение, замедляя его.

4. Презумпция благих намерений

Попробую дать свои объяснения, исходя из презумпции порядочности российского руководства. Не сомневаюсь, что многие его шаги диктуются видением ряда угроз. Возможно, о каких-то из этих угроз общественное сознание, к своему счастью, даже не догадывается. Они не должны застать страну врасплох, поэтому власть действует на опережение, не всегда считая возможным открывать карты.

Другие неочевидные шаги Кремля могут объясняться поиском решения проблем, которые уже «достали». Не исключено, что какие-то из этих шагов ошибочны. Большинство же, риску предположить, верны.

Мало кто будет спорить, что за годы своего президентства Путин решил несколько очень тяжелых задач. В 90-е гг. очень многое в стране «плохо лежало», и легализация частной собственности и предпринимательства открыла перед тысячами чиновников возможность использовать свою власть, полномочия и служебную информацию как ресурс частного предпринимательства, как инструмент извлечения «коррупционной ренты». С другой стороны, поскольку в

первые постсоветские годы большинство законов не соответствовали реалиям изменившейся страны, от коррупции была и некоторая польза. Она сыграла роль смазки, не давшей заклинить экономические механизмы. Мало-помалу коррупция стала важным элементом социально-экономической системы современной России, причем по мере того, как с развитием законодательства снижалась ее полезная функция, сама она только росла. Ныне сложилось общее убеждение, что коррупцией пронизано все, хотя это не так.

Девяностые годы были временем коррупционного взрыва практически во всем мире. Сыграли свою роль открывшийся потенциал Интернета, электронной и мобильной связи, компьютерных баз данных, возможность дистанционного управления банковскими счетами. Мировая криминалистическая мысль пришла к выводу: на каждую хитрость не придумаешь контрхитрость, надо выстраивать такие правовые механизмы, при которых коррупционеру будет очень трудно воспользоваться украденным где бы то ни было. Так родилась Конвенция ООН против коррупции 2003 г., подписанная в Мериде (Мексика) целым рядом стран, включая Россию. Эта конвенция (как и ранее принятая Конвенция Совета Европы) предусматривает выявление и конфискацию подозрительных денег по всему миру, возврат их в страну происхождения, обязательные ежегодные имущественные декларации чиновников, их родни и близких, расследование случаев необъяснимого обогащения, наступление на офшорные зоны, сильное снижение уровня банковской тайны, взаимный мониторинг стран-участниц и т. д. Тайное совмещение бизнеса с государственной должностью рекомендовано сделать уголовно наказуемым.

Но подписать мало, надо ратифицировать. Видимо, эта перспектива крепко огорчала весьма сильных людей в России. Еще в начале 2006 г. хорошо информированные депутаты Думы на вопрос, когда же Россия ратифицирует меридскую конвенцию, уверенно отвечали: «Никогда». Скрытое сопротивление было столь серьезным, что без политической

воли президента ратификация оказалась бы невозможна, нашлось бы сто способов задержать ее на стадии правительственных согласований. Наконец, 9 мая 2006 г. ратификация состоялась. Но мы еще даже не на полпути. Нормы конвенций нужно имплементировать, говоря юридическим языком, в российское законодательство, после чего заставить их действовать.

Это легче сказать, чем сделать. Мощные коррупционные сети не существуют сами по себе, они во многом срослись с государственной машиной и вычленимы с трудом. Имплементация будет идти со страшным скрипом. Но она произойдет. Бюрократическая машина во всем мире действует методом эмпирического напознания на проблему и с упрямой методичностью движется к цели. Коррупция будет выдавливаться шаг за шагом много лет. Но, как показывает опыт Российской империи, практически изжившей к 1914 г. крупную коррупцию (мелкие полицейские поборы изжить не удалось), задача эта выполнима.

Есть и другие задачи, решение которых требует таранной воли и упорства. Например, создание земельного рынка, развитие конкурентоспособного сельхозпроизводства, снижение энергоемкости экономики, уменьшение ее теневой составляющей, распутывание мертвого узла проблем ЖКХ — начни только перечислять.

На что направлены политические реформы последних лет? Их главная цель — повышение управляемости трудноуправляемой страны. Это в первую очередь относится к отказу, начиная с 2005 г., от прямых губернаторских выборов. Формирование власти в российских регионах теперь происходит по немецкому образцу: парламенты земель ФРГ выбирают глав исполнительной власти по предложению президента. Приходится признать: институт губернаторских выборов был введен в России в 1991 г. преждевременно. Правда, благодаря ему выдвинулся ряд талантливых губернаторов, но не меньше оказалось таких, для кого регион стал законной личной вотчиной. Не меньше оказалось честных, но слабых губернаторов, под носом у которых процветало расхищение ресур-

сов, легализация незаконных мигрантов из-за рубежа, что особенно опасно в приграничных районах, и прочие мерзости. Спросить с таких губернаторов было непросто — их выбирал народ.

Оппозиция выражает недовольство переходом на партийно-пропорциональную систему выборов депутатов Государственной думы, хотя в перспективе эта система может ей помочь: если бы уже в 2003 г. выборы проводились по этой системе, «Единая Россия» получила бы не 305 мандатов, а 239. Партийно-пропорциональная система выборов не есть что-то новое для России. Это система, сложившаяся в России еще в 1906—1917 гг., так что возвращение к ней с самого начала было моральным долгом новой России, восстанавливающей историческое преемство.

Семипроцентный электоральный барьер следовало бы признать непомерным и даже несуразным, если бы за его введением не стоял замысел подтолкнуть мелкие партии к объединению. Не видно, каким еще способом можно стимулировать появление в современной России устойчивой партийной системы. Нельзя сказать, что замысел блестяще удался, но все же одной общероссийской партией стало больше: «Справедливая Россия», вероятно, не возникла бы, не появись этот барьер.

Отменив кандидата «против всех», мы лишь стали ближе к общемировой практике. Такого кандидата нет почти нигде. Отмену порога явки тоже нельзя назвать антидемократической мерой. Наличие порога не повышало явку.

Наконец, в качестве доказательства движения к тоталитаризму оппозиция называет закон «О референдумах». Так ли это? Новый закон делает референдум нормой прямого действия. То есть итоги референдума станут обязательными к исполнению, тогда как по старому закону они носили рекомендательный характер. Да, затеять референдум станет сложнее — придумана дополнительная защита от демагогов и популистов. И все же: что усиливает этот закон, демократию или тоталитаризм?

Власть зачастую действует предельно неловко — например, разгоняя крохотную демонстрацию, на которую иначе никто бы не обратил внимания, и тем вынося ее в мировые заголовки. Еще удивительнее несомненные случаи подтасовок на выборах. Зачем приписывать жалкие добавочные проценты кандидату, чья победа и без того не вызывала сомнений? Зачем эта перестраховка, обесценивающая результат? Объяснение тут простое: «совок» не унимается. Его еще предстоит изгонять и изгонять — как изгоняют бесов.

Глава третья

Проблема портрета нации

1. Как вы яхту назовете, так она и поплывет

Российский интеллигент, при всех своих несомненных достоинствах, крайне внушаем и преувеличенно почитателен к Европе. Все бы ничего, но уже как минимум со второй трети XIX в. многие либералы, сами того не замечая, смотрят на свою родину сквозь чужие, изначально неблагосклонные очки. Это отношение мало-помалу перетекало в российскую публицистику, впитывалось сознанием в качестве доказанных истин.

Среди наших историков были, конечно, и другие тенденции, но западный взгляд (особенно на протяжении шести с лишним либеральных и радикальных десятилетий, от воцарения Александра II до 1917 г.) брал верх. *«Русская история стала искажаться задолго до коммунистической власти: страстная радикальная мысль в нашей стране перекашивала русское прошлое соответственно целям своей борьбы»* (А. И. Солженицын).

Свой вклад в антирусскую риторику внесли и основоположники марксизма — да такой, что некоторые их труды были

негласно запрещены (!) к изданию в СССР¹. Эти труды не остались, однако, не прочитанными учениками основоположников в старой России, и кое-кто из них полностью принял мнение Маркса—Энгельса о «гнусности» русской истории.

Взгляд на «плохую» отечественную историю был радостно подхвачен большевистскими смердяковыми, попал в школьные учебники, упрочился в подкорке у правых и левых (пусть и с разными мотивировками). Когда, начиная с 60-х, в СССР стали просачиваться запретные книги из-за рубежа, оказалось, что ветхие идеи продолжают жить и там, хоть и слегка обновленной жизнью. Общественный заказ и логика «холодной войны» подтолкнули развитие старых мифов на Западе в предсказуемом направлении: большевизм — естественное продолжение исторического пути России, от века прозябающей под знаком некоей «парадигмы несвободы», русская история ужасна.

Размышлизмы западных экспертов о России — упоительное чтение. Читаю статью Леона Арона (Leon Aron), слывающего крупным знатоком России, в газете «The Washington Post» от 24.12.06: «*„Narod bezmolvstvuet“*. На всем протяжении российской истории патологическое молчание народа, которое обессмертил Пушкин в последней строке *„Бориса Годунова“*...» и т. д. Заглянем в Пушкина. Народ безмолвствует вопреки призывам боярина Мосальского. («Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!» Народ безмолвствует.) Москвичи отказываются славить нового царя! Цитата из Пушкина доказывает прямо противоположное тому, что померещилось знатоку России.

Англичанин Макс Хастингс пишет («The Guardian», 27.11.2006): «Мы восхищаемся их [русских] музыкой и литературой, сочувствуем их ужасной истории (sympathise with their appalling history)». Подобные обороты рассеяны у него и дальше: «В этом трагичном и порой кажущемся проклятым обществе...» Ничего не изменилось, по мнению М. Хастингса, и в XXI в.: «Москва — это город, где британ-

¹ Н. Ульянов. Замолчанный Маркс. — Франкфурт, 1969.

скому историку Энтони Бивору ставят в вину то, что он говорит правду о советском произволе в годы Второй мировой войны». Для справки, книги Бивора «Сталинград» и «Падение Берлина» (а также «Ольга Чехова») вышли по-русски несколькими изданиями. Не найдя их в магазине, можно заказать через Интернет. Интересно, не выглядим ли и мы столь же глупо, когда рассуждаем о загранице?

Еще один историк: *«Ни один народ не пережил столько страданий, как русский. На его долю никогда не доставалось даже подобия порядочного правительства... Единственным — пусть и явно недостаточным — утешением для русских всегда служила их литература. Варварские условия, в которых жила страна, каким-то образом породили замечательную литературную традицию и целое созвездие великих писателей»* (Д. Эпстайн, «The Wall Street Journal», 05.05.07). Жаль огорчать автора этих слов, но «варварские условия» принципиально не могут создать «замечательную литературную традицию». Для ее возникновения нужны писатели, издатели, тиражи, журналы, газеты, критики, журналисты, литературная среда, общественное мнение. И много читателей.

Автор анонимной статьи в журнале «The Economist» (18.12.99), озаглавленной «Bleak and Bloody Russia», т. е. «Мрачная и кровавая (а можно понять и как «проклятая») Россия», задается вопросом: *«Что это за страна?»* — и сам себе отвечает: *«Это странная страна, возможно, единственная в своем роде»*. Как хотите, но подобный текст — это уже уровень межцивилизационной войны.

А теперь от оценок истории ближе к нашим временам. Отгадайте, о ком речь: *«Один из немногих истинно великих людей нашего времени, человек небольшой физической силы, но с огромным сердцем, сумевший загнать русского медведя назад в его грязную клетку»* («One of the very few truly great men of our time, small in physical stature but so great of heart he forced the Russian bear back into its fouled cage»). Подписано: Ральф Питерс, газета «Нью-Йорк пост» от 04.03.08. А кто же великий человек, загнавший русского медведя? Если вы стоите, сядьте. Это Вацлав Гавел.

Впрочем, что взять с иностранцев! Современный российский учебник для 10-х классов «Отечественная история» (сочинительницы Л. Н. Жарова и И. А. Мишина) описывают русскую историю (да еще рубежа XIX—XX вв.!) так: «...полуазиатская деспотическая власть царя,.. забитость крестьянства»; «российское государство, вырываясь из оков варварства...» и проч.

То, как в стране принято освещать свой исторический путь, бесконечно важно для духа нации. Многие слышали выражение: «Битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель», — это довольно избитый афоризм. Мало кто, правда, ответит на вопрос, что же именно внушил этот самый учитель своим ученикам и о какой битве речь. Это стоит знать. Победа прусского войска над австрийским в 1866 г. при Садовой (ныне в Чехии) открыла дорогу к объединению Германии. Произошло это два поколения спустя после унижительного Тильзитского мира 1807 г., по которому Пруссия утратила половину территории и населения и должна была, казалось, навек расстаться с мечтой о германском единстве. Вопреки жестоким реалиям (Венский конгресс 1815 г. утвердил раскол Германии на 39 государств) эти два поколения воспитывались отнюдь не в унынии и пораженчестве. Не смирившись, казалось бы, с очевидным, «прусский учитель» внушал своим ученикам, что Германия разделена не навек, что немцы заслуживают лучшей участи, он воспитывал в них высокий дух, патриотизм, веру в свои силы, он пересказывал им слова Фихте о немецком величии. И этого оказалось достаточно!

О роли Иогана Готлиба Фихте надо сказать особо. В своих «Речах к немецкому народу» он говорил о высшем призвании немцев стать средоточием «свободной разумности» в мире, духовно возглавить все европейские народы и спасти их «от внутреннего разложения и надвигающегося упадка»¹. Фихте призвал к реформе школы как к главному

¹ Характерный отрывок из Фихте: «Немцы — это само человечество, и одной из главных причин их превосходства является немецкий язык, единственный живой язык, какой только существует. Другие языки мер-

средству спасения Германии, молодежь которой низкопоклонствовала перед всем иностранным. Фихте был услышан школьными учителями, и произошло чудо: новая, патриотично воспитанная молодежь начала возрождать Германию.

Хотя бы ради самосохранения всякое общество должно постоянно пропагандировать положительные константы о себе, какими бы прописными они ни выглядели. В российском случае, правда, их еще предстоит сделать прописными. Но это совершенно необходимо. Мы те, кем себя ощущаем, и наша страна — это то, что мы знаем о ней. Как вы яхту назовете, так она и поплывет.

На Западе почти все согласилось с утверждением Фрейда, что детство — самое тяжелое и несчастное время жизни. Одна из главных тем английской литературы — тема несчастного детства. Это отмечали многие, это бросается в глаза. Тягостное детство Байрона, тягостное детство Черчилля, «Оливер Твист» Диккенса, «Бремя страстей человеческих» Моэма. Не говоря уже об Ивлине Во. Когда не видно исключений, достаточно и дюжины-другой примеров. Общее для романов, биографий и воспоминаний — отсутствие душевного тепла в семье. Видимо, дело в устройстве английской семьи и в устройстве английских учебных заведений. Розги в них отменены всего 30—40 лет назад. Аристократические школы — просто бursy. В книжке «Эти странные англичане» сказано: *«Для английских детей детство — это такой период, который нужно миновать как можно скорее»*. Но почему же русские воспоминания о детстве — сплошь счастливые воспоминания? Рискну предположить, что учение Фрейда просто более справедливо для западноевропейцев, чем для русских. А если говорить конкретно об Анг-

твы, стеснительны для мысли, для создания образов. Только народ, который имеет счастье говорить по-немецки, способен, благодаря своему языку, к духовной жизни». Большинство немцев понимают, что старина Фихте крепко загнул, но все равно чувствуют себя лучше, вспоминая эти слова, известные всем немцам. Не знающая сомнений уверенность завораживает.

лии, то, по моим наблюдениям, это такая страна, где есть все для счастья, а счастья нет.

От иностранцев, поживших в России и владеющих русским языком, я не раз слышал, что нигде в западном мире нет такого, чтобы люди, засиживаясь до утра, обсуждали вечные вопросы. И все они жаловались, как им стало тоскливо без этого на родине. Американский журналист Роберт Кайзер, едва ли самый большой русофил на свете, не удержался в своей книге «Россия» от такого признания: *«Стоит провести один нудный вечер в Лондоне или Вашингтоне, всего один долгий обед с бесконечными разговорами о покупках, ресторанах, теннисе или лыжах, чтобы оценить прелесть московских застолий. Приземленная, ничтожная тема тут не задержится. Беседы — вот источник величайшего удовольствия здесь, и, проведя за русскими беседами множество часов, я начал понимать, что именно этой стороны русской жизни мне будет не хватать более всего...»*

Эмигрантские впечатления помогают нам лучше понять самих себя. Владимир Шляпентох, 30 лет живущий в США, рассказывает: *«Американцы, как правило, не любят разговоры, не имеющие отношения к конкретным вещам, людям, происшествиям: о литературе, политике, экономике, истории... Совсем немногие здесь проявляют интерес к вещам и событиям, лишенным для них прямого или косвенного практического значения... Некоторые из моих американских коллег, занимавших высокие должности в своей области, выйдя в отставку, сразу перестали интересоваться новыми разработками в области, которая якобы составляла смысл их жизни. Русский интеллигент неспособен изменить своему признанию».*

Пр процитирую публицистку Галину Леонову. То, что она пишет о Западе, конечно, преувеличение, но не злостное преувеличение, поскольку совпадает со множеством других свидетельств. *«На работе, на улице, в магазине — везде! — действуют дружелюбные, корректные, в меру вежливые бесполые граждане, которые вступают в контакт между собой по определенным правилам. А иначе — пожалуйста, в*

суд. Профессиональные юристы разберутся, кто, каким образом и на какую сумму ущемил чужие права и достоинства... И в то же время над людьми здесь тяготеет осознанная необходимость быть свободными. „Ты свободен!“ — настаивают газеты, журналы и телевидение... Образ Свободно Вкушающего Всевозможные Радости Жизни Современного Западного Гражданина преследует человека повсюду — от уличной рекламы до Интернета».

Вышесказанное ни в коем случае не следует понимать как утверждение, что качество жизни в современной России выше, чем на Западе. Для этого в России многовато бытовых и инфраструктурных трудностей. Да и в любом случае трудно представить себе объективное решение данного вопроса. Попробуйте ответить себе: сколько баллов надо прибавить стране, где больше красивых женщин? А сколько — стране, где можно поднять руку и если не первый, то второй частник довезет тебя до места за малые деньги, а в пути вы еще поговорите о политике? Как хотите, но это тоже часть свободы.

2. Мы легко верим вздору о себе

Уже упомянутый Джордж Тревельян в своих книгах повторяет и настаивает, что у Англии «счастливая история». В своей книге «Муза Клио» он говорит, что история — это искусство, чье единственное назначение — «воспитывать умы людей». Близких взглядов держался и Уинстон Черчилль, оставивший, как известно, ряд исторических трудов. Самое интересное, что они совершенно правы, именно так и надо писать историю.

Боюсь, российские историки полезли бы на стену от подобных рекомендаций. Не говоря уже о публицистах. Как заметил писатель Александр Кабаков, «мы постоянно и страстно клеймим самих себя и свою страну за все истинные и надуманные провинности. А большая часть образованных людей и вовсе считает обличение государства и общества

*своей миссией»*¹. К «надуманным провинностям» принадлежат конечно же и мифы о том, что нам чужда свобода.

В передаче «Эха Москвы» 23 июня 2009 г., снабженной сразу двумя заголовками: «Русский народ хочет грозного царя» и «Русская история: хождение по граблям», ведущий Виталий Дымарский внушает своим слушателям: *«Свобода в иерархии ценностей наших людей, нашего народа никогда не присутствовала»* — и через некоторое время (чтобы понравиться своему собеседнику, Р. Пайпсу) повторяет еще раз: *«Мы сейчас говорим о свободе, порядке, о том, что русский народ не привык к ценностям свободы, не осознает свободу как высшую ценность»*. О «покорной, пассивной России» рассуждает другой журналист, Лев Убожко. Собственно, на поиск примеров такого рода большого труда не требуется, их можно приводить и приводить.

С нашим сознанием случился странный выверт. Прорыв России из тоталитарной ловушки к свободе не засчитан нам в актив, и мы с этим вроде бы согласились! Какие-то странные господа продолжают нам рассказывать о нашей неспособности к свободе, а мы им почти верим. Прошло совсем немного лет, но о российском прорыве, похоже, все забыли. Россия должна повторно осознать и отрефлексировать свой выбор, и лишь это поможет закрепить его.

17 июня 2005 г. российские информационные агентства, а следом за ними и интернет-порталы порадовали мир заголовками: *«ВЦИОМ: 82 % россиян — за цензуру на телевидении»*. Были также заголовки *«Даешь цензуру!»*, *«Подавляющее большинство россиян уверены, что цензура на ТВ нужна»*, *«Россияне требуют цензуры на телевидении»*, *«Народ говорит, чтоб замолчать»* (и т. п.). И боюсь, многие торжествующе воскликнули: «Кто бы сомневался!»

Откуда взялась эта «новость»? Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проводя очередной ежегодный всероссийский опрос населения (в 153 населен-

¹ Александр Кабаков. Так уже было // <http://www.rian.ru/authors/20050421/39721566.html>

ных пунктах в 46 областях, краях и республиках), установил, что только один (!) процент опрошенных высказался за цензуру политических сюжетов. Мало того, свыше половины (51 %) участников опроса высказалось за расширение возможностей оппозиции выражать свое мнение на центральных каналах телевидения, в том числе 26 % — за выделение ей специального эфирного времени, 25 % — за более активное привлечение лидеров оппозиции в уже существующие программы. Только 35 % опрошенных посчитали, что эти лидеры и так уже достаточно представлены на ТВ.

Откуда же взялось утверждение о «82 % россиян», якобы выступающих за цензуру на телевидении? В ходе того же опроса ВЦИОМ установил, что, по мнению респондентов, цензура на телевидении нужна при показе передач со сценами секса и насилия (57 и 49 % опрошенных соответственно), 30 % считают, что следует ограничивать рекламу сомнительных товаров и услуг, по 24 % высказались за недопуск на ТВ фильмов, пропагандирующих криминальный образ жизни, а также за цензуру рекламы продукции интимного характера. Далее, каждый седьмой россиянин обращает внимание на недопустимость использования грубой лексики на ТВ и на аморальность телепередач вроде «Большого брата», «Окон», «Дома-2», «За стеклом». Чуть меньшее беспокойство у наших сограждан вызывает эстрада, смакование подробностей катастроф и терактов, освещение личной жизни людей без их разрешения (4—8 %). Крайне редко респонденты указывают на необходимость цензуры детских, образовательных программ (2 %) и политических сюжетов (1 %). То есть новость следовало озаглавить: **«За политическую цензуру на ТВ — только 1 % жителей России»**. (И будь возможна цензура пошлости, я голосовал бы также и за нее.)

Цель заголовка про «82 % за цензуру» ясна: в нашем политизированном обществе люди обязательно решат, прочтя такой заголовок, что речь идет о политической цензуре. Сегодня, когда добрая половина аудитории российских СМИ за недосугом ограничивается одними заголовками, родился мощный способ манипуляции сознанием: ложные

заголовки. И хотя Интернет пестрит ими, мы еще не оценили по достоинству силу нового оружия.

Нам активно навязывают безнадежный портрет сегодняшнего российского общества, чтобы мы, чего доброго, не назвали яхту правильно. Кто-то очень хочет, чтобы мы сами в него уверовали, подхватили, махнули на себя рукой, чтобы усвоили в качестве автопортрета.

Эти «82 %» будут еще годы всплывать в статьях и трактатах. Среди авторов этих статей и трактатов много людей, потерпевших личный крах, который они принимают за крах национальный. Масса ликования гарантирована в текстах о России на сайтах ИноСМИ. Ру и ИноПресса. Ру. Не ударят лицом в грязь и похожие на публицистов «свои», они еще раз объяснят, сперва «там», а на завтра, ради безотходного производства, — «здесь», что 82 % русских ненавидят свободу, а мы что говорили?! Так навязывается (формируется, подтверждается) образ — и для внешнего употребления, и для внутреннего.

Самое поразительное, что и для внутреннего. Яхте все время норовят дать неверное имя. Профессор истории Александр Каменский (РГГУ), знаток русского XVIII в., рассказал в своей лекции в клубе «Улица ОГИ», насколько его поразило телевизионное интервью «с разумным на первый взгляд господином». Господину был задан такой вопрос: «Как вы считаете, почему либеральный проект в России провалился?» *«Если бы мне задали такой вопрос, — пояснил Каменский, — я бы сначала спросил: „Что вы имеете в виду под либеральным проектом и почему вы уверены, что он провалился?“ Но спрашиваемый, даже не дослушав, открыл рот и произнес длинный доклад, начинавшийся словами: „Либеральный проект провалился потому, что...“».*

3. «Тихий переход к свободе»

Наций без изъянов не бывает. Наш основной изъян — привычка ныть и жаловаться по поводу и без — помогает навязывать нам пораженческие настроения. *«Главная беда*

российской элиты — уверенность в том, что корабль [яхта?] тонет» (Серафимовский клуб). Хотя он и не думает тонуть. Давайте усвоим: катастрофы, которыми нас запугивают, станут возможны, лишь если мы в них поверим.

Чтобы переломить пораженческие настроения, нужно не так уж много. Прежде всего нам нужно вспомнить себя. У тысячелетней России счастливая на фоне подавляющего большинства народов мира историческая судьба и бесценный исторический опыт, у нее достойный зависти багаж, ни одного рокового изъяна и все козыри на руках. Мы не боимся жизни. Легкость, с которой в начале 90-х у нас установился пусть и несовершенный, но, без сомнения, либерально-демократический строй, должна бы поражать, но мы для этого слишком близки к событиям. Она начнет поражать поколение спустя. Подтвердилось, с запозданием почти на полтора века, пророчество С. Т. Аксакова, высказанное им в письме Александру II, о том, что России суждено «представить великое зрелище миру — тихого перехода к свободе». Большинству людей этот переход запомнился не таким уж тихим, наиболее впечатлительные много раз уверяли, что все пропало. Человеку вообще присуще смотреть на мир вокруг себя как на более или менее окончательный, а если и ждать перемен, то лишь в худшую сторону. Конечно, каждый знает, что вся предшествующая история состояла из перемен, но теперь они закончились, мир сложился. Этому оптическому обману подвержено большинство людей.

Помню, в 90-е гаишники решались выезжать на трассу минимум на двух автомобилях и с автоматами. И казалось: так будет всегда. Сегодня едешь по просторам родины чудесной и видишь — стоят одинокие с жезлами. Сколько же всего должно было произойти в стране, чтобы произошла такая перемена!

Или из совсем другой области. В начале перестройки, едва было разрешено частное книгоиздание, оно началось с «Похождений космической проститутки» (честное слово, была такая книжонка, криво напечатанная на газетной бумаге, сюжет вообразить не в силах). Интеллигенция пила

валерьянку. Вслед за тем начинающие издатели кинулись выпускать переводные детективы. Чейзами и агатами криси завалили все прилавки, и опять многие решили, что так будет всегда. Но потом, словно из-под земли, явились свои авторы и вытеснили иностранцев.

Это все равно было плохо. Засилье бульварного чтива — что ж тут хорошего! Вскоре народ уже читал Маринину и Донцову, а также отечественные дамские романы, однако еще смотрел мексиканские и бразильские сериалы. И тоже казалось, что так будет всегда. Но только мы успели глазом моргнуть, как наши сериалы выиграли соревнование с зарубежными без всякого административного допинга. Правда, почти все они были про бандитов. И опять встревоженные люди стали нас уверять, что отныне ничего другого не будет. Не успели мы в это поверить, как нас завалили сериалами о чем угодно. Хотя остались и про бандитов.

И так во всем. Театры, опустевшие было в 90-е, опять стали полными, и высокие цены на билеты никого не останавливают. В Москве ныне театров не меньше, чем в Лондоне, слывшем театральной столицей мира. Кинотеатры сперва переделали в мебельные магазины, ныне же завершилось их обратное превращение.

Вдруг стало издаваться столько интеллектуальной литературы всех мыслимых направлений, что впору тревожиться за дамские романы и прочее чтиво. Книги, сами названия которых не могли нам и пригрезиться в брежневскую слякоть, стоят на полках тысячами, и каждую хочется прижать к груди. Восторг сменяется почти отчаянием, когда понимаешь, что и десяти жизней не хватит, чтобы насладиться этим пиршеством гуманитарной мысли. А ведь если прийти сюда через полгода, эти книги сменятся другими! Россия из «самой читающей» страны превратилась, кажется, в самую пишущую¹.

¹ Интересно, что журналист газеты «The Scotsman» Мердо Маклауд (Murdo Macleod) не придумал для своей статьи о российском книжном рынке лучшего названия, чем следующее: «Pulp fiction makes Russia a literary Gulag» («Чтиво превращает Россию в литературный ГУЛАГ»). Попробуйте понять ход мыслей славного Мердо.

Всего 15 лет назад казалось, что конкурсы в вузы остались в прошлом, но конкурсы вернулись и уходить не собираются. Огромные суммы, выплачиваемые репетиторам (а также в виде взяток), прямо-таки вопиют о востребованности высшего образования. Стал резко расти спрос на технические специальности — вузы и абитуриенты откликаются на спрос промышленности. Вымирание этих специальностей всего 7—8 лет назад предрекалось как неизбежное. Помню, я пытался оспорить этот прогноз, но был встречен в штыки. «Вы что, не видите, что творится?! Не притворяйтесь, пожалуйста!» — гневался собеседник.

Рейтинговое агентство «РейтОР» выявляет прямо-таки бешеную карьерную озабоченность студентов и выпускников. Тем забавнее читать размышлизмы социолога Л. Гудкова («Новая газета», 30.06.08): *«Особенности организации российского государства и сама культура общества приводят к подавлению стремлений к лучшему... Абсолютное большинство граждан России ориентировано не на карьеру и достижение успеха, а лишь на сохранение того, что есть»*. В беседу вступает другой ученый, Б. Дубин, с не менее интересным сообщением: *«Запрос промышленности на квалифицированного рабочего пока не очень виден»*.

Он очень хорошо виден, этот запрос. И даже слышен. Это почти стон: дайте, о дайте нам рабочих, подготовленных и непьющих! Задача в очередной раз выглядит нерешаемой, но многолетний опыт наблюдения за процессами, происходящими в стране, говорит совершенно ясно: через те же 7—8 лет она окажется подзабытой — как всякая уже решенная задача. То ли с помощью системы профподготовки, в которую сейчас вкладываются предприятия, то ли за счет рабочей силы из депрессивных ныне территорий, то ли как-то еще. Вместо нее общество будет озабочено другими «абсолютно нерешаемыми» проблемами.

Институт общественного проектирования провел недавно исследование с целью понять: произошла ли уже в России реформа общественного устройства и общественного сознания? На обширную анкету, предложенную социолога-

ми, ответили свыше 15 тыс. человек в возрасте от 18 лет (выборка, вдесятеро превосходящая ту, которая обычно признается достаточной и репрезентирующей все взрослое население России) из 408 населенных пунктов в 59 регионах. Главный вывод исследования: все слои российского общества приняли ценности свободы, демократии и частной собственности. То есть приняли те самые реформы, о провале которых нам уже устали твердить справа и слева.

Помня, как трудно этот вывод доходит до наших СМИ, приятно удивляешься специальной акции интернет-портала «Росбалт». Он организовал журналистско-социологическую экспедицию с целью узнать, какова же истинная Россия. Любой выбор городов был бы уязвим для критики, поэтому просто отправились по 60-й, петербургской параллели. На ней оказалось пять городов: Белозерск в Вологодской области, Краснотурьинск на Урале, Стрежевой в Западной Сибири, Олекминск в Якутии и Магадан на Охотском море. Города разные по возрасту, развитию, численности и занятиям населения, уровню зарплат.

Подытоживая выводы экспедиции, Татьяна Чеснокова пишет: *«Вопреки столичным представлениям никаких зон бедствия мы в провинции не увидели. В центре Белозерска или пригороде Краснотурьинска такие же краснокирпичные двухэтажные коттеджи под крышей из мягкой черепицы, как в питерских или московских пригородах. Соотношение заустения и новых тенденций, пожалуй, такое же, как в Петербурге. А вот печальных примет большого города — бомжей, роющихся в помойках, — мы в провинции не видели... Бытует мнение, будто провинцию не волнует стратегическая политика — лишь бы работа была, пенсии росли, работало здравоохранение и школы. Это неправда. Запрос на идеологию в российской провинции огромен. Люди хотят знать, к каким идеалам ведет их руководство, какой видит Россию-2030, Россию-2050, хотят участвовать в строительстве государства, разработке региональной политики».*

Экспедиция проводила социологические замеры. «Уральцы по своим воззрениям оказались либеральнее жи-

телей Северной столицы. Они в большей степени склонны полагаться на себя, а не уповать на государство. Они терпимее относятся к чужому богатству. Они менее недоверчивы к Западу, тогда как большинство жителей Петербурга отличает склонность приписывать западному миру козни в отношении к России».

И заключительный вывод — одновременно правильный и ошибочный: *«Российский народ по своим установкам вполне западен. Он рассчитывает только на себя, давно уже не ждет милостей от государства и хотел бы в большей степени заняться самоорганизацией своей жизни, самоуправлением на местах. Все, что он имеет, он заработал своим трудом и видит прямую связь между эффективной и планомерной работой и результатом. В этом смысле ему вполне близки западные установки, народ их разделяет»*. Вывод верен по сути, только почему эти установки «западные»? Опять неудачное название яхты. Это установки наши собственные, просто мы об этом малость подзабыли.

Советская пропаганда твердила, что мы живем замечательно, и миллионы людей, вопреки убожеству своего существования, в это верили. СМИ новой России, настаивая на провале реформ, убеждают нас, что жизнь ужасна, и тоже не совсем без успеха. Тем не менее большинство наших людей, ставших благодаря приватизации собственниками квартир и земельных участков, ни за что не согласились бы вернуться в брежневское болото. Идея собственности не могла не победить в стране с тысячелетней традицией собственности.

Большинство жителей России выбирает в качестве главной жизненной ценности свободу в государстве, которое способно обеспечить порядок. И *«именно те из наших сограждан, кто выбирает ценности либерального консерватизма, являются локомотивом развития в современной России, объединяя в своих условных рядах представителей наиболее динамичных социальных страт. Партия, опирающаяся на ценности либерального консерватизма, способна выиграть выборы и проводить политику свободы и разви-*

тия... Важно только, чтобы сами российские либеральные консерваторы, в первую очередь в партии власти, осознавали свою историческую миссию и не боялись настойчиво ее осуществлять».

4. Повторное освоение России как национальная идея

Россия — страна, привыкшая к «длинным» проектам, она имеет к ним вкус, умеет с ними управляться. В нашей истории были даже многовековые проекты — формулировал ли их кто-то, сказать трудно, но в жизнь они проводились неукословно.

Главный из них — освоение исполинских пространств к северо-востоку и востоку от корневых русских земель. Каким упорством и силой, каким сверхъестественным предпринимательским духом надо было для этого обладать! Несколько убогих авторов (пусть завеса жалости скроет их имена), уверяющих, что русским чужда предприимчивость, явно сами никогда ничего не предпринимали. Этот «большой проект» занял много веков.

Другим «длинным проектом» было решение проблемы «дикого поля». Век за веком строя засечные линии и города-крепости, Россия последовательно и неумолимо теснила своих исторических врагов, живших набегами и грабежом, до тех пор, пока не устранила угрозу радикально. На это ушло в общей сложности четыре века.

Столь же долгим по времени стало следование обету по защите единоверцев. Он тоже не был торжественно оглашен, но подразумевался и был всем понятен на протяжении 464 лет. Точкой отсчета стало падение Константинополя. Тогда Русь увидела себя последней православной державой в мире и защитницей единоверцев, и защищала их, ввязываясь в одну войну за другой. Сегодня мессианскую политику принято осуждать, но в логике былых времен всякое

иное поведение было бы сочтено нашими предками за бесчестье.

Именно мессианская черта в русском характере помогла большевикам увлечь массы идеей мировой революции — еще одним длинным проектом, России совершенно ненужным и обошедшимся в миллионы жизней.

Были длинные проекты иного порядка — строительство Санкт-Петербурга, серия почти ежегодных кругосветных экспедиций из Кронштадта в Русскую Америку между 1803 и 1867 гг., прокладка самой протяженной в мире Транссибирской магистрали, столыпинская реформа, правительственная переселенческая политика, а после 1917 г. — индустриализация советского образца, военно-промышленный комплекс, освоение космоса.

Сегодня мы вступаем в новый период своей истории. Главным его содержанием станет **повторное освоение России**. Можно считать, что первоначальное освоение страны было завершено с пуском БАМа, т. е. совсем недавно. БАМ окончательно вступил в строй в 2003 г., с открытием движения по Северо-Муйскому туннелю. Повторное освоение должно происходить уже на принципиально ином уровне, соответствующем третьему тысячелетию. Само за себя говорит уже утвержденное выделение трудновообразимой суммы 14 трлн руб. (почти 500 млрд долл.) только на развитие дорожной сети.

Бог наградил нас — за наши жертвы или просто авансом — величайшими в мире богатствами, и нам пора начать распоряжаться ими максимально разумно. Только пресных вод, стекающих в Северный Ледовитый океан, у нас многократно больше, чем требуется, чтобы напоить всю планету. Какая-то часть этой воды, скорее всего из Печоры, видимо, уже довольно скоро пойдет (разумеется, по трубам, а не по каналам) на продажу в страны, испытывающие водный дефицит.

Но готовы ли мы к величайшему проекту в своей истории? Для его успеха научиться проектно мыслить должны

сотни тысяч, а то и миллионы людей. Нация, как минимум, должна обрести целостное представление о себе.

С этим дело обстоит, увы, неважно. На каждом шагу встречаешься с вопиющим незнанием своей страны. И если бы речь шла только о простых людях! Многие наши известные профессора и даже министры убеждены в самых фантастических вещах — например, что по размеру ВВП Россия на 85-м месте в мире. Об этом сказала на канале «Россия» (14.11.07) бывший министр труда, доктор экономических наук, профессор О. Г. Дмитриева; ей же принадлежат следующие бессмертные слова: *«Я интересовалась, какая страна живет хуже нас. Оказалось, только Ботсвана, где людей живьем едят в прямом смысле слова»* («Газета», 04.09.2005). Узнать бы, где интересовалась Оксана Генриховна. Прочитую еще бесподобный пассаж из профессора В. Г. Сироткина: *«Половина [! — А. Г.] населения России, как триста лет назад, живет в избах, топят печку дровами, бегают „до ветра“ в клозет типа сортир, носит воду из колодца, а бабы, как во времена Владимира Мономаха, полощут белье в речке или в пруду»*.

Г. А. Зюганов не раз заявлял, что в России 4 млн беспризорных (повторяющиеся замеры по Москве, где их больше всего, выявляли по городу в самые тяжелые годы единовременно не более 800 беспризорных, в основном из СНГ, — значит, по стране их несколько тысяч¹), в Интернете можно прочесть про 12 млн российских бомжей (что есть утрата чувства реальности); политолог В. Соловей сообщает на страницах «Литературной газеты», что *«русские не просто не хотят жить, они стремятся к смерти»*. На «Эхе Москвы» политолог Г. Джемаль уверяет, что Россия отдала Китаю земли, *«в пять раз превышающие территорию Чечни»*. Выходит, два пойменных острова с заливными лугами на Амуре равны по площади Бельгии, Нидерландам и Кипру впридачу. Собеседники кивают, их багаж слишком тощ, чтобы рассмеяться в ответ.

¹ <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200201526>; ужасно, но все-таки не миллионы.

Мы уже не вздрагиваем, когда почти умные на вид люди уверяют нас с экрана, что Россия экономически равновелика Саудовской Аравии (Голландии, Бельгии, Австрии, Нигерии, городу N в штате X), цитируют «международные рейтинги» с Россией на 116-м месте — рейтинги, в которые менее всего верят сами их составители. В учебных материалах МГИМО хладнокровно утверждается: *«По уровню экономического развития Россия находится в седьмом десятке, среди слаборазвитых стран, федеральный бюджет России меньше американского в 85 раз»*. Что цитата не выдумана, всякий может убедиться сам: <http://www.1mgimo.ru/study/mo/2kurs/ekrf/answers.doc> (с. 66); эта фраза повторена во множестве рефератов, предлагаемых к бесплатному скачиванию в Интернете — достаточно набрать ее в поисковике, — она засела во множестве юных голов.

В отличие от МГИМО, страшная организация ЦРУ более высокого мнения о российском экономическом уровне. Сетевой справочник «The World Factbook 2009» сообщает, что у России 6-й ВВП в мире — после США, Китая, Японии, Индии, Германии; что касается Великобритании и Франции, они пристроились России в затылок со своими 7-м и 8-м местами. Но это так, к слову.

Вывод же таков: если мы не хотим пополнять армию пораженцев в своей стране все новыми силами, нам не обойтись без россиеведения, в том числе как школьного предмета.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СЛАГАЕМЫЕ ИСТОРИЧЕСКОГО УСПЕХА

Россия просто не знает, насколько она хороша.
Магнус Линдквист (Magnus Lindkvist), футуролог

Можно ли настаивать на оценке итогов российского XX в. как успешных? Да, несмотря на все потери. Этот век — не что иное, как удивительно симметричный триптих, такие можно видеть в больших музеях мира: узкие правая и левая створки, протяженная центральная часть. По содержанию подобный триптих нередко представляет из себя тезу, антитезу и синтез. Чем-то подобным была и наша история в ушедшем столетии. Первые 14—15 лет — движение к правовому государству, верховенству закона, гражданскому обществу, парламентской демократии с замедлением в конце из-за мировой войны; затем 68—70 лет (как считать) отрицания этого пути, попыток построения утопии, величайшей победы над фашизмом, поисков выхода из утопии; 14—15 завершающих столетие лет — возобновление, но уже на основе синтеза, пути к правовому государству, верховенству закона, гражданскому обществу, парламентской демократии. Народы живут без перерывов, и каждому народу необходим весь его исторический и духовный опыт, включая самый горький, изъятия неуместны.

О большинстве вех и особенностей нашего исторического пути рассказано выше. Общественное развитие русского этноса, а затем и российского суперэтноса и формирование общих черт его характера неотделимо от его пространственного развития. Преодолевая негативные факторы длительного действия, он сумел стать адекватным своей географии, что не было гарантировано.

Первым среди слагаемых российского исторического успеха является «правильное место на глобусе» (этому посвящено начало первой книги). Перечислю остальные слагаемые, обеспечившие наш исторический успех и свидетельствующие о нем.

Неостановимое движение России преодолело все катастрофы и срывы нашей истории. Наше историческое развитие отмечено глубокими катастрофами — ордынским нашествием, Смутой, Расколом, большевистской революцией и ее последствиями, фашистским нашествием. Иногда к ним добавляют вторую половину правления Ивана Грозного и «революцию» Петра I. За выживание государства в ходе этих катастроф поручиться было бы невозможно. Но вопреки им (или благодаря им — история никогда не даст однозначного ответа) окраинный народ страны глухих лесов и болот, удаленный от морей и главных трасс мировой торговли, очень рано вышел на мировую арену и начал упорное движение к первым ролям в мире. В минуты смертельной опасности что-то нас всегда выручало — казаки на военных границах, столкновение наших врагов между собой, «остервенение народа, зима, Барклай иль Русский Бог...».

Развитие русских представительных органов прерывалось четырежды: (1) ордынским нашествием; (2) присоединением вечевых республик Новгорода, Пскова и Вятки к Москве; (3) мобилизационным режимом Петра I и охранительной политикой нескольких его преемников; (4) большевистским переворотом 1917 г. Несмотря на это, на протяжении всей своей истории Россия двигалась (или возобновляла движение после каждого из названных перерывов) в направлении развития выборного представительства разных уровней. Это за-

ставляет думать, что демократическая модель развития естественна для России.

Древняя вечевая демократия, развиваясь между X и XVI вв., приобрела упорядоченные формы и двухуровневую структуру. Аристократическая Дума, действовавшая с IX по конец XVII в., принимала самостоятельно и в отсутствие царя большое количество решений, включая важнейшие. Земские соборы были «советами всея Земли», на них было принято множество судьбоносных решений, определивших курс русской истории, выбрано шесть царей. Функционировали низовая выборная демократия (земское самоуправление) и суд присяжных («лучших людей»), дополнительно упорядоченные земской реформой Избранной рады в 1550-х гг.

Петр I внедрил столько чужеземного, так вестернизировал верхушку общества, что свое, допетровское, в последующие времена даже на уровне обсуждения начало восприниматься (и отвергаться) как нечто безусловно отсталое, хотя это не так. XVIII в. — 1-я пол. XIX в. — самый долгий провал в истории российской демократии и выборного представительства. Тем не менее и этот период отмечен семью созывами выборных комиссий для составления нового Уложения (свода законов), двумя десятками проектов конституции и парламентского устройства, эмансипацией дворянства, учреждением Государственного совета. Все сословия и социальные группы сохраняли право самоуправления. Верховная власть делегировала часть властных функций дворянскими и городским корпорациям и общинам.

При всем отличавшем ее своеобразии Россия — страна с редким населением и недостаточной экономической базой — не выходит за пределы схемы, присущей почти всему европейскому континенту. Упрощенно эта схема выглядит так: сословное представительство (XIV—XVII вв.) — абсолютизм (от XVI до XVIII в. включительно, в зависимости от страны) — эволюция к конституционализму (весь XIX в.; в России — 1810—1906 гг.). После Великих реформ Александра II (включая земскую) упорное движение России к демократии и выборному представительству возобновилось и привело через полвека к

Основным законом 23 апреля 1906 г. и к учреждению Государственной думы. Большевистский переворот 1917 г. стал четвертым разрывом в развитии выборного представительства и демократии в России. Но в 1991—1993 гг. в России победила новая демократическая революция. Эта победа — закономерное, хотя и мало отрефлектированное следствие всей нашей истории.

* * *

Русский фактор был решающим в судьбах Европы уже тысячелетие назад. Когда князь Владимир размышлял около 986 г., какую веру избрать для своего народа, судьба континента была на распутье. Предпочти Владимир мусульманство, Европа очень скоро оказалась бы в мусульманском охвате, ибо это динамичное вероисповедание уже господствовало в то время на западном конце Европы — на Пиренейском полуострове, а также на Сицилии.

Избери Владимир иудаизм, это почти наверняка привело бы к восстановлению на юго-востоке Европы иудейского Хазарского каганата, разгромленного отцом Владимира, князем Святославом. При «хазарском» выборе Владимира иудаизм воцарился бы от Каспия и Дуная до Балтики и Белого моря. Излишне говорить, что и в этом случае мировое развитие пошло бы иным путем.

В случае же принятия Владимиром латинского толка христианства в Восточной Европе со временем возможно утвердилась бы мощная коалиция славян-католиков или, не исключено, даже единое русско-польское государство, и это также означало бы совершенно иной сценарий хода европейских событий.

Шесть великих держав прошлого с ярко выраженными завоевательными тенденциями были низведены в разряд обычных стран либо распались на составляющие главным образом благодаря военным усилиям Руси—России. Это Хазария — великая (согласно А. Кестлеру¹, и не только) дер-

¹ Arthur Koestler. The Thirteenth Tribe. — London, 1976.

жава IX—X вв., Золотая Орда, Польша (великая держава между Люблинской унией 1569 г. и концом правления Яна Собеского в 1696 г.), Швеция (гроза Европы между Вестфальским миром 1648 г. и Ништадтским миром 1721 г.), Высокая Порта (Турция), Австро-Венгрия. Ну и не забудем, кто положил конец бодрому маршу Гитлера к мировому господству и благодаря кому сегодня школьники по всей Европе не изучают «Майн Кампф» в качестве вершины человеческой мысли под надзором расово проверенных учителей в сапогах.

Судьба России странно симметрична судьбе Испании — при всем внешнем несхождении двух стран. Почти одновременно сбросив чужеземное иго, оба народа немедленно начинают долгую экспансию за пределы Европы: Испания — на запад и юго-запад, Русь — на северо-восток и восток. Обе страны, сами того не ведая, выполняли важнейшую историческую задачу Старого Света по открытию дотоле неведомых пространств земного шара, причем, по меркам глобуса, их вклад в решение этой задачи почти одинаков: Испания может записать в свой актив примерно 12,5 млн км² новооткрытых жарких земель (Южную Америку без Бразилии и Гвианы, Центральную и часть Северной Америки, Филиппины), Россия — 12 млн км² холодных (Сибирь, Аляску, Алеуты, Грумант, ставший позже Шпицберген). Это если не считать (а собственно почему?) открытия ледяной Антарктиды в январе 1820 г.¹.

Симметрия на этом не кончается: когда Наполеон посчитал Испанию и Россию слабыми звеньями Европы, он обломал зубы и там, и там (правда, в Париж вошли русские войска, а не испанские). В XX в. и Россия, и Испания пережили кровавые гражданские войны и тоталитарные диктатуры, но избавление не было принесено им на штыках иностранных

¹ Открытие Антарктиды, материка площадью 14 млн км², и вовсе должно было поставить Россию впереди всех стран, с которыми традиционно связывают Великие географические открытия (с Россией их, заметим, не связывают), но мы люди настолько некичливые, что никто, кажется, у нас об этом почетном месте похлопотать не озаботился.

армий, как в Германию, Италию или Японию, — нет, и Испания, и Россия избавились от своих диктатур своими же внутренними силами. Но по большому счету наша страна, несмотря на ее роль в истории Европы, не обнаруживает сходства судеб с другими европейскими странами. Хотя черты типологического подобия неизбежны, а ситуативных и просто частных примеров сходства исследователь может найти сколько угодно, в целом Россия совершенно уникальна и не похожа ни на кого. И слава Богу!

* * *

Россия никогда не попадала в зависимость от Запада.

Практически всякое государство и во все времена стремилось к территориальному расширению — по крайней мере, до всемирного признания во второй половине XX в. положений международного права, объявивших такие стремления незаконными. Расширялись, как правило, в сторону меньшего сопротивления. В Западной и Центральной Европе со времен падения Римской империи все воевали против всех, до кого могли дотянуться. В этой части мира нет страны, избежавшей в своей истории участи быть кем-либо завоеванной. Но Европа — клин, сужающийся к западу, так что натиск на запад был менее перспективен, на восток же пространство только расширяется, а сопротивление, как считалось, ослабевает.

В России мало кому неясен смысл немецкого выражения «Drang nach Osten» (натиск на восток), но на восток обращались устремления отнюдь не только Германии, но и любой европейской страны, имевшей хотя бы малейшую возможность эти устремления реализовать. Объектом итальянской экспансии стали (вторично, после времен Римской империи) Истрия, Далмация и Албания; венгерской — Словакия и Семиградье (Трансильвания); австрийской — Словения, Внутренняя Хорватия и Босния; польской, между XIV и XVIII вв., — Литва, Белая Русь, галицко-волынские земли, Подолия, северские княжества; шведской — Финляндия,

Ингерманландия, Эстляндия, Лифляндия; немецкой — полабские славяне, пруссы, латыши, эстонцы, Чехия, часть Польши. Русская экспансия также имела преимущественно восточный вектор¹. Но при этом Россия сама несколько раз становилась объектом направленной на восток экспансии.

В частности, в Смуту западные соседи отхватили по куску собственно «Царства Руского» (Швеция — Новгород, а Польша — Смоленск), но не удержали. Остановка западноевропейской экспансии на восток бесила многих, ряд мыслителей и властных особ на Западе находили достигнутое продвижение вопиюще недостаточным. К примеру, западноевропеец Адольф Гитлер, всегда считавший экономической базой «промышленной революции» и дальнейшего экономического роста Англии ее двухвековую подпитку за счет выжимания соков из Индии, говорил, что российские пространства станут для Германии *«тем, чем была для Англии Индия»*². Но подчинить Россию оказалось не по силам ни одной европейской державе.

На земле крайне мало стран, которые избежали участи стать колонией, протекторатом, «заморской территорией» (номинальной частью имперской метрополии), доминионом, подопечной, подмандатной или просто полностью политически зависимой территорией той или иной западноевропейской державы. Либо подвергнуться ее оккупации. А то и стать для этой державы «ничейной землей», пространством для заселения. Россия — не просто исключение, она — поразительное исключение. Это не только самая большая из стран (немногих, повторяю), не поддавшихся этой закономерности, но и вообще самая большая страна мира. Русская государственность не прерывалась с момента своего возникновения никогда.

¹ М. К. Любавский. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. — М., 1996.

² Генри Пикер. Застольные разговоры Гитлера. — Смоленск, 1993. С. 37. Считая, что дело уже сделано, Гитлер легкомысленно ликует в начале войны: «У нас самая доходная колония в мире. Во-первых, неподдающуюся от нас...»

Вопреки всем бурям XX в., Россия сохранила свою уникальную территорию. Практически весь ареал проживания великорусского народа сосредоточен сегодня внутри российских границ. Те, кто говорят, что «Россия вернулась к границам Ивана Грозного», не очень понимают, о чем речь. Дозревшие до самостоятельного бытия народы, отделявшиеся от Российской империи (а затем от СССР), отделялись, естественно, на своей земле и вместе с ней. Испания тоже когда-то владела Фландрией, а Венгрия — Словакией, и, утратив их, они не лишились частей своей национальной территории. Для сравнения: Германия на сегодняшний день утратила ровно треть, по сравнению с 1914 г., своей именно национальной, т. е. дотоле немецкой, территории.

Если за современными границами России остались значительные очаги компактного проживания людей русского самосознания, то это произошло по воле коммунистических вождей. Так, в 1920 г., обеспокоенное малочисленностью рабочего класса Украины, а значит, слабостью «классовой базы» украинских большевиков, ленинское руководство передало в состав Украины ряд районов Донбасса с преимущественно русским рабочим населением. Впрочем, происходил и обмен территориями. В 20-е гг. Украина передала России города Шахты и Таганрог с их округами, а РСФСР Украине — Путивль, Мирополье и ряд волостей. Белорусская ССР состояла на момент вхождения в СССР всего из шести уездов бывшей Минской губернии. Витебская, Могилевская и Гомельская губернии после революции оказалась в составе РСФСР. Руководитель Белоруссии, энергичный Александр Григорьевич Червяков (судьбоносное имя с отчеством для этой республики), добился к 1926 г. передачи этих земель — 26 уездов в общей сложности — в состав Белоруссии. Хотел получить и Смоленск, но не смог. В 1936 г. были выделены в отдельные республики Казахстан и Киргизия — дотоле автономии в составе РСФСР. В 1944 г. РСФСР вернула себе Иван-город и Пыталово, отданные было в 1920 г. соответственно Эстонии

и Латвии. В 1954 г. Украине был передан Крым. История более мелких переделов и «уточнений» границ между советскими республиками и областями заняла бы тома, это отдельная тема.

Из народов, входящих ныне в состав России, оказались разделены государственными границами лезгины и осетины, но это произошло еще в результате развала Российской империи большевиками.

Собственно российская территория даже приросла — за счет Калининградской области, Карельского перешейка и северного берега Ладоги (то и другое, до 1917 г., — части Великого княжества Финляндского), Тувы (которая одна больше всей Прибалтики) и Курильских островов, а также района Печенги, возвращенного финнами, и Южного Сахалина, возвращенного японцами.

Ни российское руководство, ни общественность (отдельные активисты не в счет) не ставят вопрос о пересмотре границ с соседями. Россия и без того располагает замечательной территорией, уникальной в стратегическом, геополитическом и транспортном отношении, самой перспективной территорией мира. Об этом у нас шла речь в первой части книги.

В 1909 г. в современных границах России насчитывалось 85 млн жителей, в 2009 г., сто лет спустя, — 141,9 млн, на 67 % больше. Несмотря на все гекатомбы XX в.! Разумеется, в начале XX в. никто не думал, что прирост окажется таким скромным. Но все познается в сравнении. Во Франции население выросло за тот же период с 40 до 62 млн человек (на 55 %), в Бельгии — с 7,5 до 10,7 млн (на 39 %), в Великобритании в ее нынешних границах (т. е. с Ольстером) — с 42 до 61 млн (на 45 %); в Швеции — с 5,5 до 9 млн (на 63 %). В Италии население выросло за эти сто лет с 34,8 до 58 млн человек, на 67 %, что в точности равно российскому показателю. С другой стороны, население Португалии выросло за то же время на 85 %, а Испании — даже удвоилось.

Когда Россия входила в XX в., никто не мог предсказать, сколько десятилетий у нее займет завершение перехода от

аграрного общества к индустриальному, и не было уверенности, что она этот переход завершит даже во второй половине века — прежде всего потому, что преобладание сельского населения в стране было подавляющим. Это переход не завершили в то время и в более продвинутых частях Европы. В Швеции, совсем не отсталой стране, перед Первой мировой войной в городах жило всего 20 % населения, а Франция пришла к соотношению 50 : 50 только в 1930 г. Сталинское «раскрестьянивание», произведенное самыми свирепыми методами, снизило к началу Великой Отечественной войны сельское население РСФСР до 65 %. Но даже к моменту смерти диктатора городское население еще не сравнялось с сельским — несмотря на выдавливание рабочей силы из деревни с помощью оргнаборов, армейской службы и другими способами. Преемники Сталина доделали дело, аграрного общества к моменту их ухода с исторической сцены в России не было настолько, что страна уже не могла обходиться своим продовольствием. Как бы то ни было, сегодня в России общество современного типа, с хорошим уровнем образования, вполне готовое как к постиндустриальному развитию, так и к новой индустриализации.

* * *

Российский суперэтнос радикально изменился за последнее столетие — во многом в лучшую сторону. За несколько поколений народ может измениться до неузнаваемости. Это правило мировая история подтверждает на многих примерах. Согласно историческим свидетельствам, в XVI—XVII вв. чеченцы слыли самым мирным среди народов Северного Кавказа. Зато большой свирепостью славились в это время шведы. Они так отличились на юге Польши во время Тридцатилетней войны, что Генрик Сенкевич не хотел ехать в Стокгольм за своей Нобелевской премией — не мог простить шведам их зверства трехсотлетней давности. В Российской империи в буйных народах ходили финны, легко пус-

кавшие в ход свои знаменитые «финки». «В конце XVIII — начале XIX в. в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и более пренебрегаемого соседями, чем немцы» (В. О. Ключевский). Показателен пример США. Вплоть до конца 60-х в ряде штатов были отдельные школы для белых и черных, отдельные места в автобусах, отдельные скамейки в парках. И хотя расизм и сегодня остается одной из самых горячих тем американской жизни, в 2008 г. в США был выбран черный президент.

Чарлз Диккенс писал в 1856 г.: «Двенадцать месяцев назад считалось „не по-английски“ не вешать собственных солдат. Тридцать лет назад было „не по-английски“ не вешать людей дюжинами каждый понедельник. Шестьдесят лет назад было „не по-английски“ вставать из-за стола трезвым». Но потом это стало вполне «по-английски», хотя пришлось долго привыкать. Диккенс продолжает: «Один мировой судья заявляет мне, что я принадлежу к народу пьянчужек. Все англичане — пьяницы, таков судейский припев» (Ч. Диккенс. Собрание сочинений в 30 т. Т. 28. — М., 1960. С. 376).

Итак, все этносы меняются. Радикальным образом изменился за последнее столетие российский суперэтнос и его основа — русский народ. Как целое, бывшая Россия исчезла подобно Атлантиде, мемуаристы, не сговариваясь, называют ее «потонувшим миром». Исчезли многомиллионные сословия, почти ушло крестьянство со всеми его обычаями, нормами, правилами и ценностями, с авторитарным укладом, с патриархальностью, ушло то, что Пьер Паскаль называл «русской крестьянской цивилизацией». Одна из самых пронизательных характеристик победы в нашей стране марксистской утопии такова: это было «разрушение последнего сохранившегося целостного реликта христоверующего средневековья»¹.

¹ H. Mühlestein. Russland und die Psychomachie Europas. — München, 1925. S. 62 (Цит. по: Мануэль Саркисянц. Россия и мессианизм. — СПб., 2005. С. 152).

Россия начала XX в. — страна хоть и динамичная, но еще достаточно консервативная, — едва ли была способна на перемены такого размаха и такой быстроты, какие дались ей с относительной легкостью на пороге века следующего. Сто лет назад она слишком крепко держалась за свое — и за то, за что необходимо было держаться, и за то, что следовало отбросить. Другой ее сделали пережитые в XX в. потрясения и страдания.

Уцелело ли что-нибудь от российского самоощущения начала века? Новый российский народ не сохранил и не мог сохранить веру в незыблемость окружающего его мироздания — XX в. отнял всякую надежду на незыблемость. Бесповоротно расколото и единство прежней русской нации, о чем позаботились советские коммунистические вожди, проведя «украинизацию» и «белорусизацию». Обратное слияние с теми, кто осознал себя в качестве украинцев, и только украинцев, уже невозможно. Хотел бы ошибиться, но боюсь, то же относится и к белорусам.

Вера в Бога, боюсь, уже не станет в России частью драгоценной триады «За Веру, Царя и Отечество» («за Царя» — означает, если вдуматься, «за незыблемость государства и его устоев») — не станет, ибо нет больше тех, кто ощущал эту триаду сердцем, без рефлексии и сомнений. Уже видны пределы российского религиозного возрождения, одного из самых отрадных явлений посткоммунистической России. Эти пределы кладет нравственный релятивизм. Он воцарился у нас вместе с высоким образовательным уровнем населения. Для начитанного и эрудированного человека грех, увы, не всегда табуирован и к тому же относителен. Вместе с тем у наблюдаемого ныне возврата людей к вере есть одно замечательное достоинство. Оно состоит в том, что сегодняшние «новые верующие» пришли к вере в результате личного решения. Они наполняют сегодня храмы по доброй воле. Зрелище высокого чиновника, неумело крестящегося перед каменными иконами, не может это обесценить.

Крепость веры в старой России непротиворечиво уживалась с тем фактом, что молитва и исповедь были прежде

всего воспроизведением образа жизни отцов и дедов. Люди соблюдали праздники (в первую очередь праздники), общались в церкви, поскольку церковь в какой-то мере выполняла функции клуба (для людей, даже не знавших этого слова). Помня об этом, мы должны ценить сегодняшних «новых верующих», для которых молитва и исповедь — сознательный акт.

Чувство слитности с Россией у населяющих ее нерусских народов сегодня подвергается испытанию, так что оценивать его преждевременно. Видимо, пройдет не одно десятилетие, прежде чем оно вновь определится более или менее четко.

В сознании сегодняшнего усредненного россиянина не осталось и следа от бывшего образа молодцеватой и неустрашимой империи, причем не по одним лишь объективным причинам. Эквивалент веры во всемогущество «белого царя» исчез. У людей больше нет горделивой уверенности (и в прежние-то времена часто иллюзорной), что за их спиной — держава, которая не даст в обиду, они сегодня уверены попросту в обратном. Потребуются долгие годы и немалые усилия, чтобы восстановить былую веру. Не возникает у сегодняшнего российского человека и ощущения привлекательности своей страны для внешнего мира — даже при виде потока законных и незаконных иммигрантов, переселенцев, беженцев, гастарбайтеров, ежедневно вливающегося в нее через прохудившиеся границы. И дело не только в его личных наблюдениях и сопоставлениях — над созданием негативного образа современной России много и плодотворно поработали отечественные СМИ и отечественный кинематограф (кто-то недавно пересказал типовой сюжет российского фильма о современности так: «В одном маленьком городке все было ужасно»).

Конечно, народ, населяющий новую Россию, является культурным наследником народа 1917 г. (как и советских лет), но это уже другой народ. Можно ли сказать, что новый человек в целом хуже? Этически — скорее да. И все же однознач-

ный ответ невозможен, хотя мало кто из пишущих на эту тему удержался от соблазна предположить, что новый народ много хуже — и даже никудашнее — того, ушедшего (не удержались даже те, кто рисует историческую Россию грязно-серыми красками), но действительность не так проста. **Не могут быть плохи люди, совершившие чудо.** Они обнаружили немало неожиданных и замечательных качеств.

Надежду на то, что новый народ в чем-то и лучше, вселяет как его постсоветская эволюция, так и сама способность к столь быстрой эволюции, вселяют такие ярко проявившиеся его свойства, как вольнолюбие, социальная мобильность, гибкость, прагматизм, предприимчивость, здравый смысл, никуда не девшийся (слава Богу!) патриотизм, политический инстинкт. Наши люди бесконечно далеко ушли и от себя самих образца 1986 г. О том, чтобы вернуть их в прежнее состояние, не может быть и речи. Но все это не отменяет того факта, что дух нации сегодня непозволительно низок.

Внешний мир, за редкими (приятными) исключениями, хочет видеть нас строго определенным образом. Газета «Süddeutsche Zeitung»: *«Пьяные, как всегда, лежали втроем на одной кровати одноногий инвалид войны Андрей, его друг Сергей и Майя, жена Сергея, — у всех по синяку под глазом, — и собака, питбуль Рэм, мирно спящая между ними»*. С питбулем, боюсь, вышел прокол: для придуманной троицы собака слишком дорогая. Еще цитата, из «Die Zeit»: *«Государственное телевидение [России] начинает новости непременно с Путина и свежих сообщений о щенках его лабрадора»*. Не верите? Вот оригинал: *«Das staatliche Fernsehen beginnt die Nachrichten in aller Regel mit Putin und berichtet Neuigkeiten von seinen Labrador-Welpen»*. Заголовок в польском журнале «Wprost»: *«[Газовый] договор Путина — Шредера звучит куда агрессивнее, чем пакт Риббентропа — Молотова»* (Umowa Putin-Schreder brzmi bardziej agresywnie niż pakt Ribbentrop-Mołotow). Вот еще: *«Закутанные в лохмотья пенсионеры ползают по полу в поисках ку-*

сочков угля, чтобы поддержать огонь в печке» («Libération»). «Жестокость всегда царила в этом евроазиатском обществе» — это расхожее мнение о России преподносит, что трогательно, английская «The Guardian». Для непонятливых уточняется: дело в российском «до сих пор, в широком смысле, азиатском рассудке» («Russia's still broadly Asian mindset») — что бы сие ни означало.

Почему эти и им подобные СМИ, вроде бы свободные и плюралистические, вещают о России единым голосом — типологически голосом газеты «Правда» 1950 г.? Отчего им так важно снова и снова находить в России только плохое? Едва ли это беспричинное зложелательство, скорее какая-то более сложная потребность, комплекс или психологическая зависимость¹. При личном общении иностранный журналист после четвертой стопки немного кается: будь, мол, его воля, он бы освещал совсем другие темы и под другим углом зрения, но — что делать! — редакционная политика это исключает. Хотя в заданных рамках он, честное слово, старается быть

¹ Убедительное объяснение дает в «Русском журнале» Петр Ильинский. Он напоминает о «Большой игре», двухвековом геополитическом соперничестве Англии и России: «Как известно, „Большая игра“ закончилась поражением Британии... В сферах не-политических Игра продолжается по-прежнему, даже после окончания „холодной войны“, рассматривавшейся многими как ее продолжение (с тем, что роль Британии взяли на себя США). Как только дело касается России, элита англоязычного мира неосознанно продолжает действовать по законам той самой „Большой игры“. Психологически это объяснимо: Англия проиграла — и ей необходим психологический реванш, а именно как можно большее очернение противника». У журналистов других стран Запада свои причины враждебного отношения к России: «Традиционно многие европейские журналисты были скорее левыми (яркий пример: «Libération». — А. Г.), чем правыми, скорее либералами, чем консерваторами... Потерпевшие полный моральный, идеологический и философский крах представители западного интеллектуалитета решили возложить вину за это на Россию. Россия виновата в том, что решила стать капиталистической и демократической. Коммунистический СССР больше устраивал европейского либерала, чем демократизирующаяся Россия» (<http://old.russ.ru/politics/20030109-pi.html>).

объективным. То же самое, слово в слово, всегда говорили о себе ветераны советских газет.

Доля «белых воротничков» в Российской Федерации давно превысила долю рабочего класса (сильно сократившуюся за последние годы) — уже одно это полностью меняет страну, хотя мы еще по-настоящему не осознали значение этой перемены. Удельный вес женщин с высшим образованием, по данным переписи 2002 г., в России превысил аналогичный мужской показатель. Россия лидирует по числу женщин, занимающих высокие посты. По данным немецкой газеты «Die Welt», 42 % управленцев в России — женщины, в Англии — 33 %, Германии — 16 %, Японии — 8 %. Только в США эта доля чуть выше, 44 %. По данным газеты, вероятность встретить на предприятии женщину-менеджера наиболее высока в России. Женщины занимают высокие должности в руководстве на 89 % российских предприятий, тогда как в Германии женщину-руководителя можно найти лишь на каждом третьем предприятии. Данные немецкой прессы подтверждаются статистикой организации малого бизнеса «ОПОРА России». Согласно ей в малом и среднем бизнесе процент женщин, занимающих руководящие должности, колеблется от 35 до 50 % — в зависимости от сектора экономики¹.

Всегда важно уяснить, что сплачивает ту или иную нацию. В России не все понимают, почему для армян так важна память о геноциде 1915 г., для евреев — о холокосте, для поляков — о Катыни, почему бывший украинский президент В. А. Ющенко так настойчиво внедрял идею голодомора. Если народ по тем или иным причинам недостаточно сплочен, его сплачивают памятью о Великой Жертве. Французский историк Эрнест Ренан объяснял это так: *«Общее горе объединяет больше, чем радость. Когда речь идет о национальной памяти, страдания ценнее триумфов, потому что они налагают на всех обязательства и требуют общих усилий...*

¹ http://www.ofdp.ru/news/_news270504at110829/full.shtml

Нация — это широкая солидарность, основанная на памяти о жертвах, принесенных в прошлом, и готовности принести их в будущем». Данный рецепт годится не для каждой нации, хотя тяжких потерь не избежала ни одна. Ирландцы, многократно подвергавшиеся геноциду со стороны Британии, могли бы построить на этом всю свою государственную мифологию, но не стали. Точно так же и в России народ, не забывая о своих потерях, сплочен памятью о Победе. Не знаю, что скажут об этом психологи, но, на мой взгляд, это верный признак душевного здоровья нации.

В общественное сознание возвращается — сужу по интернет-форумам — осознание той истины, что Россия не может быть (и не нуждается в том, чтобы быть) однородным монолитом, что она разнообразна от природы и отдельные ее части вправе иметь несовпадающее устройство. Такую мысль высказывал и первый заместитель председателя Государственной думы Олег Морозов, но в основном в верхах настроены скорее на унификацию. Надеюсь, до слишком решительных шагов дело не дойдет.

Самоощущение — исключительно важная вещь. Мы те, кем себя ощущаем, и наша страна — это то, что мы знаем о ней. Правда, то, что люди твердо знают о своей стране, не обязательно соответствует действительности, но это знание с практической точки зрения едва ли не важнее действительности. Французы твердо знают, что на земле нет женщин красивее француженок, американцы совершенно уверены, что их страна — самая свободная в мире, немцы убеждены, что немецкое качество невозможно превзойти, японцы не сомневаются, что они — самый трудолюбивый народ среди живущих. И хотя все эти постулаты ошибочны, их носители уже своей уверенностью заставляют окружающих поверить, будто дело обстоит именно так, и вести себя соответственно.

Говорят, если что-то приходит как неизбежность, значит, в этом обязательно есть что-то хорошее. В России формируется человек, который не боится жизни. Точнее, глаза у него боются (телевизор запугал), но руки делают.

Российское население адекватно своей стране и задачам, стоящим перед ней. Что имеется в виду? Мало иметь самую перспективную территорию мира, надо ей соответствовать. Прежде всего российское население отличается высокой степенью однородности. В России нет расовых проблем, подобных тем, что отравляют жизнь Соединенным Штатам. *«Русский народ более гомогенен, чем, к примеру, немцы. Антропологические различия украинцев, белорусов и великороссов составляют пять пунктов групповых отклонений, в то время как у немцев их девять. Восточные славяне сохраняют генетическую преемственность по отношению к восточноевропейскому расовому стволу, который был базовым для всех групп древних европейцев... Русские по своему расовому составу — типичные европеоиды, по большинству антропологических признаков занимающие центральное положение среди народов Европы»*¹.

«Торговцы страхом», специализирующиеся на генетической тематике, почти 20 лет запугивают нас «скорым и необратимым вырождением генофонда нации» (цитата подлинная)². Профессионалам подобные рассуждения

¹ В. Е. Дерябин. Современные восточнославянские народы. // Восточные славяне. Антропология и этническая история. — М., 1999.

² В журналистских и публицистических текстах верное употребление слова «генофонд» практически не встречается. Примеры: «Уезжают те, кого принято считать генофондом страны...», «Сотни тысяч сынов и дочерей [такого-то] народа, в основном генофонд нации, погибли в 30—40-х годах в сталинских лагерях...», «Невзлин, Березовский и Гусинский — генофонд опальных олигархов...», «Мы безнадежно растратили в XX в. весь русский генофонд...», «Убыль населения России может через 30—50 лет привести к полной потере генофонда...», «За истекшие четыре десятилетия клуб внес достаточно весомый вклад в сохранение генофонда своей нации...», «Обет 1613 г. о верности дому Романовых сразу и навсегда вошел в генофонд нашего народа...», «С кем только мы не воевали?! И все это в памяти. Все это формирует сознание, остается в генофонде...», «Сохранение генофонда русской науки...», «В Великую Отечественную были добыты остатки русского генофонда...». С последней фразой стоит сопос-

смешны. Владимир Солониченко, руководитель медико-генетического центра при знаменитой Филатовской больнице, все разговоры о «генетическом вырождении» нации называет антинаучными (*Труд*, 13.1.2000). Тем более что генетическое здоровье россиян — одно из лучших в мире. Исследование, проведенное американскими специалистами по заказу организации «March of Dimes»¹ в 193 странах, показало, что Россия в группе лидеров по этому показателю, у нее пятое место (для сравнения: первое место по генетическому благополучию принадлежит Франции, второе — Австрии; у Кубы — 19-е место, у США — 20-е, у Саудовской Аравии — 192-е, у Судана — 193-е).

Одно свойство нашего народа надо выделить особо. При всех издержках трех разнонаправленных модернизаций — имперской, советской и современной, — Россия обрела по их итогам в высшей степени обучаемое общество. Обучаемость — качество, о котором постоянно забывают политологи и даже социологи, — не сваливается с неба и не возникает само собой. Оно может возникнуть лишь на каркасе образования и культуры, социального опыта, терпимости к разнообразию, вкуса к переменам. Будучи приобретено, оно уже не может быть отнято. Его неспособны выкорчевать даже длительные периоды бедности и гражданских потрясений. Пессимисты говорят в такие времена: «Ну вот, ничего не осталось, все распалось и разрушено, все разбежались и разъехались, теперь ничего и никогда больше не бу-

тавить другую, столь же высокоученую: *«Весь драгоценный нордический генофонд немецких войск был выбит уже ко времени битвы на Курской дуге»*. Чтобы последнюю цитату не сочли за выдумку, называю источник: предисловие (двух русских публицистов, одного немецкого) к книге Г. Ф. К. Гюнтера «Избранные работы по расологии» (М., 2005).

¹ «March of Dimes» — американское благотворительное общество, основанное в 1938 г. президентом Рузвельтом, первоначально для борьбы с полиомиелитом. В наши дни, располагая бюджетом в несколько миллиардов долларов, заказывает крупные исследования по всему миру в области внутриутробной генетической диагностики и профилактики врожденных пороков.

дет». Однако едва страна переводит дух, все «отрастает» (пользуясь языком биржевиков) заново и как ни в чем не бывало.

Среди интеллигенции долгое время бытовал миф о том, что мы — ленивая нация. Потрясало знакомство со структурой трудового года русского крестьянина — 71 % нерабочих дней в году (об этом у нас шла речь выше), и кто-то даже заявлял, что вот оно, наше исконное и извечное. Что уж говорить после этого о предпринимательской жилке! Помню, в кухонных дебатах 70-х и 80-х никто не мог опровергнуть тезис, что из всех утрат исторической России эта — самая необратимая. «Политические ценности можно воспринять, но частнособственнические отношения пресечены слишком давно, откуда теперь взяться людям, знающим, что такое залоговое право, биржевой курс или оборот векселя на себя? Не смешите, батенька!» — доносился сквозь клубы дыма голос наиболее начитанного из спорщиков.

Жизнь любит посмеяться над умозрительными построениями. Нужные люди появились, едва раздался клич «Дозволено все, что не запрещено!», годный, по правде сказать, лишь для стран старого капитализма, где жизнь за века выявила все, что безусловно следует запретить. Законодательство СССР, с которым мы въезжали в рынок, не предусматривало рыночных отношений и потому не содержало таких запретов. Зато запрещало вещи, без которых рынок немислим. Первопроходцы, нарушая законы обоих миров, двигались как по минному полю. Неудивительно, что первую когорту составили люди наиболее бойкие, быстрые, дерзкие, бедовые. Социалистическая клетка тяготила их уже по причинам темперамента. «Настоящих буйных мало, вот и нету вожakov» — жаловался когда-то Высоцкий. Выяснилось, что не так уж и мало.

Исторически мгновенно наладив инфраструктуру рынка, они совершили невероятное. Их великую экономическую импровизацию невозможно было обойти или перескочить. Подумайте, из какого девственного социалистического леса вышли эти люди, совершенно не боящиеся жизни, вмиг на-

чавшие заниматься челночным бизнесом, открывать магазины, возводить биржи, банки, холдинги (и конечно, пирамиды), гнать грузы через границы, открывать рекламные и продюсерские компании, выпускать акции и векселя, прогорать и вновь вскакивать (или не вскакивать) на ноги! Спору нет, в отечественном бизнесе с самого начала присутствовала криминальная струя (хоть и не такая мощная, как принято думать). Но управлять преступным бизнесом — неизмеримо более хлопотное, опасное и высокозатратное занятие, чем управлять налаженным законным делом. А так как за прошедшие годы жизнь выявила на Руси великое множество врожденных дельцов, купцов, оборотистых предпринимателей из молодежи, то люди, знакомые с нарами, давно уже численно затерялись в этом множестве. Сегодня погоду делает уже следующая генерация — «безжалостные, но эффективные молодые предприниматели» («ruthless-yet-effective younger entrepreneurs»), как их довольно точно, пусть и не исчерпывающе, характеризуют американские аналитики¹. Эти ребята могут вам лично не нравиться, но именно они поднимут экономику России на нужный уровень.

Наши публицисты от экономики (в начале 90-х были даже эстрадные экономисты, и в этом присутствовала своя прелесть) как с писаной торбой носятся с Вебером, любят оттуда торжествующе цитировать про деловую этику, добавляя, что уж это точно не русское, такого Россия никогда не знала. Но вот рассказ англичанина Стэнли Хогга, записанный через четыре года после революции: *«Он 50 лет торговал в России, а до этого — его отец, у них были мебельные мастерские в Москве и Харькове... Ни разу за свои 50 лет в России он не подписывал контракт. Он говорил, что Россия была единственная страна, где контракты заключались не на бумаге, а на словах. Сделки на 20—30 тысяч рублей заключались за чашкой чая. „Ни с меня, ни я — никогда расписки не брали. Сорок тысяч я раз дал артельщику, которого прежде не знал,*

¹ D. K. Simes & P. J. Saunders. The Kremlin Begs To Differ. — *The National Interest*, November/December 2009.

и он мне привез заказ и дал отчет до последней копейки. Только в России можно было так торговать,» (Н. В. Волков-Муромцев. Юность. От Вязьмы до Феодосии. — М., 1997. С. 100). Таких свидетельств множество.

На первый взгляд от этого ничего не осталось. Но только на первый. Чем объяснить мощь российской теневой экономики¹, на чем она до сих пор держится? Не только на коррупции, но и на умении решать вопросы, обходясь без сложных, поглощающих время и деньги юридических процедур, на традиции купеческого слова, т. е. без гор документов и без юристов, берущих за свои услуги тысячу долларов в час. Теневики это презирают, им достаточно устного соглашения. Во всем мире теневая экономика имеет свойство постепенно выходить на свет (продолжая воспроизводиться в тени). Традиции купеческого слова, которые и есть деловая этика, у нас в значительной мере перетекли в открытый деловой мир.

«...Люди в своей массе неординарные, деятельные, расчетливые, домовитые, способные к неуклонному преследованию своей цели, к жесткому или мягкому образу действий, смотря по обстоятельствам» — это сказано не сегодня. Так описывал российских предпринимателей более ста лет на-

¹ Скромный Росстат уверяет, что теневая российская экономика не превышает 22,5 % открытой. То есть хочет уверить, у нас с этим обстоит как в Бельгии. Капельку хуже, правда, чем в Швеции (19,9 %) и Финляндии (18,9 %), зато уже ощутимо лучше, чем в Италии (27,3 %). (Цифры взяты из исследования Ф. Шнайдера и Д. Энсте «Теневые экономики. Размеры, причины роста и следствия» — есть толковое изложение в «Ведомостях», 02.02.2001.) М. Е. Фрадков в бытность свою директором Федеральной службы налоговой полиции оценивал российскую теневую экономику в 40 % ВВП, Министерство финансов США заявляло, что ее доля у нас достигает половины ВВП, а президент фонда ИНДЕМ Г. А. Сатаров считает, что «если легализовать все те средства, которые вертятся в теневой экономике, то выяснится, что ВВП России уже давно близок к удвоению и почти догнал ВВП Германии» (Российская газета, 18 октября 2005 г.). Эта оценка почти дословно совпадает с выводами автора этих строк, изложенными 10 июля 2003 г. в статье «Мнимая бедность России: удвоение ВВП уже достигнуто» (www.globalrus.ru/opinions/133842/).

зад историк Д. И. Иловайский. Ни одно из его прилагательных, включая «домовитые», не нуждается сегодня в замене или даже в уточнении. Средний бизнес двадцать лет жил и живет у нас в условиях жесткого давления, но те, кто выжил и устоял, жилисты и закалены, как мало кто в мире. Замечательно, что они по всей России типологически очень схожи. Это к вопросу о нашей однородности.

Что же касается «русской лени», о ней уже мало кто вспоминает — просто потому, что перед глазами сплошные трудоголики. А самое главное, наш народ, как и век и два назад, отлично понимает слово «надо».

* * *

Россию отличает поразительное для такой огромной страны культурное единство. Оно тоже не было нам гарантировано. Если *«в допетровскую эпоху сохранялось единство и гармония русской национальной культуры — ведь один и тот же стиль жизни, общие развлечения, фольклор были и в тереме боярина, и в избе крестьянина... [то] после Петра с этим было покончено навсегда»*¹. Не навсегда. Обратное сближение «двух народов», поначалу медленное, несомненно даже для XVIII в., не говоря уже о XIX. В России не появились социолекты, языки социальных групп (вроде кокни, непонятного английским аристократам). Опыт Адриана Топорова, в течение 20 лет (1912—1932) читавшего крестьянам классиков и современных писателей (в 1930-м он обобщил их отзывы в трехтомной книге «Крестьяне о писателях»), заставляет думать, что в начале XX в. единство национальной культуры уже во многом восстановилось — крестьянам почти не требовалось объяснять реалии «барского» мироощущения. В советское же время всеобщее и предельно унифицированное школьное образование, армия, массовые переселения, кинематограф и, наконец, телевидение доделали дело.

¹ Е. В. Анисимов. [Лекция] Петровские реформы и их исторические последствия для России (<http://www.mubiu.ru/ogd/ISTORIA/11/Liter/%C0%ED%E8%F1%E8%EC%EE%E2.pdf>).

В постсоветский период культурное единообразие лишь укрепилось — теперь главная заслуга в этом принадлежит телевидению. В Южно-Сахалинске, Улан-Удэ, Иркутске, Уфе, Ухте, Саранске, Чебоксарах, Иванове, Осташкове, Калининграде, Таганроге, Ростове, Краснодаре, Темрюке, в Королевщине Жарковского района Тверской области и в Хмелите Вяземского района Смоленской области (перечисляю места, где побывал недавно) местное «культурное поле» не требует усилий от приезжего. Разница лишь в том, что на местных телеканалах меньше пошлости. Национально (и даже с вызовом) ориентированные интеллигенты в Бурятии или Башкортостане после часа заинтересованного общения с ними оказывались людьми, чей бурятский или башкирский культурный мир изумительно дополняет их общероссийский мир (или наоборот). Студенты из Дагестана задавали мне после лекции вопросы, которые я скорее мог ожидать от петербуржцев. И без малейшего акцента.

Внутри русского языка нет таких диалектов, которые бы затрудняли их понимание в какой бы то ни было точке страны — в отличие от Испании, Германии или Италии¹, не говоря уже о Китае и еще множестве стран мира.

В России, согласно данным переписи 2002 г., русским языком владеет 98 % населения. Это очень большой шаг вперед на фоне цифр советского времени, максимальный показатель в нашей истории. Почему, если сравнить итоги двух переписей — 2002 и 1989 гг., — в России на треть сократилось число украинцев и белорусов (в общей сложности на 1,82 млн душ)? Лишь немногие из этих людей уехали со-

¹ Сравнения ради: в Италии, наряду с общеитальянским литературным языком, существует несколько региональных литературных языков. Так, язык итальянских классических опер — неаполитанский. Это как если бы у нас в опере пели только по-украински. Кроме того, в стране два десятка официально признанных областных языков (не диалектов, наречий или говоров, а языков!) и около 60 диалектов. Взаимопонимание внутри этого лингвистического столпотворения бывает затруднительным. Это сдерживает мобильность населения — люди боятся, что, даже если они будут на новом месте говорить на литературном языке, им не избежать насмешек над своим выговором.

ответственно на Украину и в Белоруссию, большинство же просто сменили свое этническое самосознание, объявив себя при переписи русскими, каковыми они по всем нормальным критериям и были. По той же причине стало на 21 % меньше мордвы, на 11 % — удмуртов, на 8 % — чувашей, на 6 % — марийцев и т. д. Смена самосознания была бы невозможна, если бы вела к культурному дискомфорту. Значит, не ведет. Эти процессы будут продолжаться; по-настоящему они набирают силу, считают ряд этнологов, только сейчас.

Не хочу быть неверно понятым. XX в. чудовищно обеднил разнообразие страны. Поговорка «Что ни город, то и норов» принадлежит в значительной мере уже прошлому. Большинство городов ныне удручающе похожи друг на друга, а о том, что коммунисты сделали с селом, нельзя размышлять без гнева и отчаяния. Огромные массивы народной культуры утрачены безвозвратно. Нивелирующие процессы в национальных регионах были, по сравнению с русскими, менее прямолинейны — в автономных республиках принимались меры по поддержке и сохранению национальных культур, финансировалось книгоиздание и изучение фольклора, были созданы институты языка и литературы, театры, ряд малых народов впервые получил письменность. Однако нивелирующий талант советской власти оказался воистину универсальным, она сумела наделить чертами сходства всех. Сегодня этот аспект ее наследия вызывает противоречивые чувства. Отсутствует волшебство, с помощью которого можно было бы переиграть историю, однако грех не воспользоваться плюсами сложившейся культурно-языковой ситуации. Не хочется произносить сакраментальное «нет худа без добра», но культурная консолидированность России сегодня очень высока.

* * *

События последних 20 лет привели к появлению Внешней, или Всемирной, России. Начиная с 1987 г. советское руководство, не объявляя об этом громко, начало при-

поднимать проржавевший «железный занавес». Еще не была отменена выездная виза (мне, к примеру, в 1989 г. в такой визе было отказано: «Ваша поездка в Великобританию признана нецелесообразной»), но за оставшиеся до распада СССР годы за границей смогли побывать миллионы его жителей. После 70 лет строгой изоляции это был неслыханный прорыв. Устранение одного из самых мощных советских раздражителей сняло тогда часть напряжения в стране и, возможно, подарило «Софье Власьевне» лишний год жизни, а то и два. А в январе 1993 г. в Российской Федерации вступил в силу закон, прямо разрешающий свободный выезд из страны и возвращение обратно, нелепые выездные визы ушли в прошлое. Перед вступлением этого закона в силу наши «эксперты» писали, что страну покинут (естественно, в западном направлении) за первый год 20 млн человек, а за пять лет — 50. Этим знатокам России, видимо, представлялось, что народ двинется через границы подобно леммингам. Во всяком случае, в газетах можно было прочесть, что Европе придется срочно строить огромные лагеря для наших незаконных мигрантов. Было много других пророчеств того же уровня.

Данные ежегодных справочников «Россия в цифрах» позволяют подсчитать, что за 19 лет (1990—2008) из России выехали на постоянное жительство в другие страны (в основном, СНГ) 4 млн 946 тыс. человек, а прибыли на постоянное жительство и поселились законным образом (не путать с нелегалами и гастарбайтерами) 9 млн 376 тыс. Миграционный прирост населения России составил, таким образом, 4 млн 430 тыс. душ, огромную величину. Поначалу в Россию устремилось русскоязычное население бывших советских республик; встречный поток, не столь густой, шел в эти республики и состоял в основном из представителей их титульных народов. Происходил своего рода обмен населением, участников которого трудно признать эмигрантами, скорее переселенцами. Процессу сильно способствовал раздел многонациональной Советской армии. Многие из уезжавших на

«исторические родины» едва ли поверили бы тогда, что вскоре опять потянутся в Россию.

В дальнейшем же зарубежье за эти же 19 лет выехали из России на постоянное жительство, по данным Росстата, 1 млн 323 тыс. человек. Эта цифра неполна — хорошо известно, что возвращаются не все выехавшие на учебу, временные контракты специалистов сменяются постоянными и т. д. По ряду оценок, истинная цифра на две трети выше и составляет 2,1—2,2 млн человек. Это немало, но бесконечно далеко от прогнозов. Важная подробность: максимум выездов за пределы СНГ пришелся на 1992—1995 гг., когда выезжали в среднем 108 тыс. человек в год, после чего начался спад (97 тыс. в 1996 г., 80 тыс. — в 1998-м, 60 тыс. — в 2001-м, 43 тыс. — в 2004-м, 19 тыс. — в 2006-м, 13 тыс. — в 2008-м). На фоне огромной России эти цифры незначительны, сотые доли процента.

Современная Россия не породила эмиграцию, подобную той, какая была характерна в первой половине XX в. для ряда европейских стран (Ирландию много лет покидало ежегодно более одного процента населения, то же относится к Шотландии; из Италии в 1905 г. выехало 2,16 % ее населения, в 1910-м — 1,87 %; по два процента населения в год покидало в 1920—1925 гг. Финляндию и т. д.)¹. Такое бывает и в наше время: замдиректора Департамента миграции Литвы Д. Паукште констатировал в январе 2007 г., что за годы независимости из его страны эмигрировало 14 % населения, каждый седьмой житель (www.regnum.ru/news/769442.html), и этот поток не иссякает. В июле 2004 г. социологи Литвы провели опрос среди своих граждан на тему: хотите ли вы переехать жить из Литвы на Запад? Готовность покинуть родину высказали 80 % опрошенных, причем среди литовцев в возрасте от 15 до 24 лет число желающих приблизилась к 90 %. Конечно, одно дело думать об эмиграции, а совсем другое — предпри-

¹ См.: Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 31. — М., б. г. [1915], «Переселение за океан»; Большая советская энциклопедия [1-е изд.], том 64. — М., 1934, «Эмиграция».

нимать реальные шаги. Социологи говорят, что до дела доходит у одного человека из пяти.

Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в июле 2008 г. показал, что покинуть родину навсегда хотели бы 8 % россиян. Эта цифра близка к нормальной: даже в самых благополучных странах желание эмигрировать высказывают в среднем 5—7 % их жителей¹. При столь низком эмиграционном фоне у нас, тем не менее, постоянно возникают разговоры об «утечке умов», об отъезде якобы «самых талантливых». Утечка имеет место, но мировой опыт показывает, что всегда и везде одни талантливые уезжают, а другие талантливые остаются, и остающихся несопоставимо больше. В Англии, которую за два века покинули 25 млн человек, вам объяснят: среди покидающих страну (если не брать тех, кого гонит безвыходность) всегда чуть выше процент людей, которым более или менее все равно, чем заниматься, а среди остающихся — чуть выше процент тех, кому это не безразлично. Они больше ценят свою среду, любимое окружение.

Да, уехали десятки тысяч ученых, преподавателей, инженерно-технических работников, а также выпускников и стажеров. Но практически все состоявшиеся специалисты поддерживают научные связи с коллегами в России, и не-

¹ Характерно, что и до 1917 г. среди сотен тысяч эмигрантов из России было мало русских. Объясняют: уезжали те, кто чувствовал себя людьми второго сорта, а у русских этого чувства не было. Допустим. Но почему за океан, преодолевая страх перед чужим языком и нравами, перед неизвестностью, переселялись из Европы миллионы никак не ущемленных у себя дома людей, преимущественно простых, из Италии, Греции, Швеции, Германии, Австро-Венгрии, Румынии, Сербии и так далее и почти не переселялись русские? Визовых трудностей в то время не было, особых препятствий выезду тоже, заграничный паспорт стоил 7 руб. Горожанину даже не надо было самому за ним ходить, можно было дворника послать, и он бы вам этот паспорт доставил. Робость перед границей отсутствовала: крестьяне и батраки постоянно нанимались на сезонные сельхозработы в Германию; ездили и в Америку, где работали 4—5 лет на заводах, но потом возвращались, привозя «крупные сбережения» (1000—1500 рублей).

малая часть из них неизбежно вернется, обогащенная новым опытом, идеями и контактами. Уже поэтому «утечку умов» не стоит излишне драматизировать. Наши соотечественники должны присутствовать в развитых странах мира, в том числе на интеллектуальных позициях, а люди из этих стран — у нас. Это постепенно происходит. Из-за семи десятилетий коммунистической изоляции российское присутствие в мире не соответствует нормам XXI в. В Германии живут 300 тысяч греков, 105 тыс. французов, 115 тыс. англичан, не менее миллиона поляков; в Канаде 85 тысяч японцев; во Франции 800 тыс. португальцев, сотни тысяч поляков, 1,5 млн итальянцев, до полумиллиона немцев (не из Эльзаса!) и 200 тыс. англичан; в Нидерландах 400 тыс. немцев (и не местных, а уроженцев Германии); в Великобритании 500 тыс. португальцев и 60 тыс. японцев; в одном лишь Лондоне до 300 тыс. греков и 250 тыс. французов; в Испании 200 тыс. немцев и 760 тыс. англичан; в маленькой Швейцарии 45 тыс. англичан¹. Среди этой массы людей немало ученых и инженеров, в том числе тех, кто не планирует возвращаться домой. Мощное взаимопроникновение большинства европейских наций — это, среди прочего, свидетельство принципиально новых, ранее неслыханных отношений между ними.

Если бы не известные события, наша страна сегодня была бы одной из главных участниц таких отношений. *«В России к 1914 г. жили 200 тысяч рабочих и специалистов из Германии, 130 тысяч австро-венгров, десятки тысяч французов, бельгийцев, англичан»*². К концу XX в., перестав быть закрытым обществом, мы поняли, что плохо понимаем устройство мира. Оно нам и сегодня еще не вполне понятно, и такое положение дел не назовешь конкурентным преимуществом. Наше запоздалое вживание в мировое сообщество идет в том числе через российскую диаспору. Миграции специа-

¹ Для сравнения: в большой России живут сегодня всего 6100 английских подданных, включая дипломатов с семьями и 118 пенсионеров (http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/6161705.stm).

² А. И. Уткин. Вызов Запада и ответ России. — М., 2005.

листов — один из самых эффективных способов вживания. Можно взглянуть на вещи шире: взаимопроникающие миры опережают эволюцию традиционных государств, эти миры, безусловно, будут развиваться, за ними будущее. Мы не можем себе представить, в каких это будет происходить формах. Но взаимная диффузия экономик, культур, людей идет настолько быстро, что ни от чего зарекаться нельзя.

Нашу диаспору слишком редко рассматривают как российский плацдарм за пределами России — плацдарм человеческий, культурный, языковой, информационный, коммуникационный, экономический, финансовый, организационный и даже политический. А ведь наши зарубежные соотечественники, сознают они это или нет, — агенты и посланцы России (не Кремля, а именно России). Кое-кто шарахнется от такого утверждения, а вот Китай и Израиль смотрят на свои диаспоры именно подобным образом, ничуть этого не стесняясь. Аналогичная точка зрения у ирландцев, поляков, армян, литовцев, итальянцев, греков, арабов, турок, индийцев.

Если брать за образец поведение этих диаспор, то естественное призвание российской диаспоры — защищать российские интересы в мире; помогать формированию положительного образа России; напоминать о ее демократическом и европейском цивилизационном выборе; помогать восстановлению исторического общерусского самосознания на постимперском пространстве, в первую очередь в Украине и Белоруссии; содействовать инвестициям в Россию; продвигать российские товары и технологии; поощрять репатриацию; не поощрять утечку умов; бороться с русофобией. Возможно, российская диаспора в ее современном виде пока слишком молода, чтобы осознать это призвание.

Нации все более пронизывают друг друга, становясь всемирными. Всемирная Россия возникла на наших глазах, это особенно заметно на сетевом уровне, но она пока много меньше, чем, к примеру, Всемирная Италия. Тем не менее это новая реальность, одновременно виртуальная и физическая.

Только сейчас становится очевиден Божий промысел, для чего-то создавший Всемирную Россию. Русская несклонность к эмиграции трижды побеждалась неодолимой силой: большевистским переворотом и Гражданской войной, Второй мировой войной, распадом СССР. Первая волна, даже растворившись в странах рассеяния, оставила важнейшие элементы своей инфраструктуры — Русскую зарубежную православную церковь, ее приходы и воскресные школы, светские общественные организации, печатные органы, издательства, несколько учебных заведений, фонды, детские летние лагеря и т. д. Все это было унаследовано и более или менее развито «эмиграцией Ди-Пи» («перемещенных лиц»). Начиная с 1970 г. советские власти разрешили «этническую» эмиграцию. В ее ходе до 1987 г. выехало 300 тыс. евреев, 122 тыс. немцев, 56,5 тыс. армян, а также несколько десятков тысяч русских. Не менее половины уехавших на этом этапе были людьми русской культуры. Было кому принять эстафету.

Массовый (порядка миллиона человек) выезд 1987—1991 гг. оставался преимущественно этническим (добавились греки, поляки), но стала расти и доля русских. С годами выезд русских заметно превзошел выезд немцев и многократно — евреев. Даже среди оформлявших выезд в Израиль русских стало вдвое больше, чем евреев (http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/4volna/out-migration/). В «нулевые» годы русские составляют уже свыше половины эмигрантов, хотя сама эмиграция идет на убыль.

Самым решающим событием для складывания Всемирной России стал распад СССР. Никуда не выезжая, стали ее частью 40 или даже 50 млн людей русской культуры в бывших советских республиках. Из каковых республик они эмигрируют в страны Запада гораздо активнее, чем это делают россияне. Еще никогда в истории столь большое число людей русской (или в значительной мере русской) культуры не жило за пределами России, в том числе в дальнем зарубежье. На этих людей можно смотреть как на неупорядоченное рассеяние, а можно и как на складывающуюся трансгосударственную корпорацию.

Отнесение (или неотнесение) себя к числу наших зарубежных соотечественников — личное дело конкретного человека. Самоотождествление свободных людей не происходит лишь по формальным признакам. Ядро Всемирной России за пределами исторической родины-метрополии составляют люди, сопереживающие ей, гордящиеся своей прямой или косвенной принадлежностью к Руси—России—СССР—Российской Федерации, ее культурному и историческому наследию. Такие люди могут иметь любую религиозную принадлежность и носить фамилии любого звучания. Это ядро имеет обширную оболочку с размытыми границами. Оболочку составляют люди, чьи чувства и привязанности менее определены.

Наследие Руси принадлежит не только русским, украинцам и белорусам. В нее изначально входили народы финско-го происхождения: карелы, коми, мордва, удмурты, марийцы, входили тюрки-чуваши. Тмутороканское княжество населяли, помимо славян, ясы (осетины) и адыги. В русские пределы добровольно переселялись целые народы, наиболее яркий пример — калмыки (в XVII в.). В число коренных народов Руси входят и русские евреи. В Киевской Руси возникла отдельная этническая группа евреев — кенааниты, чей язык сложился на основе древнерусского языка. Кенааниты говорили на этом языке много веков, в районе Бреста этот язык сохранялся вплоть до XVII в.¹ Одним из российских народов давно уже стали русские немцы. Даже переселяясь в Германию, многие из них настаивают на этом прилагательном. Каждый шестой русский дворянский род имеет татарские корни. В русском дворянстве также обильно представлены потомки немецких, польских, литовских, молдавских и кавказских родов. Немало кавказцев было и в составе русского офицерства. Ряд нерусских народов империи (башкиры, калмыки) участвовали в войнах и завоевательных походах, которые вела Россия, уже одним этим войдя в число имперских народов метрополии. Татары приняли живейшее участие в колонизации Средней

¹ Народы России. Энциклопедия. — М., 1994. С. 154.

Азии, а в освоение Сибири и Дальнего Востока велик вклад поляков и латышей.

Но главное, конечно, — наследие советского времени. Опыт эмиграций последних двадцати лет показал, что к русским — или скорее к русским — относит себя великое множество выходцев из всех республик бывшего СССР независимо от былой записи в их советском паспорте. Еще более единодушно относит их к русским иноязычное окружение. Старые фобии вымирают. Литовская община в Англии очень дружелюбна к русской, участвует в ее мероприятиях. В свою очередь, «новые русские», поселившиеся в Англии, свидетельствую, охотно берут на работу именно литовцев. Всемирная Россия не должна отталкивать никого. Впрочем, она никого не должна зазывать и заманивать.

Совершенство путей сообщения, легкость преодоления границ, Интернет и сотовая связь стирают рубежи между метрополиями и диаспорами. Мировые диаспоры уже сегодня создают структуры, влияющие на мировое производство, глобальные товарные и финансовые потоки. Хозяйственные процессы едва замечают национальные государства и региональные блоки. Заведомое преимущество организованных по сетевому (не иерархическому) принципу сплоченных групп, для которых общий родной язык и совпадающий культурный багаж — решающие факторы объединения, будет становиться все более важным фактором в игре экономических сил. Таким группам проще улаживать сложности, решать вопросы интеллектуального труда и кадров, формировать управленческие команды, осуществлять инновационные проекты.

Приведу любопытную цитату: *«Чтобы Россия успешно вписалась в мировую экономику, ключевую роль должны сыграть „транснациональные русские“ — люди, временно покинувшие Россию и хорошо изучившие западный экономический механизм. Достигнув предпринимательского и профессионального успеха на Западе, они смогут использовать свои навыки для повышения конкурентоспособности исторической родины»* (С. В. Кугушев, председатель совета директоров

Межрегионального инвестиционного банка АКБ МИБ; подробнее: <<http://www.fxo.ru/kug1.htm>>).

Сегодняшнюю Всемирную Россию можно охарактеризовать как малоупорядоченную совокупность малых и даже атомарных сообществ людей, говорящих и думающих по-русски либо даже просто хорошо понимающих русский язык. Общее у них — более или менее совпадающий культурный ресурс (духовные ценности могут совпадать, а могут и нет). Упорядочить волю и энергию разрозненной русской диаспоры — одна из самых продуктивных целей, какие только можно себе сегодня вообразить. Но идеи, даже самые очевидные, редко воспринимаются с ходу. Идею Всемирной России необходимо упорно и методично доносить до тысяч и тысяч людей из числа зарубежных соотечественников, прежде чем она овладеет умами. Ее надо повторять до тех пор, пока однажды не услышишь: «Не ломитесь в открытую дверь. Кто же этого не знает?»

Если китайцам удалось выполнить подобную задачу в 1970—1980-е гг., то для нас сегодня все (в теории) упростил Интернет. Всего 40—45 лет назад всемирная китайская диаспора («хуацяо») вела распыленное существование, а ныне это мощная солидарная сила, получившая на родине такую льготу, как более благоприятные условия инвестирования (российским чиновникам такое пока не снилось и в страшном сне¹). Осознать свое единство и бороться за общие интересы китайцам диаспоры на этапе сближения и структурирования помогла пресса — свободная гонконгская, полусвободная сингапурская, на четверть свободная тайваньская и, как ни странно, тоталитарная пресса комму-

¹ Не снится им пока и «карта россиянина» — российский аналог «карты поляка». Владелец последней, не будучи польским гражданином, обладает на территории Польши почти всеми правами гражданина — на бесплатное образование (при успешной сдаче экзаменов на бюджетное отделение вуза), на пользование бесплатной страховой медициной, он может заниматься предпринимательской деятельностью или устраиваться на работу без специального разрешения, необходимого иностранцу. Что особенно важно, владелец «карты поляка» бесплатно получает многократную польскую визу.

нистического Китая, где отношение к зарубежным соотечественникам всегда сильно отличалось от слабоумного советского отношения к «белоземigrантам», «власовцам», «отщепенцам» и проч. Все это так, но сегодня вал информации, обрушивающийся на каждого, кто не прячется от нее специально, возрос по сравнению с 1970-ми гг. стократно. Слова, которые тогда были слышны, как слышен шепот в читальном зале, сегодня можно (развивая образ) выкрикивать в мегафон — и не быть услышанным. Тем не менее, хороший шанс есть.

* * *

Одна из главных причин обреченности советского проекта не унаследована новой Россией. Эта причина заключалась в отсутствии общего названия для жителей СССР в виде одного естественно звучащего слова, а не двух или трех канцелярских. Казалось бы, мелочь, ан нет. Без объединяющего, сплачивающего имени не обходятся нигде в мире. Пытались навязать нам какого-то убогого «советского человека» (сразу видишь сутулую фигуру с брюшком, в кепке и с авоськой в очереди), «гражданина Советского Союза», но у кого бы повернулся язык так себя называть? Знаю, над этим ломали голову, привлекали филологов, но дело было безнадежно. «Совецк», «совчел», «совгражд», «эсэсэсэрщик»? Обсуждали «союзника» — отвергли. Насмешники придумали «совка». В новой России имя долго искать не пришлось, счастливой политической находкой оказались «россияне».

«Россиян» не Ельцин придумал (в Сети можно прочесть и такое), это очень старое слово. В письменном употреблении оно фиксируется (с одним «с») уже в 1645 г.¹, но, вероятно, бытовало и раньше. Слова «россияне» и «россиянин» любили

¹ См.: Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александром Голубцовым // *Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете*, 1892. Кн. II, отдел второй: 1644—1645 гг. С. 124.

и использовали в XVIII в. Петр I, Ломоносов, Сумароков, Державин, Фонвизин, Карамзин. Псевдонимом Россиянин пользовался Михаил Чулков (1743—1793), первый русский профессиональный писатель и автор первого русского романа. Поэты употребляли краткую форму «росс» и «россы» (Державин: *«На что тебе Союз, о росс? Шагни — и вся твоя Вселенная!»*). В XIX в. «россиянин» — уже абсолютно народное слово, о чем говорят издания «для народа» (без обозначения автора) под заголовками «Россиянин при гробе Кузьмы Минина», «Россиянка 1812 года, или Любовь молодого офицера на дороге в армию» и т. д. Наши «красные кхмеры» меньше бы ярились на это слово, если бы помнили, что в 70-е гг. под эгидой их родимого ЦК комсомола РСФСР издательство «Молодая гвардия» выпускало журнал «Россияне».

Но они по темноте своей ничего этого не знают и, чтобы передать свое отношение к новой России, придумали слова «Россияния» и «Эрефия». На их вкус, это звучит настолько презрительно, что всякий, кто прочтет или услышит подобное, кинется восстанавливать СССР и уж, как минимум, никогда не назовет себя россиянином. Эти надежды напрасны. Слово «россияне» не может не победить, потому что объединяет всех российских граждан — русских, татар, коми, калмыков, чеченцев, чувашей, якутов, осетин, карелов и так далее, подобно тому, как слово «британцы» объединяет англичан, шотландцев, валлийцев, североирландцев и прочих подданных британской короны. Но чтобы привыкнуть к нашему старому-новому имени, потребуется время. В спешке нет необходимости.

Важнейшей мерой времен президентства Ельцина стала отмена графы «национальность» во внутренних паспортах. В европейских языках слово «национальность» означает «гражданство», хотя и в них прилагательное «национальный» порой применяется в значении «этнический». В России еще до революции слово «национальность» начали употреблять как вместо старого слова «народность» (означавшего и нацию, и субэтнос, и племя), так и для того, чтобы обозначить принадлежность к той или иной народности.

Постановление ЦИК СССР от 27 декабря 1932 г. не только ввело в стране внутренние паспорта, но и обязало указывать в них этническую принадлежность владельца. Ее надлежало вписывать в графу «Национальность». При первичной паспортизации 30-х гг. графа заполнялась со слов владельца паспорта, но уже национальность детей стали определять строго по «национальности» родителей (допускался выбор в случае смешанного брака). Таким образом, бирка «национальности» навешивалась на каждого человека с рождения. Вразрез с многовековой русской традицией (когда человек, принимая православие, становился русским), национальность стала восприниматься как объективная данность, вроде цвета глаз. 60 лет такой практики доныне тормозят формирование российской гражданской нации. Отмена записи «национальность» вызвала поначалу искреннее недоумение миллионов людей, но историческая память быстро проступила сквозь советские наслоения, и за возврат пресловутой графы выступают ныне уже немногие. Основы гражданской нации заложены, и у нее есть единое бесспорное имя.

* * *

Социальное поле России расчищено и обновлено. За минувшие 20 лет наша страна почти преодолела пережитки, как ни покажется странным, сословной системы. На подавляющем большинстве молодых россиян не висит гиря «социальной наследственности»: дети стремятся идти по стопам родителей лишь в случаях выраженной успешности последних. Однако после бесславного конца советской власти и тягот переходного периода доля таких семей поневоле мала. Молодое поколение у нас во многом свободно от той жизненной предопределенности, которая до сих пор оборачивается серьезным социальным тормозом в странах Запада и в Японии. Собственно, пережитки сословного разделения общества не преодолены нигде в мире. Противоречащие универсальной человеческой природе узкогрупповые социальные

амплуа продолжают предопределять жизненный путь большинства людей с момента рождения, но Россия гораздо ближе к преодолению такого порядка вещей, чем любая из крупных стран.

В том, что образованные слои общества стремятся воспроизводить и воспроизводят сами себя, нет ничего удивительно. Удивление — и радость! — вызывает другое: *«Две трети родителей утверждают, что хотели бы дать своему ребенку высшее образование... Готовность пойти на серьезные материальные затраты ради получения детьми высшего образования не зависит от места жительства, она практически одинаково выражена в столицах, крупных и малых городах и на селе... Доля поступивших в вузы сельских школьников лишь на 10 % ниже, чем среди жителей крупных населенных пунктов... Чтобы обеспечить обучение детей, респонденты с низкими доходами влезают в долги... Реально они тратят на обучение больше, чем представители высокодоходных групп»*¹. То, что установка на высшее образование стала в России общепринятой (до 80 % ответов), практически не зависящей от социального слоя, к которому принадлежит респондент, выявили и опросы ВЦИОМа.

Если в 1993/94 учебном году в России было 2,6 млн студентов (на 12 % меньше, чем в РСФСР на пике советского времени), то с тех пор налицо непрерывный рост этого показателя. В 2008/09 учебном году число студентов составило 7 млн 513 тыс. человек (больше, чем совсем недавно, в 2000 г., было в США), из них 6 млн 215 тыс. — в государственных вузах. Не уменьшаются конкурсы. Конкурс на очные бюджетные места в вузах, подведомственных Рособразованию, составил в 2004 г. 380 заявлений на 100 мест, а в 2006-м — 395 заявлений. В последующие три года судить о конкурсах стало трудно из-за скачкообразного роста числа абитуриентов, подающих заявление в несколько вузов сразу. Так, конкурс на специальность «Финансы и кредит» в Волгоградском

¹ Коллектив авторов под рук. проф. В. Л. Глазычева. Высшее образование в России. Аналитический доклад. — М., 2004.

университете составил в 2009 г. 632 (!) человека на место (<http://www.regnum.ru/news/1192022.html>). Ясно одно: конкурсы на популярные специальности огромны, а специальности вроде торфяной или рыбоконсервной, как и в советское время, испытывают недобор. Несмотря на то что у большинства вузов нет общежитий, среди студентов растет число приезжих (это слово точнее, чем «иностранцы», т. к. в вузы поступает немало негородских выпускников). В Российском университете нефти и газа им. Губкина в 2009 г. число таких студентов, зачисленных на первый курс, увеличилось на 15 %, в Санкт-Петербургском университете — на 10 %.

Перед нами нечто большее, чем просто переход к «массовому» (начиная с 25-процентного охвата молодежи соответствующих возрастных групп) или «всеобщему» (50-процентное и выше) высшему образованию. КПД высшего образования в сегодняшней России пока невысок. Ежегодно выпускаются десятки тысяч управленцев, маркетологов, менеджеров, финансовых аналитиков, психологов и т. д., которые едва ли найдут работу, к которой их готовили. В докладе группы Глазычева утверждается: *«Первые два курса обучения затрачиваются преимущественно на компенсацию дефицита знаний, представлений и навыков работы вчерашних школьников... Растущая часть работодателей трактует высшее образование как нормальную степень социализации, безотносительно к формальной профессиональной специализации. Диплом о высшем образовании стал подтверждением наличия некоторого культурного минимума — некоторого минимума компетенций, которые должны обеспечить адаптацию работника к производственной среде, наработку первичного социального капитала»*. Люди, получившие высшее образование (речь не идет о купивших диплом), даже если им предстоит серьезно доучиваться, в любом случае не потеряли время даром: они приобрели способность к достижению *«формальной профессиональной специализации»* и *«эрудированной дееспособности»*, они социализировались. А доучиваются и так все без исключения — не зря мир принял концепцию непрерывного образования. Большинство молодых людей не сом-

неваются: их социальный статус в течение жизни будет повышаться.

Начиная с 2001 г. в вузы поступает больше молодых людей, чем заканчивает школу. Доля лиц с высшим образованием в общей численности занятых в экономике сегодня близится к 30 %. *«Безо всяких реформаторских действий страна практически перешла в систему всеобщего высшего образования, законодательно не оформленного, но реально существующего»*¹. «Образовательный бум» (включая обучение и переподготовку взрослых, получение второго образования и т. д.) — огромное благо, делающее нашу страну другой. Единодушие российских семей в желании дать своим детям высшее образование — не что иное, как их прощание с убогим образом «простого человека», который десятилетиями навязывала в качестве идеала советская пропаганда.

* * *

Россия не нуждается в миграционной подпитке. Нас постоянно запугивают демографическими проблемами, уверяя: 142-миллионное население России — это очень, очень мало, а 91 млн россиян в трудоспособном возрасте (больше, чем когда-либо в нашей истории) — катастрофа для нашей экономики. В Канаде и Австралии плотность населения много ниже, чем в России, но там на это не смотрят как на катастрофу. В Японии 127 млн человек, экономика, по данным 2009 года, почти вдвое (4,141 и 2,103 трлн долл. соответственно, по паритету покупательной способности) превышает нашу — по крайней мере «белую». При этом возрастная структура населения ощутимо хуже — доля стариков выше, доля детей меньше, коэффициент рождаемости ниже российского, но мигрантам путь в страну закрыт. И обходятся.

¹ Коллектив авторов, научный руководитель В. Н. Княгинин. Постиндустриальный переход в высшем образовании России на примере анализа развития рынка образовательных услуг Северо-Запада РФ. — СПб., 2005.

Почему 142 млн — мало? В 1979 г. население РСФСР составляло 137 млн, в 1959-м — 117 млн, в 1926-м — 93 млн. И мало не было. К началу индустриализации экономически активное население городов составляло порядка 5 млн человек¹. Даже к началу войны две трети трудоспособного населения РСФСР не участвовали в промышленном производстве и строительстве, так как оставались сельскими жителями. Сегодня же только городское экономически активное население составляет около 54 млн человек — почти в 11 (!) раз больше, чем к началу индустриализации.

После войны, несмотря на огромные потери людей самых производительных возрастов, почему-то хватило рабочих рук на «великие стройки коммунизма», на освоение целины, строительство сибирских ГЭС, на создание беспримерного военно-промышленного комплекса и обслуживающей инфраструктуры, включая научную. Почему в советское время хватило рабочих рук на все проекты? Не только благодаря тоталитарному строю. Были вынуждены обходиться тем, что имелось, — вот главная причина. Если бы тогда существовал легкий внешний источник, рабочих рук не хватило бы ни на что.

Да и 142 млн — цифра заведомо заниженная. Занижение идет от итогов переписи 2002 г., в ходе которой недоучет составил, по оценке академика В. А. Тишкова, 7 %², т. е. было учтено не 100, а 93 % населения, недоучет составил, легко вычислить, 10,9 млн человек! Недоучет населения обнаруживается порой очень наглядно. В ноябре 2004 г. в ходе составления регистра льготников вдруг выяснилось, что их на 3 млн больше, чем думали. Считалось (и было заложено в бюджет), что компенсации положены 12 269 тыс. льготников, но еще до конца подсчетов стало ясно, что их число уже перевалило за

¹ Рассчитано по: Статистический справочник СССР. 1927. — М., 1929. Отдел IV: «Труд», табл. 2 и 4.

² Вестник Российской академии наук, том 74, № 3, 2004 [обсуждение в Президиуме РАН доклада Н. М. Римашевской «Социально-экономические и демографические проблемы современной России»; то же: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2004/DEAD.HTM>]

15 млн¹. Сколько же их оказалось в конце концов, знает только Минздравсоцразвития. А сколько всего в России людей, не знает вообще никто.

Некоторое время назад тогдашний глава Управления внешней трудовой миграции ФМС В. Поставнин заявил: *«В России сейчас работает до 15 млн приезжих из ближнего зарубежья (а сколько из дальнего? — А. Г.), и большинство из них — незаконные мигранты»*. Ясно, что «понаехавшие» имеют тенденцию накапливаться в России, избегая учета². Не избегают они его, лишь когда заканчивают здесь свой земной путь. В акте о смерти предусмотрена графа «место жительства», но *«в дальнейшей обработке данных эта информация не кодируется и исчезает»* (Известия, 15.5.2003), что искажает все показатели российской демографии. Отсюда и мифы о российской «сверхсмертности», «русском кресте» и т. д. Показатели смертности, нормальные для 160-миллионного населения, вызывают ужас, будучи разложены на 142 млн. И что же? Система учета смертности в России остается прежней.

Рост населения начинается, когда детей больше, чем родителей. Как поощрить людей к этому? Экономический способ — возрастающая «премия» за каждого следующего ребенка — испробован в ряде стран, но везде маргинальная часть населения превращала эти премии в источник существования. Выход известен: премировать, притом щедро, только за третьего ребенка. Не за первого, не за второго и не за четвертого. Это отсекает маргиналов. Б. В. Грызлов высказал довольно близкое предложение на V съезде «Единой России». Он сказал: *«Родилась новая идея: „премировать“ за второго и третьего ребенка. Не за первого и не за*

¹ См. статью под характерным названием «Россиян оказалось слишком много» (<http://www.rbcdaily.ru/archive/2004/11/12/31197>)

² Марина Рахманинова, начальник отдела статистики миграции населения Росстата, констатирует: данные пограничников РФ и сопредельных государств о численности выбывших и прибывших граждан заметно разнятся — число прибывших в Россию оказывается на 3 млн в год больше, чем выбывших в нее из сопредельных стран.

четвертого. Лишь в этом случае государству по силам установить такую „премию“, которая станет достаточным стимулом к прибавлению семейства» (<http://www.gryzlov.ru/index.php?page=publications&id=89>). Из этого тезиса два года спустя родился закон о «материнском капитале», выдаваемом при рождении второго ребенка. Это было уже принципиальное изменение конструкции — с точки зрения борьбы за воспроизводство населения второй ребенок совершенно не равносителен третьему. Тем не менее закон подстегнул рождаемость. В августе 2009 г. впервые за много лет число рождений в стране превысило число смертей. Видимо, в условиях преобладания однодетных семей закон о «материнском капитале» был реалистичной мерой, но к идее премии за третьего ребенка¹ рано или поздно предстоит вернуться.

Минимум половина населения нашей страны охотно переселилась бы из депрессивных спальных районов, из квартир, словно специально спланированных против обзаведения детьми, «на землю», в свой дом. В США массовое переселение в пригороды породило в 50-е г. «беби-бум», длившийся 20 лет. Обзаведясь недвижимостью, люди всегда хотят обзавестись наследниками. Сегодня провинциальная Россия, совершив прорыв в автомобилизации, созрела до повторения американского опыта. Или до возврата к своему — историческая Россия всегда была одно-, двухэтажной. Еще одна мера по повышению рождаемости такая: услуги по лечению бесплодия следует сделать, по примеру скандинавских стран, бесплатными. Сегодня лечение бесплодия у нас мало кому по карману. Между тем у нас 15 % бесплодных семей, и каждая хочет иметь детей — иначе кто бы знал об их бесплодии?

Необходим специальный закон о возвращении, подобный израильскому закону 1952 г. Безоговорочное право на переезд в Россию следует признать за всяким, кто принадлежит к российскому суперэтносу. Вместо этого постоянно слышны советы восполнять убыль населения с помощью массового

¹ http://www.globalrus.ru/all_actions/child

переселения в Россию малообразованных (других межнациональная конъюнктура не предлагает) иноэтнических и иноязычных масс, безработных у себя на родине именно в силу своей малообразованности. В том, что на этом настаивают либералы (В. А. Рыжков, Ж. А. Зайончковская, Е. Ш. Гонтмахер и др.), есть какая-то загадка. Потому что, как либералы, они должны мечтать о постиндустриальной (информационной) экономике для России, а люди, о которых речь, не могут быть кадрами такой экономики.

Часто слышны опасения, что из-за демографического сжатия 2008—2020 гг. число студентов вот-вот пойдет на убыль, исчезнут и конкурсы. Замдиректора Института социологии РАН Д. Л. Константиновский в статье «Опустеют ли аудитории вузов? Попытка опровержения прогноза»¹ убедительно показывает, что ничего подобного не произойдет. Автор этих строк пришел к тем же выводам, сделав количественную оценку отложенного спроса на образование и других факторов, ежегодно обеспечивающих огромную избыточную массу абитуриентов². Конкурсы станут меньше, но не исчезнут, сократится прием на неперспективные и непопулярные специальности, но увеличится на перспективные, закроются халтурные филиалы вузов, но одномоментное число студентов вряд ли станет меньше 7 млн.

Говорят: Дальний Восток и Сибирь скоро заполонят китайцы. На самом деле этот довод не сильнее всех прочих пораженческих доводов. Я был в Монголии. Плотность населения в этой стране впятеро ниже российской, к тому же она до 1911 г. была частью Китайской империи. Это самая экологически чистая страна в мире, в ее недрах много хорошего, она имеет границы неимоверной протяженности, которые неизвестно как охранять. И что же? На 2,5 млн монголов в стране около 3 тыс. китайцев, порядка 0,1 %. И страха перед китайцами нет. Все зависит от политической воли.

¹ *Демоскоп weekly*, №189—190, 7—20 февраля 2005.

² А. Горянин. Россия не нуждается в миграционной подпитке // *Главная тема*, № 9, февраль — март 2006.

Российское общество быстро осовременивается. Институт общественного проектирования (ИНОП) и компания «Ромир» провели беспрецедентное исследование социальной структуры нового российского общества с целью понять, произошла ли уже в России реформа общественного устройства и общественного сознания. Ничего подобного по масштабам российская социология ранее не предпринимала. Результаты исследования изложены в почти 700-страничном труде «Реальная Россия. Социальная стратификация современного российского общества» (М., 2006).

Перечислю его главные выводы. В новой России сложилось общество, принципиально отличное от советского не только по составу общественных групп, но и по характеру отношений между ними; эти группы выстраивают отношения между собой без посредничества государства. Социальная структура зависит уже не от деятельности государства, а от самих социальных групп (исследователи насчитали двенадцать), причем социальная стабильность во многом зависит от способности этих групп выстраивать отношения между собой. Это означает, что общество в России *«начало вытеснять государство»*, которое *«перестает быть тотальным»*. Социальная динамика носит позитивный характер, что выражается в росте числа самостоятельных сообществ, значительном усложнении структуры общества и образовании многообразных новых связей. *«Несмотря на резкость публичной риторики политиков коммунистического и либертарианского направлений, уровень реальных социальных и политических противоречий не столь высок»*. В обществе отсутствуют антагонистические противоречия (хотя о сегодняшнем состоянии элит респонденты высказывались весьма критично), оно явно обретает смысл развития, появились воля к действию и прагматика реальных дел, а надежда и оптимизм постепенно становятся фундаментом мировоззрения многих социальных групп. Общество далеко от того состояния апатии и уныния, которое ему приписывают, «слу-

хи о тяжелой болезни российского народа сильно преувеличены».

Свыше половины жителей России выбирают в качестве главной жизненной ценности свободу в государстве, которое способно обеспечить порядок. И *«именно те из наших сограждан, кто выбирает ценности либерального консерватизма, являются локомотивом развития в современной России, объединяя в своих условных рядах представителей наиболее динамичных социальных страт. Партия, опирающаяся на ценности либерального консерватизма, способна выиграть выборы и проводить политику свободы и развития... Важно только, чтобы сами российские либеральные консерваторы, в первую очередь в партии власти, осознавали свою историческую миссию и не боялись настойчиво ее осуществлять»*, — пишут участники проекта¹.

Выводы исследования ИнОП, посвященного специально элите («Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты» — М., 2008), менее оптимистичны. Российскую элиту отличает идеологическая невнятность — во многом потому, что *«реальной политической борьбы в последние восемь лет нашей стране удалось избежать»*. Ряд имеющихся противоречий и проблем не нашел отражения в публичной политике и в развитии идеологии тех или иных групп. Попытки власти предложить общественной среде живую дискуссию не вызывают особого отклика. Это можно объяснять зарегулированностью и/или инертностью СМИ, отчужденностью общественной среды от власти. *«Общественные площадки почти полностью заняты властной элитой, а механизмов формирования элитного сообщества, не опосредованных властью, практически не существует»*. Возможно ли сегодня существование ответственной национальной элиты? Это открытый вопрос. Сама жизнь поставит перед элитой задачу преодоления идеологической аморф-

¹ А. Зябрев, А. Механик. Похороны левого мифа. — «Эксперт», № 17, 2005

ности. Это как раз то, о чем у нас шла речь выше, в главе «Ощутить историческую правоту».

Поразительная эволюция российского общества за последние два десятилетия не отрефлексирована ни властью, ни самим обществом. Для внешнего же мира Россию все это время «объясняет» некоторое число московских авторов. Ими слеплен образ страны, без всякого успеха пытающейся проводить глубоко чуждые ей преобразования. Эти авторы разными словами снова и снова внедряют следующую мысль: *«Менталитет и обычаи русских меняются очень медленно, если вообще меняются»* (Р. Пайпс). Они повторяют старую басню о том, что правительство в России — «единственный европеец», хотя это было не так уже во времена Пушкина. Модернизация якобы отторгается и все остается без перемен, потому что Россия, видите ли, сохранила традиционное общество с укорененными архаичными кодами, табу, матрицами, архетипами и проч. и проч., что бы ни означали подобные камлания. (В этом «традиционном обществе» всего за несколько лет победили пляжи, где женщины загорают в купальниках без верха.) Как это понять: преобразования отторгнуты, а страна сегодня устроена совершенно иначе, чем всего 20 лет назад?

Политический фельетонист профессор Пайпс уверяет, что население России просто неспособно к демократии, поскольку ненавидит свободу. Как сказал по другому поводу философ и политолог Б. Г. Капустин, лишь в обстановке крайней интеллектуальной нетребовательности подобные утверждения сходят за то, к чему можно относиться серьезно и даже обсуждать. Беда, однако, в том, что они давно стали общим местом в статьях о России. Веря в этот вздор, на него, как на объективную данность, опирается политическое планирование. В то, что российское население мечтает именно о такой системе, с готовностью верят и в посткоммунистических странах Европы. Остается непонятным, почему эта косная страна на десяти многопартийных выборах и двух референдумах не привела за два десятилетия к власти дорогих ее сердцу врагов демократии и частной собс-

твенности, реставраторов старых порядков, ведь партии именно с такими программами постоянно выставляли своих кандидатов.

Тем, кто приписывает российскому народу дремучие убеждения, любовь к колхозу и коммуналке, имперский синдром, ксенофобию и мечту о таком вожде, при котором бы все ходили по струнке, стоит обратить внимание на долю в этом народе людей умственного труда. Руководители исследовательского проекта «Самоидентификация россиян в начале XXI века» Игорь Клямкин и Татьяна Кутковец подчеркивают, что на самом деле такую систему в России хотели бы видеть менее 7 % населения страны.

То, что российское общество лучше своей элиты (или, мягче, элиты не дотягивают до своего общества), говорит еще одно масштабное исследование «Самоидентификация россиян в начале XXI века», проведенное ВЦИОМ и Клубом 2015. Главный вывод исследования таков: *«В современной России реформаторский потенциал общества значительно превышает реформаторский потенциал элит... Модернизация блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми. Стремясь компенсировать эту свою неспособность, она реанимирует старые мифы о русском народе».*

Даже больше, чем элиты, реформаторский потенциал общества торпедируют электронные СМИ, ориентированные в основном на вкусы и понятия провинциального пенсионера, когда-то закончившего советскую в лучшем случае десятилетку. На него трудится пресловутая попса, чтобы порадовать его, родимого, плещет половодье пошлости, расцвела блатная субкультура, снимаются сериалы про бандитов, а любимым обращением стало: «Мужики!»

Но кое в чем наши люди точно не западные. Недавно по ТВЦ зрителям было предложено в ответ на вопрос «Лично вас больше всего заботят проблемы...» выбрать один из трех ответов: «Пищи духовной», «Хлеба насущного», «Величия державы». Откликнулись свыше десяти тысяч человек, вполне репрезентативно. Пища духовная оказалась важнее

всего (я записал) для 1352 человек (почти для каждого седьмого; я честно ожидал, что будет меньше). Хлеб насущный назвали 3359 человек (почти ровно треть). Но большинство голосов (5442) было отдано величию державы. Это 53,6 % ответов! Так отвечают потомки мининского ополчения и строителей империи. С таким народом не пропадешь.

Приложение

Тема исторического успеха России безбрежна, и единственный для автора способ не утонуть в ней состоял в том, чтобы твердо держаться стержневой линии изложения, а все боковые сюжеты — даже самые интересные — безжалостно отсекал. Но некоторые из этих сюжетов настолько важны для нашей темы, что совсем обойтись без них было бы жаль. Как быть? Разумным решением мне показалось добавить четыре материала такого рода (мои статьи разных лет) в конце книги как «Приложение».

Любовь и вкус к досугу и увеселениям всегда была столь ярко выражена у наших предков независимо от сословия и достатка (о чем много говорится в первой книге), что эту черту исторического русского характера приходится признать одной из самых фундаментальных. Именно эта черта — не совсем изгладившаяся и в наши дни — породила триста лет назад такой сугубо российский феномен, как дачная жизнь. Об этом рассказывает очерк «Дача. Русское изобретение»

Прокладка пути через Азию в широтном направлении была одной из главных задач человечества на протяжении тридцати веков. Два берега великого материка, разделенные где горами и пустынями, где тайгой и тундрой, в античное время и в Средние века связывал «Шелковый путь», но 500 лет назад он был заброшен. Россия связала два берега, проложив железнодорожную магистраль от Петербурга до Владивостока. По тому значению, какое оно имело для своего времени, первое широтное пересечение Евразии рельсовым путем сопоста-

вимо с высадкой человека на Луне. Достаточно сказать, что альтернативное, не через Россию, пересечение материка от Тихого океана до Атлантики начинает складываться только сейчас, век с лишним спустя. О Транссибирской магистрали — очерк «Пересечь Азию».

Каждый из этносов Российской империи заслужил интерес и уважение. Но есть один российский этнос, которому принадлежит в нашей истории особая роль. Теперь об этой роли вспоминают редко. Нет у этого этноса больше и своей автономии — Республика немцев Поволжья ликвидирована почти 70 лет назад. А ведь русские немцы были в числе самых выдающихся строителей империи. Об этом — в очерке «Русские немцы. Вопрос непростой».

Одной из вершин русской цивилизации стало возведение новой столицы в дельте Невы. Этот город признан одним из самых прекрасных в мире. Хотя иногда утверждают, что он построен в подражание каким-то западноевропейским образцам, никто не смог конкретно назвать эти образцы (или образец). Схожих с Петербургом городов просто нет. Об этом — «Гимн великому городу».

Дача, русское изобретение

Каждый народ — это образ жизни.

Зимой с космических спутников ясно видно, насколько своеобразно окружение больших городов России. Сразу за кольцом спальных районов в лоскутное одеяло пригородных сел, полей и лесов вклиниваются огромные вытянутые острова совершенно особого ландшафта: на тысячах небольших, густо заросших участков стоят занесенные снегом безжизненные дома и домики. Редкий дымок увидишь тут в январе. Эта местность начнет понемногу заселяться лишь с возвратом тепла. С мая по сентябрь жизнь будет кипеть здесь вовсю, потом начнется ее осеннее угасание, и к первому снегу опять воцарится безлюдье.

В России никому не надо объяснять, что речь идет о дачах. Особенно много, бесконечно много дач вокруг Москвы. Двенадцать главных и десять второстепенных направлений, расходящихся от столицы, унижены крупными и мелкими бунами дачных поселков. Даже тем, кто никогда не бывал в Москве, знакомы их названия — Переделкино, Барвиха, Абрамцево, Николина Гора, Жуковка, Мураново, Пахра... Знакомы по изящной словесности, мемуарам, фильмам.

Под Москвой таких поселков сотни. Многие из них давно слились, и только местные власти знают, где заканчивается один и начинается другой. Однажды мы с приятелем, неуго-

мимым ходоком, и тоже не московским уроженцем, провели долгий летний день в пешей экспедиции по изучению дачных местностей. Мы вышли из Томилина (это Рязанское направление, на юго-восток от Москвы), прошли Красково, Малаховку, Удельную, Быково, Ильинскую, Отдых, Кратово, дошли до Раменского, после чего капитулировали — дачному океану не было конца.

Совершая боковые вылазки, мы убедились, что дачи отнюдь не жмутся исключительно к железной дороге. В обе стороны от ее полотна отходили уверенные в своей бесконечности дачные улицы, и по этим перпендикулярам от станций ходили автобусы. У моста, где железнодорожный путь пересекал речушку, мы повернули на север, дабы по ее течению дойти до такого места, где всякие дачи кончаются. «Ведь где-то неизбежно есть такое место, — говорили мы себе. — Должно быть!»

Мимо заводов с кувшинками и загорающих на траве людей мы шли веселыми тропками часа три. Дачи выходили на речку то фасадами, то задними калитками, по мостам проносились хорошенькие велосипедистки, кто-то купал рыжего ирландского спаниеля. В конце концов мы опять вышли к станции электрички — но уже другого, нижегородского направления. За насыпью открывался новый дачный массив, и для наглядности у станции стоял автобус.

Помню, я тогда впервые осознал, что подобной, совершенно особой — и притом исполинской — инфраструктуры нет больше нигде в мире. Нет таких мегаполисов, половина населения которых переселялась бы на лето за город. Как это получилось, где истоки данного явления? Почему дачи оказались сугубо русским феноменом? А почему в Испании привилась коррида? Почему немцы чаю предпочитают кофе? На все три вопроса можно ответить: так уж сложилось — и это будет правильно.

I

«Дача» — старое слово. Со времен Киевской Руси оно означало «принесение в дар», «подношение» и вообще все, что

кому-то кем-то дается. В частности, дарованную князем землю. Но это объяснение этимологии, а не образа жизни.

Один бедовый культуролог уверял меня, что дачи у нас появились потому, что Русь приняла из рук умиравшей Византии (вместе с двуглавым орлом и остальной античной эстафетой) также идеал «двух жилищ» Платона. Звучит красиво, и все же дача — сугубо отечественное изобретение.

В России все началось с переноса столицы. Сыграло роль и то, что наши зимы дольше, и после них душа сильнее рвется на природу. А может быть, разгадка в том, что в России пригородная земля стоила много дешевле, чем в Европе.

Уже в первые десятилетия XVIII века вдоль дороги на Стрельну и Петергоф стали расти, видимо, самые первые в России дачи. Их владельцами были люди состоятельные. Вскоре они сделали дачными местностями также Аптекарский и Каменный острова и берега Невы выше Петербурга. Эти первые дачи представляли собой небольшие поместья с маленьким дворцом, оранжереей, купальней, каким-нибудь «храмом воздуха» и тому подобными затеями. (Одна такая дача, пришедшая за сто с лишним лет в полный упадок, описана в повести Марии Жуковой «Дача на Петергофской дороге», напечатанной «Отечественными записками» в 1845 году.)

Дачи не могли зародиться в окрестностях Москвы: дворянство старой столицы и без того жило в усадьбах, хоть и городских, окруженных маленькими усадьбами мещан. Именно по этой причине Москву прозвали «большой деревней». В этом смысле она ближе всего к Лондону, который тоже развивался как конгломерат усадеб вокруг главной цитадели. Из больших столиц именно Москва и Лондон уникальны в Европе, знаменитой своими тесными и сдавленными городами. Московские помещики отъезжали по весне в свои сельские родовые гнезда, чтобы руководить хозяйством да тешиться охотой.

В Петербурге же, с его парадной застройкой, к городским усадьбам предъявлялись архитектурные (а значит, и материальные) требования, мало кому посильные, так что уже к кон-

цу петровского времени сложился слой людей богатых, но живущих в домах городского типа. Даже самый важный петербургский чиновник был привязан к месту постоянной службы — и неважно, каким числом десятин он владеет за многие сотни верст от столицы. Поставьте себя на его место: пусть квартира удобна и велика — ему в ней тошно. Выросшего на свежем воздухе русского дворянина урбанистическая среда раздражала, особенно летом.

Прогрессом вообще движут отрицательные чувства — лень, страх, зависть. Так и упомянутое раздражение вызвало к жизни новый спрос, повлиявший на все дальнейшее устройство русской жизни, — спрос на участки земли не ради постоянного на них обитания или ведения хозяйства, а для воскресного и праздничного отдыха и летнего времяпрепровождения семьи, породило дачную жизнь. Первые дачи представляли собой маленькие дворцы с оранжереями, купальнями и прочими удобствами.

Достаточно быстро появились и дачники попроще, а уже во времена Екатерины II обычай проводить лето на даче был вполне обычным и среди совсем не знатных и отнюдь не богатых людей, чиновников по преимуществу. В 1796 году поэт Державин писал поэту Дмитриеву: *«Третьего дни Федор Михайлович Дубянский, переезжая с дачи своей через Неву, с компаниею потонул»*. Державин перечисляет пассажиров злосчастной лодки. Наряду с беднягой Дубянским, советником правления Заемного банка (и автором незабытой доныне песни «Вьется сизый голубочек»), в лодке были: кассир, бухгалтер, врач, сенатский протоколист, придворный закройщик с женой. Перечисление словно бы взято из отдела происшествий нынешней «Вечерней Москвы». Сильно подозреваю, что «компания» была навеселе.

Дачи недолго оставались привилегией Петербурга. Столичная мода перекинулась на Москву и прочие города. *«Москва совершенно пустеет летом, — писал в 1803 году Карамзин, особенно радуясь тому, что привычка проводить лето за городом завелась и среди купцов: — Мне случилось в одной подмосковной деревне видеть крестьянский сарай, обращенный*

в комнату с диванами: тут в хорошее время года живет довольно богатый купец с своим семейством. В городе у него каменный дом и большой сад; но он говорит: „Что может сравниться летом с приятностию сельской жизни?“ Карамзин добавляет, что дворяне, ездившие раньше на лето за границу, все чаще предпочитает отдых под Москвой, а по воскресеньям, чего раньше не бывало, *«портные и сапожники с женами и детьми рвут цветы на лугах и с букетами возвращаются в город»*. Скоро и эти люди тоже начнут обзаводиться дачками.

«Петербург пуст, все на дачах», — пишет Пушкин жене 8 июня 1834 года. Сам он много лет снимал одну и ту же дачу на Черной Речке. Об удобстве этой дачи можно судить по другому письму: *«Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Нат. Ник. благополучно родила дочь за несколько часов до моего приезда»* (П. А. Плетневу, 27 мая 1836). То есть женщине в ожидании родов даже не надо было возвращаться в город.

В письмах из своих путешествий Пушкин упоминает о дачах под Одессой и под Нижним Новгородом. Вообще слово «дача» мелькает у него постоянно. Одна из его неоконченных повестей начинается словами *«Гости съезжались на дачу»*, другая — *«Мы проводили вечер на даче»*.

Начиная с 1836 года, т. е. после появления в России железных дорог, дачная лихорадка приобретает повальный характер. Во времена Александра II пригородные поезда начнут называть дачными, а для человека среднего класса станет статусно невозможным не снять дачу на лето. Снять или построить — ведь помещики беднели, и продажа земли под дачи стала для многих из них единственным выходом.

Дачная тема быстро проникла и в литературу. В «Сентиментальном путешествии Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам» (1849) младшего современника Пушкина, писателя Дружинина, мы уже видим тот юмористический тон, который надолго стал почти обязательным для всякого пишущего о дачной жизни. Правда, до таких чеховских рассказов, как «Один из многих» или «Из воспоминаний идеалиста» (перечитайте, не пожалеете!), утечет еще много воды.

Как жили на дачах во времена Державина, нам вообразить уже трудно, зато предреволюционные дачи и их обитателей мы более или менее (кажется нам) себе представляем. Представляем по Чехову и «Дачникам» Горького, по многочисленным мемуарам. Нам даже кажется, что разница той дачной жизни с нынешней не так уж и велика.

На самом деле похожи они мало. Тогда переезжали на дачу еще в апреле, притом с мебелью, для чего нанимались ломовые извозчики. Принадлежностью дач сплошь и рядом были библиотеки, бильярдные. Вечерами из раскрытых окон слышались звуки рояля. Дачные атлеты увлекались гигантскими шагами и лаптой. Не был редкостью в дачном поселке и летний театр, где выступали гастролирующие труппы и любители из самих же дачников. Выезжая на пикник, расстилали настоящий ковер.

Особенно ценилась возможность отбросить церемонии, зайти в гости запросто. Это было неписанным дачным законом. Устанавливались связи, невозможные в городе. Инициатива слома перегородок шла от юного поколения и передавалась вверх по возрастной лестнице. На дачах закладывались основы будущих карьер. Оттого, что семьи были многодетными, мелькало множество молодежи самых разных возрастов, воздух пронизывала атмосфера всеобщего флирта. Что такое «дачный роман», никому не надо было объяснять. Впрочем, и сегодня не надо.

Дачная жизнь появилась в России еще и потому, что ее жители имели больше всех досуга в христианском мире (в Российской империи конца XIX века, как свидетельствуют календари того времени, официально нерабочими были 98 дней в году, тогда как, скажем, в Австро-Венгрии 53). Европа и Америка вплоть до Первой мировой войны отдыхали мало. Отдых не входил в программу жизни. Воскресенье посвящалось церкви и домашним делам, отпуск был еще в диковину. Отдыхал тонкий слой богатых бездельников. На появление в России массовой дачной жизни в столь далекие времена

можно смотреть и как на опережающий социальный прорыв, и как на пример того, насколько нации опасно расслабляться до построения основ изобилия. Верны обе точки зрения.

Между двумя мировыми войнами на Западе стало шириться то, что Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс». Звучит устрашающе, но означает всего лишь, что вчера еще послушные и нетребовательные люди более не согласны жить по образцу своих дедов и прадедов, требуют свою долю в жатве цивилизации, хотят разнообразия и перемен. Например, сама мысль прожить безвыездно там, где родился, уже вызывает ужас. Массы жаждут досуга, хотят больше потреблять, развлекаться, видеть мир.

Не случись беда 1917 года, феномен не обошел бы и Россию. Дачный бум, вероятно, пошел бы на убыль — ведь отдыхать из года в год в одном месте должно было стать немодным. Но произошло, как мы знаем, совсем другое, и дача вдруг обрела неожиданную социальную роль, сделавшись островком частной собственности в обобществленном океане. Не продавались квартиры, не продавалась земля, но можно было купить дачу вместе с участком земли.

Дача стала неременной частью советского идеала жизни. Это была неосознанная замена многому из того, что отняли большевики, — прежде всего, двум фундаментальным вещам: возможности видеть мир и возможности побыть наедине с собой. Дача *полагалась* всей миллионноголовой номенклатуре. Сословно-цеховой подход породил дачные поселки писателей, ученых, художников, журналистов. Много десятилетий землю под дачи сравнительно легко получали заводы, институты, профсоюзы. Такие названия дачных поселков, как «Котлостроитель», «Медработник», «Полиграфист», «Инженер», не звучат необычно. Я вечно встречал людей, живших в коммуналках, но имевших дачи.

За бесконечные годы советской власти в шестерни коммунизма угодили миллионы людей, семьи которых обычно, особенно в больших городах, тут же выкидывались из квартир. Но если приговор не содержал конфискации имущества, а несчастные имели дачу, она становилась их спасением.

«Брали» на дачах якобы редко; приводят даже примеры того, как какие-то писатели и поэты-песенники (им не надо было являться в присутствие) так и отсиделись на дачах, не смотря на подписанные ордера. Почему? Кто теперь объяснит? Режиссер Михалков уловил эту тонкость в «Утомленных солнцем»: за его командармом Котовым хоть и приезжают на дачу, сам арест разыгран как замысловатый трюк.

Предание гласит, что другой маршал, Буденный, два часа отстреливался на своей даче от пришедших за ним гэпэушников (пытаясь одновременно дозвониться Сталину), пока приказ о его аресте не был отменен. Видимо, это миф. Но народ не складывает совсем уж неправдоподобные мифы. Никакая молва не перенесла бы подобный сюжет на улицу Грановского.

Истинная литература тоже все отражает правильно. Перечитайте Трифонова. Этого замечательного писателя завораживали две темы: костоломная машина красного государства и дачная жизнь. Крайне характерно, что эти темы у него почти нерасчленимы. Ближе к нашим дням Солженицын годами был по сути экстерриториален и неуязвим для властей, живя на дачах Чуковского и Ростроповича.

Иногда мне хочется составить дачную антологию в нескольких томах. Среди прочего, туда попадет «Генеральская дача» Николая Заболоцкого и повесть Андрея Битова «Дачная местность».

Последнее «прости» советской власти очень показательно. ГКЧП (слово женского рода) очень старалась придумать нечто такое, благодаря чему все сразу бы поняли, что она хорошая и ее не надо бояться. И придумала. В своем обращении к народу она пообещала всем желающим по 15 соток. И миллионы сердец, уверяю, защемило. К счастью, мыльный пузырь лопнул на третий день.

III

Когда приходят холода, начинаешь понимать, почему наши классики писали «Зимние заметки о летних впечатлениях».

ях». С растущей нежностью вспоминается июльская жара, лесная малина, возня детей и собак в теплой траве, и глаза бы не глядели на мокрый снег за окном.

Особенно сладостными, кажется мне, должны быть дачные воспоминания человека, который всего однажды пожил на даче с начала сезона и до самого его конца, пожил в свое удовольствие, никем и ничем не подгоняемый, но больше уже никогда в жизни не смог повторить дивный опыт. Впечатления разных лет не будут наслаиваться, вытесняя друг друга, они сохранятся в его душе как одна чистая и прекрасная мелодия, слегка грустнеющая к своему концу.

Разве можно забыть эти долгие летние дни, когда солнце норовит разбудить в половине пятого утра, забыть яростные ночные грозы и то, как пахнет в начале июня жасмин и как вскоре его начинает теснить запах липы, забыть особое восприятие прочитанного в плетеном кресле или гамаке, поздние беседы, гитару и хохот на веранде, прогулки с прекрасной соседкой к озеру и по грибы?

Почему-то я долго думал, что дачи — привилегия Петербурга и Москвы. Но в 1980 году в Якутске я зашел по некоему адресу и узнал, что человек, который был мне нужен, на даче. Тогда это меня поразило. В Якутске, правда, довольно жаркое лето, но сама окрестная природа и тамошние комары, казалось мне, мало настраивают на мысль о даче. «Да что ты! — сказали мне. — Знаешь, какая у нас банька? А рыбалка! Разве ты в своей Москве увидишь такое?»

Случай повторился затем в Пушкинских Горах Псковской области. Это (для тех, кто не знает) не город, а «поселок городского типа» с несколькими хрущевскими пятиэтажками. В одной из них на двери меня ждала записка «Ушла на дачу». *Ушла!* До дачи было полчаса пешего ходу. Пушкинские Горы — не какая-то промзона, природа и так подступает тут почти к каждому дому. Но — люди живут согласно обычаю, а наш обычай требует дачи.

Обычай благоговейно увозили с собой. «*Вилла в окрестностях Парижа*» усилиями наших соотечественников из рассказа Тэффи «Летом» становится «*дачей в окрестностях Там-*

бова». Пытаясь воспроизвести дачную жизнь в чуждых ей странах своего нового обитания, русские эмигранты 20-х годов были уверены, что стараются ради детей (считалось, что дети умрут, если их не «вывезти» на лето), хотя подсознательно старались ради самих себя. За самообманом стояла попытка вернуть утраченное счастье, отнятую родину.

В «Оксфордском русско-английском словаре» слово *дача* переводится как *dacha*. Если бы авторы словаря чувствовали, что *даче* соответствует, скажем, *summer cottage*, *country house* или *holiday lodge*, они бы так и написали. Но чувствовали, что не соответствует. И «Русско-французский словарь» того же мнения: *дача* — это *datcha*, а *зимняя дача* — это *datcha que l'on peut chauffer*.

Конечно, и на Западе полно людей, владеющих вторым, сельским, домом. Однако почувствуйте разницу. У нас дачников десятки миллионов, и дача — это почти обязанность. Помимо частных и кооперативных дач, то ли были, то ли еще есть казенные дачные тресты, сдающие дачи в аренду, есть ведомственные дачи, какие-то *госдачи*. Говорят, французский «дачник» гордится перестроенной мельницей где-нибудь в Лангедоке или виллой на морском берегу в Бретани. Я бы тоже гордился. А у нас дача тем ценнее, чем ближе к городу. И конечно, ей положено быть не самой по себе, а в дачном поселке. Самое же главное, *datcha* — это образ жизни. В других странах он невоспроизводим.

Одна из самых больших драгоценностей русской судьбы — это детство, проведенное на даче. Моя знакомая Надя Дмитриева (державинский адресат — ее предок) росла в Песках, самом дальнем среди известных подмосковных дачных поселков. Он дальше даже знаменитых своей отдаленностью Вербилков и Рузы. Это 101-й километр. Основателю Песков (старожилы спорят о том, кто это был) запрещено было жить хотя бы на метр ближе к Москве.

В 1934-м здесь возникла дачная колония художников. Среди ее обитателей много известных имен — Лентулов, Куприн, Бялыницкий-Бируля, Лансере, Герасимов, Дейнека, Бакшеев, Рындин, Белашова, Пименов. Дети об их известности не

ведали. Это были просто живущие в поселке старички, знакомые родителей. Детям хватало своих забот: удрать на Москву-реку, устроить засаду деревенским, поймать мышь и принести ее лисенку, живущему у Комаровых, а вечером на чердаке у Глебовых слушать продолжение бесконечного рассказа про черную руку мертвеца.

Обихоженные дети, вспоминает Надя, завидовали сыновьям графика Т., которых выпускали в мае, а собирали перед сентябрем, и они носились по поселку босые, черные, счастливые, орали по-тарзаньи с каких-то деревьев и ныряли в запретных местах. Что же до художника Комарова, он иллюстрировал учебники зоологии, и половина его натурщиков жила прямо у него на участке — кто в клетке, кто вольноотпущенником.

Дача что-то говорит любому возрасту. Романс, написанный Вертинским на склоне дней, начинается словами:

Хорошо в этой собственной даче
Бурной жизни итог подвести:
Промелькнули победы, удачи,
И мечтаний восторги телячьи,
И надежды, как старые клячи,
Уж давно притомились в пути.

Нравится нам это или нет, но жизнь не стоит на месте. Понятие «дача» постепенно размывается. Все началось с так называемых садовых участков с их жалкими домишками — советская власть придерживалась здесь японского минимализма: дозволенному скворечнику не полагалось отопление, а по площади он не должен был превышать 16 татами, то бишь 25 квадратных метров. И по сей день на этих сотках в основном выращивают картошку, помидоры и клубнику, вещь все-таки редкая на классических дачах. Правда, после снятия запретов многие садовые участки украсились двух-, а то и трехэтажными домами и явно эволюционируют в сторону дачи. Дачниками порой зовут и обитателей шикарных новорусских поселков, хотя они живут в них круглый год. Жанровую чистоту трудно соблюсти в любом жанре.

Последний случай провести несколько дней на даче мне выпал довольно уже давно, в июне 1997 года. Дело было в поселке Клязьма. По своей привычке я собрался изучить окрестности, но оказалось, что дом-музей Маяковского — дача на Акуловой горе, где маститый поэт принимал в гостях Солнце, — сгорел пятью или шестью годами раньше. По соседству, в Пушкино (не в честь А. С., а старое, с XVI века название), почти одновременно сгорел, чуть не дожив до своего столетия, замечательный деревянный театр. В нем пели Шаляпин, Собинов, Нежданова, Обухова. В Гражданскую войну не сгорел и в сорок первом не разобрали на дрова, а тут поди ж ты.

Затронув эту тему с кратковременным соседом, я был вознагражден. Семидесятилетний клязьминский дачник рассказал мне, что все лето и осень 1941-го прожил с матерью в Клязьме на даче и поселок опустел мало. Мое недоверие его рассердило: «Немцы-то совсем с другой стороны от Москвы были, интересоваться надо историей-то!» В 1997 году он проводил лето на той же даче и с той же матерью.

Подтверждение того, что у нас удивительная страна и никакие войны нас не берут, я нашел в «Дневнике москвича» Никиты Окунева (YMCA-PRESS, 1990). Запись от 11 мая 1921 года сообщала, что Шаляпин взял за концерт в Малаховском дачном театре такой-то (исключительно высокий) гонорар. Малаховский театр, как и пушкинский, обслуживал дачников. Местные крестьяне в театры не ходили. Высокий сбор означает полный зал и дорогие билеты. Значит, уже в начале мая дачи были полны отдыхающими! А ведь еще даже не кончилась Гражданская война!

Все тот же дачный старожил показал мне вырезку из районной газеты, где говорилось, что население Пушкинского района зимой составляет 150 тысяч человек, а летом возрастает до 400 тысяч. Это высчитывается по объемам продажи хлеба, потреблению электричества и воды. «Значит, 250 тысяч приезжает на дачи только в Пушкинский

район, — объяснял ветеран. — А в Подмосковье 39 районов, вот и считайте».

В Клязьме я был вознагражден тем, что нашел замечательные деревянные дачи в стиле модерн, не очень обычном для окрестностей Москвы. Таких немного уцелело даже под Петербургом, где этот стиль в начале века был в куда большей чести. Каменные встречаются там вроде бы почаще, но к Подмосковью это опять-таки не относится. Вообще модерном в России трудно удивить, необычность поразивших меня дач, как и церкви неподалеку, была в другом: их крупные архитектурные детали, вплоть до узорной калитки, были замечательно обработаны в духе того направления, которое, чтобы не вступать в споры искусствоведов, проще всего назвать «Абрамцево—Талашкино» — и сразу понятно, о чем речь.

Уже в Москве я выяснил, что и дачи, и церковь построены в 1908 году по проекту художника Сергея Ивановича Васкова (1879—1914). Выпускник Строгановки, ученик Виктора Васнецова, он оставил после себя не только поразительные по красоте кресты, раки, оклады, дарохранительницы, панагии и паникадила, но и вещи светского обихода: ларцы, братины, чары, ковши, подсвечники, стопы, вазы, блюда, стулья, письменные приборы. Он был лично представлен царю и по его поручению заведовал строительством подземного храма-крипты в Царском Селе. Все заказы для императорского двора на фабрике Товарищества Оловянишниковых делались по рисункам Васкова. Вашков умер 7 ноября 1914 года от разрыва сердца, прожив всего 35 лет. Вроде бы мало, но как вспомнишь, что ему пришлось бы увидеть, проживи он подольше, начинаешь завидовать столь цельной и законченной жизни. Вашков выполнил свою художественную программу и был милостиво избавлен от зрелища того, как его прекрасные серебряные вещи выволакивают из храмов на переплавку в ходе «изъятия церковных ценностей», — ибо, боюсь, участь большинства из них была именно такова.

Его клязьминским дачам повезло больше — они, вероятно, были всего лишь отняты у владевших ими «буржуев». Утешим-

ся мыслью, что все-таки на протяжении нескольких лет в этих стенах успело пожить счастье. Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, снился мне сад в подвенечном узор. Цветы на платье смешивались с цветами полевого букета. Гимназистка — все в ней было легким, быстрым, востреньким, летящим — сбегала с крыльца. Приходил инженер путей сообщения с женой, пушистой блондинкой. Наблюдали комету Галлея.

Казалось, что этого дома хозяева
навек в своей довоенной Европе,
что не было, нет и не будет Сараева,
и где они, эти мазурские топи?
(Арсений Тарковский)

Почти такое же прекрасное время стояло, помнится, в Помпее накануне того самого дня, 23 августа 79 года по Р. Х., когда в узорную калитку вломились отвратительные красные бесы.

* * *

Русской даче уже триста лет. Многие думали, что с появлением возможности ездить за границу притягательность дачной жизни для наших соотечественников померкнет. Этого не произошло. Никогда в России не строилось столько дач сразу, сколько сегодня. И строят их как раз те, кто имеет возможность путешествовать. Значит, это уже необратимо.

У каждого народа свой способ воскрешения утерянного рая. Дача — это русский способ.

Пересечь Азию

I

Мы редко смотрим на глобус, а зря. Глядя на него, можно понять об истории и о современности многое, о чем не догадаешься, разглядывая плоские карты отдельных стран. В частности, одного взгляда на глобус достаточно, чтобы понять: прокладка пути через Азию в широтном направлении не может не входить в число главных задач человечества. Два берега великого материка слишком долго не имели надежной связи между собой, разделенные где горами и пустынями, где тайгой и тундрой. Но вот 2120 лет назад некто Чжан Цянь, посланник китайского императора У-ди, разведал путь в Ферганскую долину и Хорезм, где нашел купцов-посредников, готовых везти китайский шелк дальше, к переднеазиатским портам Средиземного моря. Так возник караванный Шелковый путь, просуществовавший более 16 веков. Увы, от века к веку он не становился безопаснее и надежнее, скорее наоборот, и с появлением морского сообщения с Китаем был с облегчением заброшен.

Вскоре после этого в Азию пришла новая историческая сила, Россия. В 1598 году наемная армия предпринимателей Строгановых покорила Сибирское ханство (это почти вся За-

падная Сибирь), а всего сорок лет спустя Иван Москвитин вышел к Тихому океану. Наши предки увидели свои причины наладить широтное сообщение через азиатский материк, и они его наладили. Этот путь, по аналогии с Шелковым, вполне можно назвать Пушным.

Даже век спустя после Москвитина долгий путь от Петербурга до Камчатки оставался испытанием, доступным лишь здоровым и выносливым людям. Опыта ради спросите у знакомых, сколько времени, по их мнению, он мог занимать. Поскольку нашим современникам почти невозможно его себе вообразить, они готовы поверить любой цифре. Верят и такому, не раз повторенному примеру. Вступая на трон, дочь Петра I, незамужняя Елизавета Петровна, пожелала, чтобы на ее коронации присутствовали юные представительницы всех народов России. За самыми отдаленными, *«шестью пригожими и благородными камчатскими девицами»* был послан штаб-фурьер Шахтуров. Когда исполнявший поручение Шахтуров с девицами на пути в Петербург еще только достиг Иркутска, он узнал, что минуло уже четыре года после коронации, состоявшейся 25 апреля 1742 года, причем каждая из девиц не раз родила в пути.

Анекдот, спору нет, очень мил, но сроки все же вызывают сомнения — если только доблестный штаб-фурьер, зная, что все равно не поспеть, не тянул время в приятном обществе. Тот же маршрут и примерно тогда же не раз преодолевали в обоих направлениях участники Второй Камчатской экспедиции (среди них Степан Крашенинников), тратя на дорогу в один конец примерно год. Именно этот срок дает меру тогдашнего сибирского времени и пространства.

Постепенно то и другое сжималось. Сибирь заселялась, были проложены почтовые тракты, наладилось речное судоходство. Великие реки Сибири, кроме Амура, увы, меридиональны, однако имеют (как Лена) значительные широтные отрезки, не говоря уже о широтных притоках, которые к тому же можно было связать каналами (таков был Обь-Енисейский канал, ныне заброшенный). Но с появлением железных дорог стало ясно, что проблему решат только они.

Интересно, что самый первый проект Сибирской железной дороги был выдвинут еще в 1837 году, это год смерти Пушкина. Вся протяженность железных дорог России составляла тогда 26 верст, но Николай Иванович Богданов (человек, о котором ничего более не известно) уже предлагал тянуть рельсы от Нижегородской ярмарки до Кяхты, торгового города на китайской (тогда) границе. Шелковый путь из Китая к тому времени, напомним, уже триста лет как бездействовал.

* * *

Когда Транссиб еще лишь планировался, у него было много противников. Министр внутренних дел И. Н. Дурново в 1889 году предостерегал, что по новой дороге крестьяне покаты переселяться в Сибирь и на Дальний Восток, от этого в старых губерниях резко вздорожают рабочие руки. Тобольский губернатор был в панике: *«Первое, что следует ожидать от дороги, это наплыв разных мелких аферистов, ремесленников и торговцев, затем явятся скупщики, цены поднимутся, и крестьяне начнут продавать все, что можно. Губерния наводнится иностранцами, торговля перейдет в их руки... Наблюдение за сохранением порядка в крае станет невозможным»*. Удивляться такому мнению не надо. Турецкий султан выступал против телефонов, уверяя, что они нужны лишь заговорщикам. Враги были у водопровода, печатного станка, самолета и даже мостовых...

Помните, как Чехов в 1890 году ехал на Сахалин? Со времен Второй Камчатской экспедиции минуло полтора века, но 4000 верст от Тюмени до Байкала Чехов двигался штаб-фурьерским *«лошадино-колесным»* способом. Байкал он переплыл на пароходе, потом снова больше тысячи верст до Сретенска одолевал в экипаже, зато от Сретенска плыл по Амуру пароходом — целую треть пути, о счастье! Вся дорога от Москвы до Сахалина заняла у него примерно три месяца.

(К слову: Чехов писал Суворину 27.6.1890 из Благовещенска: *«Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их*

больше, чем мух. С Благовещенска начинаются японцы... Китайцы возьмут у нас Амур — это несомненно... Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре. Не расчетливо и не умно». Прошло 120 лет, и пророчество Чехова не сбылось, но газеты пишут слово в слово то же самое.)

19 (31) мая 1891 года в урочище Куперова падь близ Владивостока состоялась закладка Великого Сибирского пути. Наследник-цесаревич Николай сам наполнил тачку землей, отвез ее на полотно, которым начинался Уссурийский участок будущей магистрали, и там торжественно опорожнил.

К моменту этой церемонии уже 7 лет как существовала дорога Пермь—Екатеринбург—Тюмень, которая переваливала Урал и заметно углублялась в Сибирь (Чехов ехал до Тюмени поездом). Однако по настоянию С. Ю. Витте было решено строить не от нее, а преодолеть Урал еще раз и южнее, от Уфы. Если бы не это решение, Транссиб был бы готов ощути-мо раньше, и многое в истории пошло бы иначе, в том числе русско-японская война.

* * *

Напомню некоторые вехи этого одного из величайших предприятий в истории человечества. В октябре 1896 года было открыто сквозное движение на трассе Сызрань—Уфа—Челябинск—Курган—Петропавловск—Омск—Новониколаевск (нынешний Новосибирск) длиной свыше 2500 км. Преодолев Уральский хребет в не самом низком, зато самом красивом месте, рельсовый путь дошел до Оби и перешагнул через нее. Считанные месяцы спустя был открыт важный участок встречной части Транссиба — дорога от Владивостока до Хабаровска. Лишь после этого умолкли голоса неприменных нытиков и скептиков (они и тогда были не умнее), называвших затею величайшим сумасшествием, надувательством, панамой, а выражение «Великий Сибирский путь» стало общепринятым — хотя этот путь был еще далек от завершения.

Мемуары Витте раскрывают, как было получено разрешение на прокладку прямого пути на Владивосток через Маньчжурию. В 1896-м на коронацию Николая II плыл вокруг Азии китайский канцлер Ли Хун-чжан. Плыл загодя, у него хватало времени посетить до России еще 2—3 страны, причем и Германия и Англия очень хотели зазвать его к себе. Витте убедил царя послать в Суэц дипломата и востоковеда, сторонника русско-китайского союза князя Эспера Эсперовича Ухтомского. Тот встретил Ли Хун-чжана на выезде из Суэцкого канала и пригласил пересесть на ожидающий русский пароход, который доставил их в Одессу. Витте одолел гору протокольных и дипломатических трудностей, но добился своего: Китай предоставил России концессию на железную дорогу, будущую КВЖД. Одновременно был заключен тайный договор о военной помощи Китаю в случае японских посягательств, а для его подкрепления Россия в 1898 году начала строить крепость Порт-Артур. Кстати, Большая советская энциклопедия утверждала в 1935 году, без ссылок на источник, что Ли Хун-чжану *«была дана миллионная взятка»*.

Россия, как известно, построила (в 1897—1903 гг.) Китайско-Восточную железную дорогу и город Харбин на ней, построила ветку к Порт-Артуру, всем этим приблизив несчастную войну с Японией. Говорили и говорят, что затея с маньчжурским спрямлением была ошибочной с самого начала, что надо было тянуть дорогу сразу целиком по русской территории и не строить на чужой земле прекрасный город, который рано или поздно должен был вернуться под китайское управление. Может быть. Но не забудем и того, что благодаря Харбину свыше полумиллиона наших соотечественников оказались недостижимы для советской власти, пересидели в нем самые страшные годы или выехали в свободные страны.

У нумизматов встречаются удивительные деньги. Видом и расцветкой они похожи на американские доллары. Это и есть доллары, русские доллары. Так и написано по-русски: «один доллар», «пять долларов», «десять», «пятьдесят». На купюрах

изображены разные модели паровозов. Выпускал эти деньги в 20-е годы Русско-Китайский банк, владевший тогда Китайской Восточной железной дорогой. Это была твердая валюта, имевшая хождение по всей Маньчжурии. У коллекционеров эти доллары зовутся «хорватовками» — из-за того, что купюры украшены четкой подписью директора банка, генерала Дмитрия Леонидовича Хорвата. Большая советская энциклопедия приласкала и его: *«Из дворян Херсонской губернии... Обогатился благодаря хищениям и взяточничеству... После Октябрьской революции стал одним из вождей белогвардейщины... субсидировал отряды белогвардейцев...»* Либо хищения, либо субсидировал, скажет внимательный читатель, и будет прав. Советские неумехи даже ввали топорно.

* * *

Вернемся к стыку веков. Сибирская железная дорога стала гвоздем русского павильона на парижской Всемирной выставке 1900 года и получила Гран-при. Были выставлены паровозы и вагоны Путиловского, Брянского, Коломенского и Александровского заводов, а также, в виде моделей, целые поезда, вокзалы, сортировочные узлы, 27-аршинная модель моста через Енисей. Выставка еще не закончилась, когда редакции многих газет отправили своих корреспондентов в Сибирь. Большая группа иностранных журналистов проехала по готовой части дороги до Иркутска, отправив в свои газеты и журналы полторы сотни статей, сплошь благожелательных. Особенно восторженными были французы. Один из них писал, что история поставит постройку Великого Сибирского пути по своему значению сразу после открытия Америки, другой назвал дорогу позвоночным хребтом русского исполина, третий увидел в дороге гарантию будущего полного русского экономического господства на Востоке. Последнее пророчество пока не сбылось — да ведь и история еще не закончилась, что бы ни говорил г-н Фукуяма.

Лет 30 назад за границей отыскиались стеклянные негативы умершего в эмиграции фотографа Сергея Прокудина-Горс-

кого. В начале века он отснял в цвете (!) весь Сибирский путь. Мы видим красные, синие и зеленые вагоны, паровоз «овечку», входящий во влажный сумрак девственного леса, двуглавый орел над жерлом тоннеля, выбитые в отвесных кручах скальные карнизы, молодцеватых инженеров у циклопической подпорной стены... Фотограф каким-то образом донес дух победоносного движения к Востоку, от снимков веет ветром далекого океана, слышны веселые паровозные гудки и стук колес — одна из лучших мелодий на свете. Советские асы фотографии тоже стремились к подобному воздействию своих работ, но разлитая в коммунистическом воздухе генеральная фальшь это исключала.

* * *

В 2001 году у нас вдруг затеяли праздновать 100-летие Транссиба. Некоторые газеты назвали юбилей сомнительным, говорили, что министр путей сообщения (тогдашний) Аксененко хотел таким способом привлечь к своему ведомству президентское благожелательство. Зацепкой для юбилея послужила дата 21 октября (2 ноября) 1901 года, когда произошла смычка рельсов: строители, прокладывавшие КВЖД от Владивостока и Харбина, встретились друг с другом.

(Смычка могла произойти полутора годами ранее, но почти готовый путь, большинство станций, водокачек и других сооружений были целенаправленно разрушены в 1900 году во время Боксерского восстания в Китае, направленного против иностранцев и всего иностранного.)

В «правильную», как тогда говорили, эксплуатацию дорога была принята 1(14) июля 1903 года. В этот день открылось железнодорожное сообщение Санкт-Петербург — Владивосток. Впрочем, и после этого в рельсовом пути оставался разрыв. Через Байкал поезда переправлялись на ледокольных паромах. Когда же лед становился слишком толст, рельсы достаточно быстро укладывали прямо по льду, но на какое-то время движение, естественно, прерывалось. Так было до ок-

тября 1905 года, когда была пущена Кругобайкальская дорога с ее 39 тоннелями. Тогда же в Иркутске был открыт монумент Александру III в форме железнодорожного кондуктора, а станция Слюдянка на Байкале украсилась вокзалом-памятником целиком из мрамора — другого такого в мире нет. Памятники венчали великое событие: от Европы до Тихого океана через Сибирь и Маньчжурию лег сплошной рельсовый путь. С этого времени поезда на Владивосток и обратно стали ходить без задержек круглый год, хотя часть пути им и приходилось проделывать через Маньчжурию. И только с пуском в 1916 году Амурской дороги, огибающей с севера исполинскую дугу реки Амур, и открытием моста через Амур у Хабаровска знаменитая дорога стала именно Транссибирской, а не Сибирско-Маньчжурской.

Амурская дорога, самый длинный и трудный отрезок Транссиба, строилась в 1908—1916 гг. Характерно, что Витте (сильно перехваленный политик) был резко против его прокладки. Трасса по резкопересеченной и безлюдной местности была во многом уникальна. Например, здесь был проложен первый в мире тоннель в вечной мерзлоте. Чтобы избежать притока в край китайцев и корейцев, рабочие (до 20 тыс.) нанимались исключительно свои. Уже в советское время была сочинена басня, будто Транссиб строили каторжане.

Пока не победила «власть рабочих», работать у нас умели быстро и хорошо. 18 октября 1916 года был открыт для движения почти трехкилометровый красавец-мост через Амур в Хабаровске, самый большой в то время в Старом Свете (позже его превзошел мост «Форт оф Фест» близ Эдинбурга в Шотландии). Зато и платили как следует. Клепальщик получал рубль за заклепку, но не мог «перевыполнять план». Семь заклепок в день, и не больше — чтобы не страдало качество. Амурский мост построили за три года, а могли бы и за два — корабль, везший стальные пролеты моста из Одессы, потопила немецкая подлодка в Индийском океане, и это привело к 11-месячной задержке. В позднесоветские времена вдвое меньший мост у Комсомольска-на-Амуре строили 6 лет. На

кругобайкальских тоннелях норма проходки была 8 метров в день. В наши дни при прокладке Северо-Муйского тоннеля на БАМе примерно столько проходили за месяц — говорю со слов Николая Семеновича Конарева, последнего министра путей сообщения СССР.

* * *

Нередко напоминают, что к решению проложить Сибирский путь Россию подтолкнул пример США, развитие которых резко ускорила трансамериканская дорога «Юнион Пасифик», открытая в 1870 году. Это верно, но не забудем и другое. «Юнион Пасифик» от Омахи до Сан-Франциско — т. е. от рубежа обжитых земель до другого берега Америки — это 1848 миль, или 2974 км. Транссиб несопоставимо длиннее. Трудно сравнивать и природные условия двух трасс. Американская сложнее лишь в одном отношении: строителям пришлось преодолевать более высокие горы — перевал Доннер в Сьерра-Неваде имеет высоту 2191 м над уровнем моря¹; на Транссибе же высшая точка — 1040 м (близ станции Яблоновая). Во всех прочих смыслах сибирская дорога неизмеримо тяжелее. По объему вынутого грунта, по числу тоннелей, по суммарной длине мостов их даже нельзя сравнивать.

Когда Транссиб был завершен, длина рельсового пути от Миасса до Владивостока (считают также от Челябинска и даже от Москвы) составила 7528 км, а вместе с КВЖД — 9,5 тыс. км. Всего же за четверть века строительства Великой Сибирской железной дороги было проложено, считая с участками Пермь — Екатеринбург, Екатеринбург — Челябинск,

¹ Чем стала «Юнион Пасифик» сегодня? Вот письмо моего читателя: *«Главное чувство — жалость от бессмысленного и бездарного запустения. Редкие вагоны с серебряным концентратом с небольших серебряных рудников Невады и еще более редкие туристские поезда, билеты на которые вдвое дороже авиационных — вот и все движение. Можно ехать вдоль дороги 2—3 дня и не увидеть ни одного поезда. Не развалилась она только потому, что в XIX веке в США крепко строили, не то что сейчас».*

ветками к Томску, Барнаулу, Сретенску, Благовещенску, Порт-Артуру и так далее, 12 120 верст (12 930 км) путей, почти треть экватора. На Транссибе бывало, что укладывали по 6 км в день, а средняя скорость укладки составляла свыше 500 км в год — притом, что в России строилось в это время и множество других дорог!

Сейчас все это как-то забылось. Но в начале истекшего века ощущение того, что Транссиб — грандиозное продолжение эпохи Великих географических открытий, разделяли все. Восторг перед рукотворным чудом был единодушным. Он завораживал не только журналистов. У французского поэта Блэза Сандрара есть автобиографическая поэма «Проза транссибирского экспресса и маленькой Жанны Французской» (1913). Лирический герой, он же автор, едет знаменитым экспрессом, нанявшись к купцу охранять его ювелирный товар, встречается в поезде Жанну, юную парижскую проститутку на заработках в России, но их история не заслоняет главного героя поэмы — Великого Сибирского пути.

Я был беззаботен и счастлив, и верилось мне,
Что мы играем в разбойников в этой стране,
Что мы украли сокровище в Индии и на другой конец света
В транссибирском экспрессе летим, чтобы спрятать
сокровище это.

Я должен его охранять от уральских бандитов,
Напавших когда-то на акробатов Жюля Верна.
От хунхузов его охранять, от боксерских повстанцев
Китая,

От низкорослых свирепых монголов великого Ламы.
Али-Баба мне мерещился, сорок разбойников,
Телохранители горного старца, а также
Современные взломщики и специалисты
по международным экспрессам<...>

Ритмы поезда, шум голосов, стук дверей и колес,
На замерзающих рельсах несущийся вдаль паровоз,
Моего грядущего свернутый парус,
Равнины сибирские, низкое небо, огромные тени
безмолвья<...>

Лихорадит вагонные полки, на фортепьяно дьявол играет.
Поезда Европы четыре четверти в такте имеют,
А в Азии — пять или шесть четвертей.

(Пер. Николая Балашова)

Чем камернее была родина автора, тем более исполинскими оказывались порождаемые дорогой метафоры и химеры. В бестселлере 20-х годов, романе Франка Хеллера «Сибирский экспресс», образ пути через загадочную и пугающую Азию буквально расплющивает сознание героя, живущего в похожем на театральную декорацию Данциге. Он пытается изменить направление магистрали, проложить ее через Новую Землю к полюсу и окончательно сходит с ума.

* * *

В конце октября 1916 года курьерский поезд «Международного общества спальных вагонов» впервые проследовал из Петрограда во Владивосток сплошь по русской территории. Это мало кем отмеченное тогда событие (шла война) знаменовало собой окончательную готовность Великого Сибирского пути.

Справочник конца 1916 года показывает, сколько стоило путешествие Петроград — Владивосток. Цена билета I-го класса составляла 148 руб. 15 коп., 2-го — 88 руб. 90 коп., 3-го — 59 руб. 25 коп. Раз уж речь зашла о рублях и копейках, читателю будет интересно узнать, что английский фунт стерлингов, согласно тому же справочнику, равнялся тогда 9,46 рублям и что прокладка Транссиба обошлась России в 1 миллиард 455 миллионов тогдашних рублей.

Первый класс был дивно хорош — будете в Петербурге, зайдите в Железнодорожный музей на Садовой, 60, полюбуйте на модели вагонов, оцените бронзу, кожу, бархат, зеркала, красное дерево. Экспрессы этой линии считались лучшими в Старом Свете. К услугам пассажиров первого и (кажется) второго классов были ванны, гимнастический зал, салон-вагон с библиотекой и роялем орехового дерева. Хочется представить себе этих путешественников, представить,

как они катили через Азию, как читали имена станций за окнами (Куэнга, Урюм, Кислый Ключ, Теплое Озеро, Ерофей Павлович, Волочаевка), как пели под рояль, коротая тоску дорожную, железную.

Недолго им оставалось петь. Скоро их салон-вагоны стали передвижными штабами Гражданской войны.

Отечественную историю вполне можно делить на время до Дороги и время с Дорогой. Без нее Россия просто была не вправе вступать в XX век. Дорога стянула великую страну в единое целое, спасла от распада в страшное пятилетие 1917—1922 годов. Поняв это, осознаешь, что и пуск 2000-верстного Амурского участка подоспел мистическим образом вовремя.

* * *

Выше у нас шла речь об иностранных авторах, замороженных величием Транссиба. А что отечественные? Им, чтобы откликнуться на важное, всегда нужна дистанция во времени, так уж повелось. Когда же эта дистанция была отмерена, метафоры обесценились, грандиозное стало принадлежностью смерти. То, что пишет о себе Всеволод Иванов, есть часть истории Гражданской войны в Сибири, которая была войной на рельсах. Это же, увы, часть русской литературы: *«Взят был в плен близ станции Тайга, где чуть не расстрелян партизанами. Позднее едва не умер в вагоне от тифа. В Новониколаевске руководил работами (зимой) по закапыванию в землю 40 000 белых солдат, убитых и замерзших»* («Писатели современной эпохи», М., 1928).

Совсем не задеть русских писателей Транссиб, конечно, не мог. Тема, спасавший Жучку из колодца, стал, как и его автор Гарин-Михайловский, изыскателем на прокладке железной дороги в Сибири (повесть «Инженеры», 1906). С Транссибом связаны произведения Леонова («Дорога на океан»), Твардовского («За далью даль»), какие-то советские фильмы («Поезд идет на восток», «Транссибирский экспресс» и др.), и все же приходится признать: одна из величайших побед Рос-

сии не нашла достойного художественного отражения. Современный пишущий люд и подавно не балует дорогу вниманием — есть и есть.

На фоне дореволюционного советский период в истории Транссиба тускл. Незадолго до войны тов. Сталин объявил, что Транссиб стал двухпутным на всем своем протяжении (к 1917 году оставалось немало однопутных отрезков), и это «великое достижение коммунистов». Рассекреченные документы показывают, что в 30-е годы путешествовать по Транссибу обожали иностранные дипломаты, особенно военные атташе, особенно японские. Когда был выбор, норовили ехать не через Харбин, а через Хабаровск. Донесения гласят, что дипломаты круглые сутки, по очереди, считали воинские эшелоны, записывали, какую и в каком направлении везут военную технику. Поэтому, добавляют знающие люди, по дороге ездило множество муляжей.

Дальше — вереница похожих друг на друга лет. МПС заменял рельсы, укреплял мосты под 60-тонные вагоны (вместо 20-тонных), отводил ветки на север (небольшие), электрифицировал путь, боролся с деформацией полотна — вечная мерзлота на Амурском отрезке вдруг раздумала быть вечной. Между 1970 и 1990 годами «Сибирский ход», как его зовут железнодорожники, пережил некоторый расцвет благодаря контейнерной реке Япония—Европа. Тогда СССР имел от транзита, по словам директора Института проблем глобализации Михаила Делягина, 15 млрд долларов в год. При всем уважении к г-ну Делягину нахожу эту цифру просто невозможной, но не имею другой. В 90-е контейнерная река (как бы она ни была широка в максимальный разлив) стала ручейком, доходы упали соответственно. Это стало возможно, как мне рассказали в МПС, во многом благодаря антирекламе конкурентов, морских компаний. Трудно ли им было найти материал для антирекламы? Российская кинодокументалистика 90-х внушала зрителям убеждение, будто идущие Сибирью грузовые поезда обречены быть разграбленными, хотя уровень краж на наших дорогах ниже среднемирового.

Сегодня, после полосы спада, Транссиб, не сглазить, на подъеме. Наконец-то завершена — у станции Ружино в Приморском крае — его электрификация, обновляются тоннели, благодаря изменению тарифной политики грузопоток неосстановимо растет, причем до полной загрузки дороги еще далеко.

Уверен, что осенью 2016 года у России будут и возможности, и желание отпраздновать настоящее столетие Транссиба. Лично я надеюсь в дни торжеств прокатиться по его самому красивому 90-верстному отрезку. Проложенный в нависающих над Байкалом утесах, этот перегон между станциями Порт-Байкал и Слюдянка I — со множеством тоннелей, виадуков, мостов и дивной красоты видов — был брошен после постройки Иркутской ГЭС и спрямления Иркутск-Култук. Брошен, к счастью, не совсем. Маневровый тепловоз дважды в сутки таскает по этой маленькой линии скромный поезд по прозвищу «Мотаня», возит дачников и постояльцев турбаз, остановки по требованию.

Наверняка здесь будет создан заповедник для любителей железнодорожной старины, так что в 2016 году от Слюдянки (от того самого мраморного вокзала) нас повезет дивный паровоз «щука» с сияющими латунными частями, и мы в старинном салон-вагоне сдвинем бокалы за дорогу, без которой Россия не была бы Россией.

II

По тому значению, какое оно имело для своего времени, первое широтное пересечение Евразии рельсовым путем сопоставимо с высадкой человека на Луне. Достаточно сказать, что *альтернативное, не через Россию, пересечение материка от Тихого океана до Атлантики начинает складываться только сейчас*, век спустя. Еще совсем недавно альтернативный путь имел два разрыва. У Китая не было железнодорожного выхода на Казахстан, а у Туркмении — на Иран. На самом закате СССР первый пробел устранили, введя в строй

переход Алашанькоу—Дружба. Стало возможно проехать от восточной кромки Азии — например, от Шанхая — до Южного Урала, не пользуясь Транссибом.

Второй разрыв исчез 12 мая 1996 года с пуском железной дороги Теджен—Мешхед между Туркменией и Ираном. Железнодорожники могли теперь возить грузы от того же Шанхая до, скажем, Гамбурга в обход России — только поверни на юг после станций Дружба и Актогай.

Но не возят. Смотрите, сколько набирается стран по пути после Китая: Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Иран, Турция, Болгария, Румыния, Венгрия, Австрия, Германия. То, что линия ломаная, не главная беда. Главная — что 10 границ. А это 20 пограничных и 20 таможенных контролей, и везде свои порядки, свои правила страхования грузов. Прикиньте, сколько задержек. И каждой стране заплати за транзит! Путь мало где электрифицированный, технически неоднородный, нередко однопутный и, вне Европы, почти сплошь по пустыням. Вдобавок идущий через земли мятежных курдов и другие проблемные регионы.

Среднеазиатская печать недоумевала: *«Вспомним объятия и поцелуи на стыке железной дороги из Туркмении в Иран. Стальная стрела пронзила тогда всю Евразию. Почему же ржавеет она, почему не оправдывает надежды?»*

Тут нужна ясность. Каждое отдельное плечо нового маршрута работает в естественном режиме. Станция Дружба стала важным транспортным выходом для Китая, а среднеазиатские республики получили через Иран доступ к Персидскому заливу (т. е. поперек «стальной стрелы»), хотя грузопоток здесь пока мал. Но мысль о контейнерной реке, которая потечет по придуманному маршруту через анфиладу стран от тихоокеанских к атлантическим берегам, заменяя морские перевозки, пока полностью вздорна.

* * *

В сентябре 1998 года в Баку прошла встреча 38 стран, посвященная «восстановлению исторического Шелкового пути».

Даже свежий российский дефолт не отвлек московские СМИ от этого события. Заголовки в них, как водится, были со злорадцей: «В проигравших только Россия», «В столице Азербайджана при фактическом отсутствии Москвы делили мир», «Россия скоро окажется не у дел». Читателя убеждали: дело решенное, ведь за него взялся сам Богатенький Запад.

Кому-то на БЗ не понравилось уже само предположение, что грузопоток из стран Дальнего Востока может в теории пойти через Иран. Ничто, решили там, не должно укреплять иранский режим, а тем более хоть как-то привязывать к нему Китай, Японию, Южную Корею, Тайвань, но вообще альтернатива Транссибу — дело хорошее. Дорога Теджен—Мешхед еще толком не начала строиться, а Вашингтон и Брюссель уже благословили проект «Шелковый Путь», он же «Трасека» (TRACECA).

Способ обойти Иран придумали знатный: прибыв из Китая в Среднюю Азию, составы пойдут не на Мешхед, а к Красноводску, ныне Туркменбаши. Здесь их вкатят на паромы и переправят через Каспий в Баку — если не подгадают к осенним штормам. Кстати, и без штормов каждый паром — это еще два пункта задержки. Далее маршрут смело рисовали так: одолев путь от Баку до Поти (Грузия), утомленный поезд должен будет переплыть еще одно море, Черное, и попасть в Варну (Болгария), либо Констанцу (Румыния), либо Ильичевск (Украина). Число стран, границ и паромов угрожающе растет, зато все новые участники бакинской встречи оказываются при деле и при транзитных сборах. Транспортная полиция, пограничники, таможенники потирают руки.

Но будет ли транзит? Ныне каждая цистерна с мазутом из Баку в Тифлис важно записывается на счет «Трасеки», хотя мазут тут возят уже 120 лет. Еще больше стаж перевозок хлопка через Каспий, но можно делать вид, что нынешний хлопок пересекает море исключительно благодаря изобретению «Трасеки». В июне 2003 года на транспортной конференции в Клайпеде прозвучали убийственные цифры: груз из Алма-Аты (не из Шанхая!) во Франкфурт-на-Майне, следуя «Трасекой», проведет в пути 33,5 суток зимой, 26,5 суток летом.

Но... В странах—участницах проекта открылись офисы, люди получили высокооплачиваемую (по меркам Бишкека, Еревана, Софии, Бухареста) работу. Ее хватит надолго — страны Евросоюза, для сравнения, утрясали вопросы тарифного паритета сорок лет. Утрясли на славу: сегодня европейский тариф на расстояние 2—3 тыс. км равен российскому на транс-азиатском маршруте длиной более 9 тыс. км. Удивительно ли, что в «Трасеку» не вступила Туркмения — страна себе на уме и ключевая на трассе?

Еще в марте 2003 года в Интернете висел засиженный мухами сайт www.trasesa.org с последним обновлением от октября 2001-го. Потом исчез и он. Некоторые видят за всем этим — порой с одобрением — руку Москвы. *«То, что Путину удалось сделать (и это пока не оценено), так это поломать коридор Запад—Восток (через Кавказ и Каспийский регион), который строили Америка и Евросоюз в обход России»*, — говорит известный немецкий публицист и политолог Александр Рар в статье, грозно названной «Европу ждет катастрофа» (www.rbcdaily.ru/news/person/index.shtml?2003/09/25/45570). Нет, Александр Глебович. Будь этот коридор жизнеспособным, никто бы не смог его «поломать».

Не спешил бы я соглашаться и с мнением бывшего министра транспорта Казахстана Н. К. Исингарина, который уверен, что возить через Кавказ в Европу и из Европы, по сути, нечего. Мол, межправительственные соглашения неспособны порождать грузопотоки. Жесткие политические увязки, случалось, творили и не такие чудеса.

Думаю, сотрудникам офисов «Трасеки» не грозит увольнение, проект живет — пусть пока искусственной жизнью, но живет. Однажды даже была проведена показательная доставка 200 тонн гуманитарного груза в Афганистан.

* * *

Куда больше, чем западный отрезок «Трасеки», интересен срединный. Тут планы помощнее. В Бишкеке и Ташкенте уже много лет уверенно говорят о железной дороге, которая вот-

вот проляжет из Китая через киргизский Тянь-Шань в Ферганскую долину. В Бишкеке твердо знают, что она пройдет от китайского Кашгара через перевал Торугарт, возродив по пути отсталую Нарынскую область. В Ташкенте же не сомневаются, что дорога пройдет древним караванным путем через Иркештам, верховья Алайской долины (почти 3500 м над уровнем моря) и по реке Гульча — так, мол, дешевле и короче. Несовпадение странное.

У того, кто бывал, как автор этих строк, в Алайской долине и спускался от перевала Томурун к Иркештаму (какие там тянь-шанские ели!), вызывает сомнения даже вторая версия, не говоря уж о первой. Параметры первой таковы: длина пути 577 км; на высоте 3600 м задуман тоннель длиной 4,4 км под перевалом Торугарт; и второй, под Ферганским хребтом, длиной 14 км; все это (внимание!) обойдется «почти в миллиард долларов». Прямо сказка.

Нужна ли дорога китайцам? Одноколейку к Кашгару у восточного подножия Тянь-Шаня они недавно протянули. Протянули вдоль пустыни (где случаются бури, способные опрокинуть вагон) прежде всего для переброски, при необходимости, войск против уйгурских сепаратистов. Спецслужбам Китая известны планы ваххабитов по созданию исламского государства в Ферганской долине, известны их связи с уйгурскими экстремистами в Синьцзяне. Китай готов связать своих врагов удобным сообщением?

И как обеспечить охрану дороги по эту сторону Тянь-Шаня? Как раз в ее полосе у Таджикистана, Узбекистана и Киргизии есть территориальные претензии друг к другу и конфликты из-за воды, СМИ даже сообщали о минировании спорных участков. Плюс южнокиргизский сепаратизм, недовоевавшие участники таджикской гражданской войны, близкий Афганистан с талибами и наркотиками, банды, уже бравшие в заложники японских геологов ... Короче, нынешняя Ферганская долина, если верить печати, место лихое. Правда, стоит ли ей верить? Она вечно делает из мухи слона.

Уже упомянутый Н. К. Исингарин считает, что затраты на дорогу не вернуть никогда: «Заработанных денег не хватит на

содержание самой „железки“». Но затраты не всегда главное. Главное — цель. В играх с паромами китайцам участвовать вроде бы ни к чему, путь в Европу дорога через Тянь-Шань не сокращает. Зато сокращает путь к Ирану, Персидскому заливу, арабским странам, становясь «политической дорогой», а на это есть соблазн потратиться.

Правда, Китай не так богат, чтобы браться за много политических проектов сразу — запускать человека в космос, вводить пенсионную систему, тянуть железную дорогу в Тибет (да, в Тибет! — она в основном уже построена, став самой облачной в мире). Вот почему, несмотря на все заявления о готовности Китая тянуть рельсы через Тянь-Шань, мы вряд ли скоро прокатимся в голубом вагоне из Оша в Кашгар. Хотя лично я, в силу неодолимой тяги к этой части мира, сделал бы это с радостью.

* * *

То, что Евразию, величайший материк мира, сто лет пересекал единственный рельсовый путь, было ненормально. Альтернативные пути не могли не появиться, и они появляются. Есть шансы у проекта Север-Юг (он же «Ганзейско-Хазарский»). Это путь из Северной Европы через Россию и Каспий (либо вдоль Каспия) в Иран, Пакистан, Индию — а может быть, и до Сингапура. Самой искусственной на фоне прочих смотрится «Трасека». Но не обречена и она. Политическая дорога может со временем даже стать доходной. Но стать новым Шелковым путем у «Трасеки» шансов нет.

И тут нам пора вспомнить о главной российской политической дороге, о БАМе. Ведь это еще одно пересечение Азии, хоть и незавершенное с востока.

Уже почти 25 лет БАМ — дежурная мишень наших золотых перьев. Решение строить эту дорогу приводят как пример брежневского бреда. Между тем как раз здесь мы имеем дело с крайне разумным шагом коммунистической власти. Поблагодарим судьбу за то, что этот шаг был сделан. Брежнев удивительно подгадал с БАМом, хотя едва ли знал, что ис-

пользует уходящую возможность. Строительство началось, а точнее возобновилось, в 1974 году, когда в СССР впервые хлынули нефтедоллары. Потяни Брежнев с этим решением лет 5—6, из затеи уже ничего бы не вышло.

Взгляните на карту. Во Владивостоке Транссиб упирается в море и может быть продолжен лишь вдоль него на юг, в Северную и Южную Корею, о чем уже шли разговоры. Иное дело БАМ. Его нынешнее окончание — порт Ванино — временно. БАМу естественнее выйти от Комсомольска на мыс Лазарева, к узкому месту Татарского пролива, ведь рано или поздно этот пролив придется преодолеть.

По ту сторону пролива, на сахалинском берегу, — мыс Погиби. 3 июля 1999 года Н. Е. Аксененко (тогда вице-премьер) посетил этот мыс, чтобы взглянуть, что уцелело от работ 1949—1953 гг. по прокладке тоннеля с Сахалина на материк — от штолен, шахт, подъездных путей, искусственного островка в проливе. Вице-премьер мечтал воскресить проект, закрытый постановлением Совмина СССР от 25 марта 1953 г. Говорят, Н.Е. хотел создать такой задел, чтобы в случае новых шахраний отступить было поздно. Увы, он не успел.

Отставка Аксененко подрубила его замысел, по каковому поводу передовая журналистика много ликовала. Мол, остановлено очередное закапывание денег в землю. Авторы подобных высказываний, люди самоуверенные, не сомневались, что пятью словами исчерпали вопрос. С другими чувствами следили за этими событиями влиятельные лица Японии. Задержимся на этом.

* * *

В 1989 году член японского парламента Синтаро Исихара подытожил тогдашнее расхожее мнение словами: «У США надежды нет». В том году множество «экспертов» и «наблюдателей» уверяли, что Япония достигла окончательного технологического превосходства над Западом и что «большая часть Калифорнии станет дочерним предприятием японской фирмы Matsushita». У всех громких пророчеств судьба одна.

Доля Японии в капитализации мирового фондового рынка с тех пор уменьшилась вчетверо. Япония уже много лет переживает вялотекущий кризис. Мощное участие правительства отучило ее экономику от саморегулирования. Центробанк Японии спасает положение новыми кредитами. Японские заемщики никогда не смогут вернуть, по подсчетам правительства, 52 трлн иен (416 млрд долларов). «Азиатские тигры» дышат Японии в затылок. У них огромное преимущество — дешевизна рабочей силы. Конечно, инерционная мощь японской экономики огромна, но она не бесконечна.

Япония все больше теряет на сроках доставки своих товаров в Старый Свет. Нет, сами сроки не растут — растет цена каждого дня. Экспортный груз везут с заводов в порты, там перегружают на суда, суда плывут 5—7 недель до Европы (через щель Суэцкого канала либо вокруг Африки), где груз еще раз перегружают и везут получателю. Если бы эти товары попадали с подъездного пути японского производителя на подъездной путь европейского получателя за две (пусть даже три) недели и без перегрузок, дела Японии пошли бы веселей. В эпоху сотовой связи и контрактов, заключаемых в Интернете, в эпоху месячного цикла обновления моделей (не только в компьютерной, но уже и в бытовой технике) склады продукции в Европе — больше не выход. Фактор «время в пути» становится все важнее.

В довершение с ростом цен на нефть растут расценки морских перевозчиков. Рано или поздно японцы последуют примеру англичан, переставших, благодаря тоннелю под проливом Ла-Манш, быть островитянами. География не оставила Японии выбора: с материком ее может связать только Сахалин, отделенный от нее проливом Лаперуза — альтернативный пролив, между Японией и Кореей, неодолимо широк.

До Сахалина тоже не близко, 43 км, но для японцев это приемлемо. Они уже проложили тоннель в 55 км от Хонсю до Хоккайдо (пущен в 1988 году). А уж тоннель с Сахалина на материк — тот, что собирался строить Аксененко, — на этом фо-

не смотрится пустяком: «всего» 8 км. Московский трест Трансстрой заново разработал проект этого тоннеля.

Краткая вспышка интереса к этой теме несколько лет назад породила несколько нелепых цифр. Писали, скажем, о магистрали Япония — Западная Европа длиной «свыше 20 тыс. км». На самом деле, от пролива Лаперуза до белорусской границы, с учетом достройки 390 км пути к Татарскому проливу, 8 км тоннеля и двух недостающих отрезков 110 и 65 км на Сахалине, в сумме получится 9979 км через БАМ или 10 647 км через Транссиб. Ну а от российско-белорусской границы до сердца Европы рукой подать — до Гамбурга 1500 км, до Парижа 2300, до Милана — 2400. То есть расстояние от Европы до японского берега не «свыше 20 тыс. км», а 12—13 тысяч.

Японский транзит, до 7000 контейнеров в сутки (так утверждает ряд источников), загрузил бы и БАМ, и Транссиб, принося России отличные деньги. За грузопотоками потянутся инвестиции — слишком уж много по пути сокровищ. Даже вечно нуждающееся МПС тянуло при Аксененко линии к стратегически важным Удоканскому медному, Чинейскому железорудному, Эльгинскому угольному месторождениям. Кстати, именно здесь Аксененко прищемил чью-то монополию, ему пришлось покинуть свой пост, на него было заведено уголовное дело. До суда дело не дошло: бывший министр умер от лейкоза.

* * *

Сегодня на пути транзитных проектов тяжелым бременем лежит курильский вопрос. Японским политикам приходится делать вид, что Японии и так хорошо. И поэтому сколько-нибудь крупные дела с Россией она будет иметь лишь после закрытия проблемы «Северных территорий». Но делать вид им слишком долго нельзя, часы тикают.

В курильский вопрос у нас редко углубляются до его истоков. В Японии же они ясны всем, но вслух о них не говорят. А когда кто-то проговорится, посвященных охватывает ужас.

Весной 2002 года в Японии были наказаны по службе 30 высокоих чинов, в основном из МИДа, якобы за «близость» к депутату парламента Мунэо Судзуки. А все потому, что Судзуки заявил на совещании по внешней политике (не публично, не на ТВ, не в газете!), что Южные Курилы Японии не нужны, вопрос порожден национальным самолюбием.

Реакцию на слова Судзуки не понять, не уяснив, что Япония до сих пор (и в куда большей степени, чем Германия) — страна с перебитым хребтом и раздавленной психикой. Минуло 64 года, но унижение капитуляции не прошло, хотя гордость не позволяет в этом признаться. Не забыты атомные бомбы, не забыта оккупация. Чужой генерал писал для японцев конституцию, неотесанные варвары навязали свой образ жизни древней и утонченной стране. Японцы не подают вида, что это их заботит, но почти любой просвещенный японец, кроме совсем молодых, носит в себе травматический невроз.

Улучшить японскую душу может лишь одно. После того как Москва не подписала Сан-Францисский договор 1951 года, в Японии решили, что создана зацепка, позволяющая оспорить территориальные трофеи СССР. Надежды резко выросли, когда Хрущев, не видевший пользы от каких-то там скал, в 1956 году выказал готовность отдать два малых острова ради мирного договора — тогда казалось, что договор страшно нужен. Махнуть рукой на раз возникший шанс японцам психологически невыносимо. Это стало бы концом надежды, что их поражение было все же не тотальным.

И что же, так будет всегда? Нет. Смена поколений делает свое дело. Внуки (в отличие от детей) тех, кто помнит 1945-й, воспринимают войну как седую древность. Политики — и вовсе не среднестатистические люди. Кое-кто среди них, даже из старшего поколения, видят вещи трезво. Но одно дело видеть, другое — признать вслух. Внешнее единодушие японского общества в вопросе об островах пока надежно препятствует российско-японскому взаимодополнению.

Мир не стоит на месте. Несмотря на все кризисы, цены на сырье в мире будут расти, что обусловлено идущим в гору спросом со стороны Индии, Китая, стран АТР и даже развивающегося мира. По образцу ОПЕК возникают картели производителей других сырьевых товаров. На встрече ВТО в Канкуне сырьевые страны объединялись во временные альянсы, лоббируя выгодные условия торговли и снижение импортных тарифов на рынках развитых стран. Данная тема хорошо освещена в статье лондонского эксперта Александра Кокшарова «Сырьевая эпоха» (<http://archive.expert.ru/expert/03/03-37-92/data/commod.htm>). Цитирую: *«Ситуация в мире такова, что развитые страны готовы пойти на подобные уступки [снижение ввозных пошлин и сокращение внутреннего субсидирования. — А. Г.], лишь бы третий мир не препятствовал глобализации... Ситуация исключительно благоприятна для России... Экспорт сырья не является „злом“ или уделом стран третьего мира. Рост спроса на сырье дает России возможность быстро развить свою экономику по модели, которую использовали Австралия, Канада и Норвегия. [Сюда можно добавить Чили. — А. Г.] Сегодня для России наиболее интересным примером является Австралия, которая в 50-е годы была достаточно отсталой страной периферии с зачаточной промышленностью и небольшим населением. Поскольку на равных конкурировать с бурно развивающейся Японией она не могла, было решено сделать ставку на продажу Японии сырья. В то время, как Персидский залив снабжал Японию нефтью, Австралия обеспечивала остальное — железную руду, уголь, бокситы, фосфориты, лес, шерсть, хлопок и зерно».*

Добавлю к этому, что, хотя «сырьевая подпитка» позволила Австралии лет за 25 развить вполне современную обрабатывающую промышленность, доля минерального сырья и металлов в структуре австралийского экспорта не только не упала по сравнению с началом 60-х, она выросла! При этом Австралия утратила для Японии роль почти монопольного

поставщика: сырье японцам стали продавать и другие страны, Австралия же расширила географию экспорта — так, ее глинозем и уголь доходят ныне даже до наших дальневосточных портов. Вроде бы все в порядке вещей, но Япония почему-то встревожена. Драчка по поводу того, куда России следует проложить нефтепровод — к Японскому морю или в Китай, — хорошо отразила эту тревогу.

* * *

Здесь и зарыта собака. Полуторамиллиардный Китай переживает период металлоемкого и материалоемкого развития. Китаю нужен почти весь набор сырья, какой может предложить Россия. Практически тот же набор нужен Евросоюзу, который тайком посматривает на Сибирь как на новый фронт Европы. А тут и США затеяли разговоры о желательности поставок углеводородов с российского Дальнего Востока на американский Дальний Запад. Япония смущена. Нет, она не останется без сырья, его на свете предлагается достаточно, но оно может стоить ей неприемлемо дорого.

Япония — самая дорогая страна в мире, и резервов снижения себестоимости экспортной продукции у нее все меньше. Быстрый транзитный путь через Сибирь ведет не только в Европу, он ведет к вожделенным месторождениям вдоль Транссиба и БАМа. Да вот беда — надо изображать незаинтересованность.

Налицо три фактора: Япония в масштабах мира продолжает относительно слабеть; Россия (отдельные активисты не в счет) не видит причин передавать острова Японии; возможность японской «тоннельной инициативы» скована психологическим фактором. В Японии есть осторожные лоббистские группы, которые приватно убеждают руководство страны не связывать себя политически в экономическом вопросе. В связи с деликатностью темы они прикрыты вывесками организаций типа «За связь Японии с азиатским материком» и «За вовлечение Сибири в международный грузовой транзит».

За вовлечение Сибири? Почему нет? Они сделают вид, что пекутся о наших интересах, а мы — что поверили в их альтруизм. И будем вместе подстегивать японскую «тоннельную инициативу». Ведь таковую должен проявить более заинтересованный, не так ли? Или же следует пощадить японские чувства, дать японцам возможность согласиться, «так и быть», на небезынтересное предложение? Это вопрос дипломатии. Сахалинским тоннелям можно придать статус международного транспортного проекта — поддержать такое начинание Японии будет психологически легче. Сейчас, когда в мире много неприкаемых денег, есть надежда привлечь их в глобальный проект под государственные гарантии.

Что же до мирного договора, проживем и без него. Декларация 12 декабря 1956 года, прекратившая состояние войны между СССР и Японией, на практике и была мирным договором (<http://www.dvuch.dvo.ru/article.php?n=356>), добавить к ней нечего. У хлопотунов в российских верхах за уступку островов ради мирного договора, боюсь, те же мотивы, что, по версии БСЭ (см. выше), двигали канцлером Ли Хун-чжаном.

Россия обязана проявить твердость в вопросе об островах не потому, что нас замучило безземелье, и даже не из-за единственного в мире месторождения рения на Итурупe, оцененного в десятки миллиардов долларов (не говоря уже о такой мелочи, как полмиллиона тонн ванадия), а потому что нельзя открывать ящик Пандоры.

Да, в 1956 году СССР был готов, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства», в качестве жеста доброй воли передать — а не возратить! — Японии два острова Малой Курильской гряды. Речь шла об акте дарения при выполнении одаряемой стороной неких условий. СССР той поры был источником смертельного ужаса для мира, ибо уже больше трех лет располагал термоядерным оружием, имел ракеты дальнего радиуса и готовил испытание межконтинентальных ракет, о чем мировые разведки отлично знали. Допускаю, что с высоты своей самоуверен-

ности он мог тогда себе позволить такой жест, да и то вряд ли. Теперь это уже не важно. Бог миловал, условия не были выполнены, дарение не состоялось.

Рассуждения о том, у кого — у России или Японии — и по какому договору XIX века больше юридических прав на Курилы, бессмысленны. Острова были отобраны у Японии на основании другого права — права победителя в наказание за 40 с лишним лет агрессивной политики. Об этом заранее договорились на Ялтинской конференции будущие победители. Они там много о чем договорились — в Ялте были определены послевоенные границы Германии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Финляндии. На фоне Германии, которая теряла ровно треть (по сравнению с 1914 годом) своей территории — в пользу, главным образом, Польши, — Япония отделалась легко: ее лишили всего-то Парасельских, Пескадорских и Курильских островов да попросили с Тайваня и Южного Сахалина. Ялтинские договоренности были затем закреплены в Потсдаме и Сан-Франциско. Японские притязания на Южные Курилы есть не что иное, как попытка пересмотреть итоги Второй мировой войны.

Наши госдеятели, заявляющие от большого ума о «наличии территориальной проблемы между Россией и Японией», тем самым ставят под сомнение границы России еще с четырьмя соседями, а также границы всех восточноевропейских стран, западные границы Украины и Белоруссии.

Делать подобные заявления — значит внушать японцам ложные надежды. Такие надежды два или даже три раза внушал японцам Ельцин — в частности, на встрече с «другом Рю» в Красноярске. Неудивительно, что Японии кажется: еще немного, и она дождет.

Если утрату островов японцы считают несправедливостью, то внушение ложных надежд вправе посчитать за оскорбление. Проблема островов — больной зуб Японии, его следует удалить резко, а не тянуть десятилетиями за ниточку. Напомнив перед удалением: у нас с вами есть куда более важный предмет для обсуждения.

...Можно ли однозначно ответить на вопрос, что такое Шелковый путь и где его истинное прохождение? Нет, говорят историки, в разные века он шел разными маршрутами. То через Пенджаб и Багдад к Тиру и Антиохии, то через Гоби, Джунгарские ворота, Хорезм и Хазарию к Дунаю, то через Мерв и Парфию к Константинополю. Называют и другие маршруты. В Валенсии я услышал, что конечным пунктом Шелкового пути долго был именно этот испанский город (тогда под арабским владычеством), почему здесь впервые в Европе стали выращивать рис и апельсины, делать бумагу и шелк, устраивать фейерверки. В крымском Судаке, показывая крепость, вам поведают, что она была возведена генуэзцами не для чего-нибудь, а для охраны Шелкового пути. Той же цели, скажут вам в Дербенте, служила и тамошняя цитадель. Наконец, совсем недавно, показывая разрушенный землетрясением город Бам на юге Ирана, наше ТВ просвещало публику: «Этот древний город возник на знаменитом Шелковом пути». Странно, что не добавили «как известно».

Напрашивается вывод, что название «Шелковый путь» приложимо к главной линии деловой и торговой активности главного материка мира в каждый данный период. А раз так, ничто не мешает ему еще раз пролечь иначе — на этот раз вдоль великой материковой оси Северной Евразии.

Вдоль этой оси словно специально расположились дивные богатства: нефть и газ — Юрубчинский блок (Красноярский край), месторождения Ковыктинское и Чаяндинское (верховья Лены и Южная Якутия соответственно), рудные месторождения — молибденовое Ореkitканское, титановые Олекминское и Большой Сэйим, свинцово-цинковые Озерное и Холоднинское, многочисленные месторождения золота (Токур, Покровское, Правоурмийское, Сухой Лог и др.), железорудное Жеронское, магнезитовое Савинское — начав, трудно остановиться. А также упомянутые выше коксующиеся угли, медь, олово и прочие сокровища, к которым

В. Е. Аксененко тянул, да не успел дотянуть ответвления БАМа.

Символично, что последние экономические события на этой оси — пуск Бурейской ГЭС, Северо-Муйского тоннеля, пассажирского сообщения Новый Уренгой — Москва, важнейших мостов через Северную Двину, Волгу, Каму, Обь, Томь, Чулым, Иртыш, Енисей, Бурею, Амур, а у западного конца оси — нефтяного терминала в Высоцке — так близко совпадают по времени.

* * *

К середине XXI века на Земле останутся лишь три природные кладовые сырья общемирового значения: морской шельф, Антарктида и Сибирь. По сравнению с первыми двумя, Сибирь будет восприниматься как легкое место для освоения. Руководство, деловой мир и общественность России должны проникнуться сознанием того, насколько велик кредит, открытый нам нашей географией.

Прошли времена, когда гарантией национальной безопасности России было бездорожье. Прошли и времена самоизоляции России. Понятно, что в развитии наших восточных регионов примут участие инвесторы не только Европы и Америки, но и Японии, Китая, АТР, арабских стран, Индии. Здесь, на этих землях, Россия могла бы в интересах всего человечества и в своих интересах примирить «атлантизм» и «евразийство».

Окажутся ли руководители России на высоте этих задач? Мы поймем это по их отношению к трансазиатским проектам. Пока что чертежи тоннеля под Татарским проливом положены в МПС под сукно: «Нерентабельно».

Пересекать Азию, строить Транссиб и БАМ было полностью нерентабельно с точки зрения бюджета любого периода. С точки же зрения государства по имени Россия эти шаги были абсолютной необходимостью, означали высшую рентабельность.

Великая держава может быть великой, долговечной и устойчивой лишь тогда, когда ее руководители мыслят не сиюминутными и местными категориями, но материками и столетиями.

...Отзвенев, словно песня,
Дни пройдут как часы.
Лягут синие рельсы
От Невы до Янцзы,
И мелькнет за перроном
Золотистый платок.
Поезд вихрем зеленым
Нас умчит на восток.
(Слова и музыка народные)

Русские немцы. Вопрос непростой

...в последнее время они часто называют себя «русские немцы» независимо от того, в каком государстве бывшего СССР живут.

(Народы России. Энциклопедия. М., 1995. С. 247)

Повод для этих заметок подала малотиражная книга «Немцы Санкт-Петербурга. Словник» (под ред. А. А. Гагина, В. Н. Рыхлякова и С. С. Шульца-мл. СПб., 1996. С. 104), хотя пишу я вовсе не рецензию. Словник — это список из 4 тыс. лиц, каждому из которых должна быть посвящена словарная статья в планируемом многотомном биографическом словаре «Немцы Санкт-Петербурга». Мало кто себе представляет, насколько трудно составление таких списков из-за неразработанности первичных материалов. Знатоки вопроса обожают указывать на пропуски (неизбежные) в таких списках. Я же, отдавая должное проделанной составителями работе, нахожу, что Словник, напротив, крайне избыточен, поскольку в список «немцев» попало великое множество людей, к немцам себя не относивших, и даже таких, чье причисление к иной, нежели русская, нации статусно немыслимо — я имею в виду императоров и членов императорского дома. Либо же будущий словарь неверно озаглавлен.

Даже как-то неловко доказывать, что в немцы, русские, поляки, французы (и т. д.) допустимо записывать лишь тех, кто по своему самосознанию были немцами, русскими, поляками, французами. Самый простой пример: в Словник включены десятки русских писателей вроде Дениса Фонвизина, Александра Блока, Зинаиды Гippiус, Юрия Олеши, Ольги Форш, Юрия Германа, то есть людей, которые заведомо не относили себя к немцам. Составители Словника то ли используют критерии советского ЗАГСа и отдела кадров, то ли верят, что беллетристический оборот вроде «в его жилах текло немало немецкой крови» имеет научную подоплеку, что есть кровь немецкая — в отличие от русской, польской, французской...

За 190 лет до выхода Словника куда вернее видел вещи отец Владимира Ивановича Даля, датский выходец Иоганн (Иван Матвеевич) Даль, наказывавший своим детям *«всегда помнить, что они Русские»*. Нет и причин думать, что Мария Христофоровна Даль, урожденная Фрейтаг, была не согласна с мужем. Важная оговорка: сам Владимир Даль был вправе сделать иной выбор, но не сделал. На склоне лет он вспоминал: *«Ступив [16-летним. — А. Г.] на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков»*.

Выбор Даля — абсолютно рядовой случай. Слегка уже, право, досадно, что и сегодня приходится разъяснять, как некую новость, вещи, совершенно ясные в старой России и современных демократических странах. Национальная принадлежность была и есть вопрос самоотождествления. Ни в паспорт, ни в какие-либо другие документы она, как язык и вероисповедание, не должны вноситься, будучи частным делом каждого. Нарком по делам национальностей т. Сталин и его наследники сделали из этой сугубо личной категории что-то вроде бирки с казенной печатью, которая навешивается на каждого человека с самого рождения. Став на большевистскую точку зрения и будучи до конца последовательными, мы, наверное, должны были бы объявить Всеволода Мейерхоль-

да немецким театральным деятелем, а Сергея Эйзенштейна немецким кинорежиссером — ведь у них в паспортах стояло «немец». Бориса Пильняка (настоящая фамилия Воган) пришлось бы признать немецким писателем. У большевиков, правда, было словцо-выручалочка «советский», довольно глупое: ведь никто не говорит «монархический композитор», «республиканский художник», «джамахирийский ботаник».

Если бы сказанное касалось лишь писателей, лексикографов, людей театра и кино, не стоило бы, за очевидностью, и затевать разговор. Дело, однако, в том, что и множество иных (треть, половина, две трети, кто определит?) включенных в Словник лиц никогда бы не согласились быть отнесенными к немцам. В первую очередь это касается государственных деятелей, дипломатов, военных. Причины, надеюсь, понятны. Если бы кто-то во Франции сказал: «А ведь наш генерал Шарль Хунцигер (Huntziger) был немцем», у его собеседника появилось бы право спросить: «Уж не потому ли именно он подписал акт о капитуляции Франции перед Германией 22 июня 1940 года?» И добавить: «А французский премьер-министр Пьер Береговуа (Beregovoy), тот был, вероятно, русским? Петя Береговой, n'est pas?»

Не будем упрощать, есть люди, всю жизнь разрывающиеся в своем выборе, меняющие выбор, не думающие о выборе, люди амбивалентного склада и т. д. И все же бесцеремонностью своего названия будущий словарь бросает тень на лояльность лиц, приносивших присягу на верность подданства, на верность службы, воинскую присягу.

Составителям Словника проблема, уверен, видна — хотя из предисловия к нему это и не явствует. А если видна, значит, они, как люди умные, справятся с ней. Политкорректность, над которой столько, и не всегда справедливо, потешаются во всем мире, решала и не такие головоломки. Например, дается задумчивое название типа «От немецких корней...» и поясняющий подзаголовок.

Больше мне нечего сказать непосредственно в связи со Словником, и я оставляю его в покое.

История крупной и влиятельной немецкой диаспоры в России слишком известна, чтобы ее здесь повторять. К 1914 году число российских жителей, чьим родным языком был немецкий, приближалось к двум миллионам. Там, где немцы империи жили своими поселениями, вроде Сарепты или Покровска в Саратовской губернии, Люстдорфа под Одессой или Еленендорфа (рядом с Гянджей в нынешнем Азербайджане), это были кусочки Германии — с характерными каркасными постройками, мельницами, кирхами, трактирами. В домах — пуховые перины, на которые жарко смотреть, не то что залезть под них; на салфетках готические надписи гладью: изречения из Библии и нравственные сентенции; по праздникам танцы под скрипку, свинина с капустой и пиво. Обитатели этих сел были немцами во всем, кроме подданства. Живя в своей среде, многие из них, особенно женщины, а также склонные к домоседству мужчины, могли за всю жизнь не узнать по-русски и дюжины слов. Незнание колонистами русского языка стало быстро исчезать после 1874 года, когда новобранцы из немецких сел пошли служить в русскую армию. До того в течение 111 лет (после указа Екатерины II, разрешившего «иностранцам» селиться в Российской империи) переселенцы и их потомки освобождались от призыва. Кстати, именно отмена этой льготы, а вовсе не попытки обращения в православие, как иногда уверяют, стала причиной переселения примерно 100 тыс. немцев из России за океан.

Другую картину мы видим, когда обращаемся к Петербургу. Молва создала ему славу почти немецкого города, хотя число немцев никогда не достигало там даже 50 тыс. человек (см. работу Н. Юхневой в сб. «Старый Петербург. Историко-этнографические исследования», Л. 1982. С. 27). Внутри же Петербурга самым немецким слыл Васильевский остров. Не зря роман Лескова о петербургских немцах называется «Островитяне». Часть из них, особенно купцы, сохраняли свое германское подданство. Но большинство составляли русские подданные, выходцы из остзейского края или, по-нынешне-

му, Прибалтики. Среди них было немало дворян и очень много ремесленников — булочников, колбасников, пивоваров, часовщиков. В интеллигентных профессиях немцы были очень заметны среди врачей, аптекарей, музыкантов, учителей. Петербургская немецкая пресса, петербургский немецкий театр, музыкальные и певческие общества были частью общенемецкой культуры. Печаталось немало книг местных немецких авторов, хотя не возникла (в отличие от пражской) самостоятельная петербургская немецкая литература.

Газета «Sankt-Petersburger Zeitung», одно из старейших в России периодических изданий, выходила в течение 188 лет, с 3 января 1727 года. Она всего на 25 лет моложе самой первой русской газеты «Ведомости». Кстати, в Словнике почему-то отсутствует Павел Константинович Кюгельген (Paul von Kügelgen, 1843—1904), ее издатель и редактор в течение 30 лет, видный публицист, профессор немецких педагогических курсов в Петербурге и уж точно «петербургский немец». Выходили и другие газеты, в частности «Nordische Presse» и «Sankt-Petersburger Gerold». Статьи из названных газет перепечатывались германской и европейской прессой.

Одной из важных статей дохода василеостровских немцев была сдача комнат жильцам. Не знаю, отмечал ли уже кто-нибудь следующую подробность. На Васильевском острове находились и важнейшие учебные заведения столицы — Петербургский университет, Академия наук (долгое время выполнявшая функции также и учебного заведения), Горный институт, Академия художеств, Историко-филологический институт, Метеорологические курсы, Училище торгового флота и, возможно, что-то еще. Среди студентов и слушателей было немало приезжих, и они, естественно, хотели жить вблизи «альма-матер». Они-то и снимали комнаты у василеостровских немцев. А у тех были дочери. И нередко, дело молодое, выпускник увозил из столицы вместе с дипломом жену-немку. Да и без этого жизнь в немецком доме не проходила для студента бесследно. Так вливалась струйка немецкого духа и бытовой культуры в русскую интеллигенцию, а с другой

стороны — таков был один из путей растворения немцев в русском море, их знаменитого обрусения.

Но в жизни ничто не бывает слишком гладко и мило. В романе немецкого классика Теодора Фонтане «Сесиль» говорится об участнике битвы под Плевной, немце родом, который покинул русскую армию, убедившись, что его товарищи-офицеры ненавидят и презирают все немецкое. Подобные чувства и впрямь имели место. Много путешествовавший в прошлом веке по России барон Август фон Гакстаузен-Аббенбург (кстати, именно ему мы обязаны дяцкскому уже 150 лет недоразумению с «традиционной русской общиной») объяснял эти чувства поведением остзейских немцев — надменных и вечно лезущих вперед.

Объяснение не вполне точное. После манифеста Петра III «О вольности дворянства» 1762 года, освободившего дворян от обязанности служить, русские дворяне все менее радостно шли в администрацию, предпочитая военное поприще, хозяйство или рассеянную жизнь. А вот у балтийских немцев была эта жилка — любовь к организации и управлению, и они охотно поступали на государственную службу, делая карьеру даже в самых глухих уголках империи. Поэтому для многих в России немец ассоциировался не с милым толстовским Карлом Ивановичем, а с Бенкендорфом, Дуббельтом и с их уменьшенными провинциальными подобицами.

Русский сановник из немцев нередко был воплощением душителя свободы именно в силу того, что добросовестно следовал букве, тогда как русские от века следовали правилу: дурные законы должно смягчать дурным их исполнением. Как пишет У. Лакер, *«Борьба против „русского немца“ стала для людей, подобных Герцену, навязчивой идеей»* («Россия и Германия наставники Гитлера», изд. «Проблемы Восточной Европы», Вашингтон, 1991. С. 71). Доходило до того, что остзейским служакам ставили в вину их русский патриотизм. А уж если находился пример, наоборот, непатриотичного поведения, радости в антинемецком лагере не было конца.

Ставя себя на непростое место русских (именно русских) Шульцев, Шмидтов и Миллеров конца XIX — начала XX века,

поражаешься тому, как все же ничтожно мало из них разрывались между двумя лояльностями. А уж если на вопрос: кто ты — русский или немец, сердце все же отвечало «немец», можно было просто уехать в Германию — как это сделал 120 лет назад Владимир Петрович Кеппен, будущий столп климатологической науки.

Но пришел роковой 1914-й — год начала всех наших несчастий. Буйная толпа сбросила с крыши германского посольства на Исаакиевской площади каменных (а кто-то пишет, будто даже бронзовых) коней и ведших их под уздцы Зигфридов и утопила в Мойке. Для множества жителей Российской империи — от царицы до сельских колонистов, многочисленных остзейских баронов и просто русских с немецкими фамилиями (почему-то у Михаила Булгакова обилие таких персонажей) — настали трудные времена. В начале войны прошла волна добровольной русификации: Вагенгеймы становились Вагиными, Шумахеры — Шуматовыми, Гагены — Гагиными, причем далеко не все делали это из страха. Люди верили, что идет вторая Отечественная и хотели отмежеваться от всего, что хоть как-то связывало их с врагом России. Вглядитесь в списки павших на поле боя — их печатали газеты той поры, — как много в них фамилий немецкого звучания, порой даже с приставкой «фон». Можно ли доказать преданность своей родине еще убедительнее?

Увы, даже это не предотвратило такого позорного события, как немецкий погром 27—29 мая 1915 года в Москве, с трудом усмиренный казаками. В 1915—1916 годах принимаются законы против «немецкого засилия» и «о сокращении иностранного землевладения и землепользования». Десятки тысяч человек выселяют из прифронтовой полосы и так называемых зон безопасности по берегам Черного и Азовского морей. Как оценить эти меры сегодня? У меня нет ответа. Особенно когда вспомню об одной из крупнейших диверсий мировой истории — взрыве и потоплении в севастопольской бухте новейшего русского дредноута «Императрица Мария» в октябре 1916-го. Много лет спустя открылось, что взрыв устроил инженер николаевского судостроительного завода

Виктор Эдуардович Верман. Такие вещи не исчезнут, пока народы воюют между собой. Вспомним зеркальный пример — сына русской матери, уроженца Баку Рихарда Зорге.

Люди меняли фамилии и в советское время, после Гражданской войны это стало моровым поветрием — полистайте газеты 20-х годов (о смене фамилии полагалось объявить печатно). И все же перепись 1926 года, т. е. до введения паспортов, учла в СССР 1 млн 200 тыс. лиц с немецким самосознанием. В 1939-м их насчитали 1 млн 400 тыс., и слово «немец» уже было вписано в их паспорта. Присоединение перед войной Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Буковины и Прибалтики мало увеличило эту цифру — почти все тамошние немцы на основе межправительственных соглашений выехали в Германию. Но вот что характерно. Во время войны в Германию выехало с оккупированных земель СССР 650 тыс. так называемых *фольксдойчей* — вдвое больше, чем их там в теории могло быть. Кроме того, вероятно, не все «паспортные» немцы зарегистрировались как фольксдойчи. Значит, большинство уехавших «на историческую родину», будучи по паспорту русскими, украинцами и так далее, смогли доказать свои немецкие корни. Если бы в годы оккупации действительно была вывезена половина наших «паспортных немцев», их число в СССР не оказалось бы по первой послевоенной переписи гораздо большим, чем до войны.

Приведенные цифры, иллюстрируя размытость этнических границ русских немцев, снова возвращают нас к вопросу: кого же считать немцами в нынешней России? Еще Лермонтов писал про одного своего героя: *«...его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец»*.

В 90-е множество русских немцев уехало в Германию. Они продолжают уезжать до сих пор. Некоторые называют их «так называемыми немцами». Думаю, это неверно. Говорить так — значит ставить под сомнение право людей на свободу самосознания и личного самоопределения, право выбора страны проживания и даже право на обиду за те муки и лишения, которые претерпели их родители, депортированные в Сибирь,

Казахстан, Киргизию. Да, по переписи 1989 году более половины паспортных немцев СССР (кстати, в какой бы республике они ни жили) назвали родным языком русский, а те, кто назвал немецкий, зачастую знали его архаичную форму, притом лишь на бытовом уровне. Однако достаточно того, что они сами считают себя немцами. Это их выбор.

В Германии они уже образовали своеобразную этническую группу, и, по-моему, это хорошо. Переселяясь за Одер, их семьи, часто смешанные, часто оставившие в России русскую родню, увеличивают число нитей, связывающих наши страны. Уверен, что отъезд этих людей не так уж сильно уменьшил нашу немецкую составляющую. Русские немцы не исчезнут в новой России. Вот увидите, в следующую перепись, несмотря на миллион уехавших, к немцам отнесут себя в России не намного меньше людей, чем в перепись 2002-го. Слава Богу, больше нет паспортов с графой «национальность», и в нашу страну возвращается понимание той истины, что этническая принадлежность — дело вольного выбора. Что же до людей, имеющих немецкую бабушку или немецкого прапрадедушку, их у нас, вероятно, миллионов двадцать. Этот простой факт делает Германию близкородственной нам страной.

Два с лишним века в Россию активно привносился немецкий элемент. Сегодня в Германию привносится элемент русский. Почему бы и нет? Старина Ницше, утверждавший, что наиболее желательная перспектива будущего — есть слияние германской и славянской рас, был бы, вероятно, доволен.

ГИМН ВЕЛИКОМУ ГОРОДУ

Самое первое, что можно сказать о Петербурге, это то, что он красив. Все другие определения идут уже потом. Красота Петербурга начинается с географической карты, тут у него в мире мало соперников. Когда я вижу этот последний меридиан, до которого здесь дотянулась на восток Атлантика, эту мощную дельту реки, дающей отток излишкам вод наших великих озер, реки такой короткой, но превышающей своей полноводностью Рейн и Днепр, вижу почти зеркальную симметрию берегов залива (с островом Котлином на его оси), симметрию обманчивую, ибо совсем не схожи между собой гранитно-сосново-озерный мир Карельского перешейка и мир смешанных лесов на ледниковых моренах приневской равнины, — когда я вижу все это, меня охватывает трепет любви.

Разглядеть Петербург

Говорят, что Петербург построен по образцу западноевропейских городов. Ничего не имею против, но покажите мне тот западноевропейский город, которому он подражал, хотел уподобиться. Такого просто нет.

Летом Петербург производит впечатление куда более южного города, чем он есть, благодаря обилию старых и мощных

деревьев, уцелевших, к счастью, в блокаду (на такие не было сил, вырубали мелочь). Когда задолго до въезда в город по сторонам Московского шоссе встают шеренги полуторавековых великанов, и этот почетный караул сопровождает вас почти сто верст, до Средней Рогатки, трудно поверить, что вы катите не к Полтаве или Таганрогу. А когда видишь исполинские ивы и дубы, что отражаются в водах Большой Невки там, где она разветвляется, обтекая Каменный, Елагин и Крестовский острова; когда видишь бесчисленные вековые вязы, в густоту крон которых, кажется, не просунешь кулак; видишь липы, каштаны, клены, так называемые пирамидальные (а на самом деле свечеобразные) тополя — в Таврическом и Летнем, Лавре и Шуваловском, в десятках безвестных садилов, вдоль улиц и каналов; видишь персидскую сирень, розы, тюльпаны, — начинаешь сомневаться, что этот тонущий (простите за штамп) в роскошной зелени город стоит на широте гренландского мыса Фарвел.

Так замышлялось от самого основания Петербурга, и замысел блистательно удался. Зато этот гиперборейский город, как ни странно, плохо рассчитан на зимнее восприятие и бывает хорош только совсем уж белым, в солнечный день — и чтобы каждая веточка была обведена инеем.

Совсем не знают Петербург те, чье любопытство не простиралось за пределы общеизвестных улиц, кто не ходил пешком от Пороховых через охтинскую плотину до Мечниковской больницы, из Озерков в Коломяги (эти места любил Блок), не добрал до музея старых паровозов в Шушарах; кого не сумели заманить к себе такие названия, как Воздухоплавательный парк, Турухтанные острова, Шкиперский проток, Бумажный канал. Безумно интересны и, настаиваю, красивы непарадные части города: его кладбища, пустыри, старая промышленная архитектура, особый прижелезнодорожный мир, мелкие речки и озера, — все эти Монастырки, Тарахановки, Красненькие, — но этого не объяснишь тем, у кого нет к подобным вещам склонности и вкуса.

Между прочим, я рад, что не родился здесь, что рос в Средней Азии — в ином во всех смыслах мире. У меня не бы-

ло бы такого острого чувства Петербурга, если бы я воспринял его в процессе познания окружающей действительности, воспринял как должное, не вызывающее радостного изумления. Мечтой многих лет было для меня переселиться сюда, останавливала лишь психологическая невозможность жить в городе с названием «Ленинград». Счастливейшим днем для меня стал тот, когда Петербургу было возвращено отнятое имя.

И все-таки один благой поступок есть даже за Лениным: он убрал отсюда столицу. Могу себе представить, какие «дворцы съездов» и ВДНХ, какие «высотные дома» и Новые Арбаты нагородили бы здесь, сколько было бы уничтожено сверх того, что успели уничтожить все эти Зиновьевы и Кировы, Ждановы и Толстиковы. Не будем их недооценивать: они проредили город сильнее, чем может показаться беглому взгляду, а кроме того, их трудами множество зданий, уцелев, оказалось в чуждом контексте. На каждом шагу видишь: свидетельства былого богатства и силы никак не вписываются в эту вот улицу, нелепы подле вот этих складов и гаражей, — видишь приметы жизни, подстреленной на небывалом даже для этого города взлете.

Из чрева китова

Ничто так не расскажет об изобилии, мощи и сложности погибшей в катастрофе 1917 года жизни, как справочник «Весь Петербург» за какой-нибудь, баснословный теперь, год начала века. Не могу его долго листать — закипает кровь. Какая устоявшаяся и состоявшаяся, уверенная в себе жизнь! И как много врала нам наша родная обличительная литература, тем громче взвинчивая бичующий голос, чем меньше на то оставалось причин, чем безопасней делалось такое занятие. Только теперь, пожив при свободе слова, уясняешь: смердяковщина может быть и талантливой, и очень талантливой; каждый обнародованный ее образчик непременно будет использован как социальный лом другими людьми — из тех,

кому не по душе более тонкий инструмент. Многие таланты начала века довольно скоро угодили под него, так и не поняв, откуда набрались своих диких идей эти кувшинные комиссарские рыла, пришедшие разрушить мир, который им, талантам, было так уютно чернить.

Вместе с исторической Россией была уничтожена российская столица. Точнее, был сокрушен ее мир как определенное устройство жизни, но уцелела трудносокрушимая физическая оболочка, город остался на своем месте, со своей Невой, Маркизовой лужей, чайками, долгими летними днями и белыми ночами, наводнениями, остались великаны-деревья, Ботанический сад, набережные, мосты, дома, каналы и даже добрая половина храмов. Когда вы находились в определенных местах города и смотрели под строго определенным углом зрения, могло даже показаться — о, совсем ненадолго! — что ничего не случилось. Ведь человек способен на минуту забыть даже о тячайшей своей потере. Но что-то оставалось и в самом пропащем, безнадежном, отпетом месте города, я это чувствовал всегда, — может быть, оставался тот магнетизм места, какой ощущали люди XVII века среди растаскиваемых на кирпичи форумов Рима. Грязь, запустение, обветшание, эти вечные спутники социализма, не смогли убить красоту бывшей столицы. Наверное, Золушка оставалась прехорошенькой и когда чистила печи, но сажа вредна для кожи красавиц. Красота Петербурга пронзала сердце печалью, а не радостью, что вовсе не входило в замысел создателей города.

Кое-что из построенного при большевиках — и не только в двадцатых и тридцатых, как принято думать, — не лишено обаяния. Например, замкнутые трехэтажные кварталы с фонтанами, возводившиеся сразу после войны на тогдашних окраинах. Они были хоть и упрощенной и к тому времени уже устаревшей, но все же попыткой воплощения идеи города-сада, с которой носилась в начале XX века вся Европа. Пройдитесь летом по какой-нибудь Дибуновской улице в Новой Деревне, и вы поймете, о чем речь. Но примерно с 1950-го воцаряется, лет на сорок, время потрясающего художест-

венного бессилия, какая-то эпоха евнухов. За все эти годы в Ленинграде не построено, по-моему, ничего, что не вызывало бы своим видом зубную боль. О спальных районах лучше умолчу. К счастью, вечно нищенский в советское время городской бюджет не дал советским Ленотрам загубить все обращенные к морю земли, изгадить незастроенный и очень уж сладкий кусок на Неве за Смольным (сейчас, правда, какие-то архитектурные виды на него объявлены). У Петербурга уцелели некоторые резервы. Все могло обернуться для него куда хуже.

Только гуляя по Парижу, где есть хороший обычай вешать на каждом доме табличку с указанием года постройки (и, конечно, имени архитектора), я понял, каких архитектурных пластов XX века мы недосчитываемся в Петербурге, в каком направлении мог бы развиваться его внешний облик и благоустройство, что за красавец и щеголь был бы он сегодня, если бы не прерывались свобода и богатство, понял, какими ободранными мы вышли из чрева китова. Но, главное, — мы все-таки вышли оттуда, и наш Петербург с нами. Мы выбрались! Выбрались сами. И какие-то люди еще талдычат о поражении России! Они смешны.

*«На земле была одна столица, все другие —
просто города» (Георгий Адамович)*

Раз уж упомянут Париж. Помню предательскую с юных лет мысль, что Петербург так чарует меня просто потому, что я не видел других мировых столиц. Каким же облегчением было убедиться, что даже в нынешнем состоянии, после долгой выматывающей болезни, он невозмутимо выдерживает сравнение с самыми прославленными городами. Он совсем другой, чем они, — и это замечательно; он не менее прекрасен, вот что главное. Сегодня он много беднее их, но он не всегда был беден, и его бедность не навек. Во многом же он непревзойден, и прежде всего — в использовании речной дельты.

Поражающий воображение Манхэттен, главная часть Нью-Йорка, стоит даже не на одном, а на двух огромных эстуариях — Гудзона и Ист-Ривера, но настоящих набережных Манхэттен почти лишен, там есть считанные места, где можно выйти к воде. Правда, говорят, там недавно появился отрезок настоящей прогулочной набережной вдоль Риверсайд-драйв. И это замечательно: лучше поздно — Нью-Йорк старше Петербурга, — чем никогда. Не слишком талантливо использовала свой «прекрасный и голубой» Вена. Превосходна система парижских набережных (особенно хороши двухъярусные), дивно смотрятся мосты Праги, но реки в этих двух столицах — просто речушки по сравнению с Невой. Есть другие города, отмеченные роскошеством речных вод, — Лондон, Будапешт, Каир — но нет более совершенного речного вида, чем тот, что открывается со стрелки Васильевского острова.

Случайность ли, или какой-то сверхчувственный инстинкт помог основателю империи выбрать среди плоских низин столь безошибочное место для крепости и дворца, для самой имперской по своему облику столицы в целом мире?

И есть ли еще другой город, события жизни которого — закладку крепости, «ледяной дом», доставку камня-грома, наводнения, подъем Александровской колонны, «Большие пожары» 1862 года, гульбу «братишек», блокаду — вспоминаешь как события собственной жизни?

Только раз я сумел провести в волшебном городе целое лето, и это было лето ничем не разбавленного счастья. Мне так и не случилось его повторить, но, может, это и правильно — не стоит девальвировать праздник. За три месяца случился, помню, от силы один дождь, буйный и веселый ливень, все остальное время небо было синим и в нем громоздились великолепно вылепленные облака. Морем пахло даже совсем далеко от моря и от Невы, проходили свои жизненные циклы тополя, осыпая город тоннами пуха, в свой черед цвели и пахли жасмин, сирень, шиповник, липа, а вдоль заброшенного Екатерингофского канала, густого от утопленников-бревен, на каждом суку висел стакан. Когда я

поздней осенью поделился своими восторгами с бывшим однокашником, выяснилось, что мы были в Питере одновременно, но погода, по его словам, все время была паршивая, лило не переставая, и — «как вообще можно там жить?». Наверное, правы были мы оба, просто каждый живет в своей погоде и в своих жизненных декорациях.

Когда я впервые попал сюда юнцом, все бытовые вещи в коммуналках — мебель, постельное белье, скатерти, посуда, абажуры и прочее — продолжали оставаться дореволюционными, хотя эпоха этих вещей и была уже на излете. Велико же оказалось наследие, если целые поколения не смогли его износить, разбить, амортизировать и промотать! Поколения переселенцев, миллионы простонародных выходцев из других краев, почти заместили прямых наследников и потомков. Это замещение более всего вдохновляет рыдальцев о Петербурге. Всем, наверное, доводилось слышать и читать и о городе с вынутой (вариант: пересаженной) душой, и о городе-декорации. Но жизнь смеется над теориями. Петербургский дух, переселяясь в новых людей, продолжал оставаться особым — как ни в чем не бывало. Так церковь использует священное миро, привезенное из Святой земли чуть ли не при Всеволоде Большое Гнездо, то есть 800 лет назад, всякий раз доливая обычного масла, едва сосуд опорожнится наполовину. Это продолжается веками, и святости не убывает.

Время за пропастью

Уяснить простые вещи не всегда легче, чем сложные. Однажды, лет двадцать назад, мне вдруг удалось понять, что такое непрерывность Петербурга. Мой друг и величайший знаток города Володя Герасимов (он, кстати, из самой простой семьи) водил нас с женой по «распутинским местам», пересказывая по памяти из журнала «Красный архив» то чьи-то мемуары, то жандармские сводки. У большинства людей прочитанное теряется в неупорядоченной куче, а он помнит

все, ибо любой единице информации его память находит точное место на пересечении осей времени и пространства: «где» и «когда». Неподалеку от Витебского вокзала мы подошли к дому со следами былой красоты, и Володя процитировал донесение агентов наружного наблюдения начала декабря 1916 года о том, как «старец» приехал сюда ночью на таксомоторе, долго трезвонил в звонок и в нетерпении разбил стеклянную вставку в двери. «До сих пор новую никак не вставят», — добавил Володя. И действительно, левое стекло — толстое, фацетное, — было на месте, а правое отсутствовало. На миг я остолбенел: 1916-й год, время за пропастью, что-то вроде пермского или мелового периода, если не протерозоя, оказывается, был вчера. Герасимов, конечно, шутил, хозяева дома имели уйму времени на починку двери, целых три месяца. Это уж потом наступили такие особые десятилетия, когда стало затруднительно сделать что бы то ни было, не говоря уже о вставке фацетных стекол. Миг остолбенения прошел, и — о чудо — пропасть, преодоление которой всегда требовало от меня психологической телепортации, сомкнулась без шва.

Правда, пришла другая крайность. Теперь, читая воспоминания о начале века, я слишком легко переселяюсь в тот, ушедший, мир и по мере приближения 1914-го или 1917-го всякий раз начинаю по-детски надеяться: а вдруг на этот раз, именно в этой книге, все повернется иначе? И эта надежда живет до последнего мига. Вот мемуары «Четыре трети нашей жизни» Нины Кривошеиной, урожденной Мещерской. Вечером 25 октября 1917 года мемуаристка слушала оперу «Дон Карлос» с Шаляпиным в переполненном театре Народного Дома на Кронверкском (при большевиках — кинотеатр «Великан»), после чего поехала к себе на Кировную трамваем, они тогда ходили мимо Зимнего, как нынешние троллейбусы.

«В окно трамвая я увидела Зимний дворец: много людей, рядами и кучками стояли юнкера, горели костры, несколько костров, и все было удивительно четко на фоне дворцовой стены. Мне казалось, что я даже разглядела некоторые ли-

ца юнкеров... как-то особенно четко и близко появились молодые лица у яркого ближнего костра; один юнкер чисто по-российски хлопывал себя руками...»

Это описание в очередной раз внушало сумасшедшую надежду: а вдруг сейчас произойдет что-то непредвиденное, дьяволов замысел поскользнется на какой-нибудь банановой корке, что-то предпримут — наконец! — генерал Алексеев, генерал Черемисов, дурацкий полковник Полковников... Или поезд со 106-м Финляндским полком изменника Свечникова сойдет к чертовой матери с рельсов где-нибудь у Белоострова... Но нет, продолжение безжалостно: и из этой книги, всего страницу спустя, я в тысячный раз узнал, что костры юнкеров горели недолго; в эту ночь произошел большевистский переворот.

Место силы

Петербург побуждает к размышлениям не только на темы альтернативной истории. В нем — лишь взглядишь и вслушайся — всегда присутствует легкое ощущение таинственного, где-то — совсем чуть-чуть, а где-то — очень мощно. Есть места со странным светом и странным эхом — например, Конный переулок. И не он один. Гоголь ничего не выдумывал: *«кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу, и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз»*.

Весь Заячий остров, без сомнения, — остров тайны. Но только когда Петропавловская крепость пустынна, есть шанс физически почувствовать эту тайну. Не знаю, как сейчас, но еще в 80-е по крепости можно было гулять ночью. Отчего-то это мало кто знал. Даже мои питерские друзья отказывались верить, что такое может быть. Неслыханный либерализм объяснялся просто: внутри крепостных стен оставались небольшие жилые дома. Служебное это жилье или нет, но запирае-

мые ворота нарушали бы право его обитателей являться домой и принимать гостей в удобное для себя время. Хорошо помню все три свои ночные прогулки по крепости с прекрасными спутницами. Один раз, не в белую ночь, а в довольно глухую октябрьскую, между великокняжеской усыпальницей и Невскими воротами я ощутил что-то вроде описанного Гоголем. Несомненная загадка присутствует и на Петроградской стороне, в треугольнике между Каменноостровским проспектом, улицами Рентгена и Льва Толстого.

Как нам объяснил мудрый и мрачный Кастанеда, у каждого — свое место силы. Правда, человек может прожить жизнь, не найдя свое место силы и не догадываясь о нем. На одном из сетевых форумов я прочел письмо «Лиды» из-за океана: «Как вспомню Питер, начинаю плакать, и все мне вокруг противно». Кажется, это не просто ностальгия. Слезы и отвращение к окружающему могут говорить о том, что Лида страдает от невозможности припасть к своему месту силы. Ей не следовало уезжать так далеко и необратимо.

А ведь сколько людей в XX веке уехало из Петербурга навсегда! В общей сложности, думаю, больше миллиона. Человека, не знающего нашу историю, эта цифра потрясет: в большие притягательные города по всему миру люди только приезжают. Приезжают и закрепляются любой ценой, чтобы покинуть их лишь при переселении в лучший мир. Случай Петербурга особый. Сперва, начиная с семнадцатого года, отсюда бежали, спасая жизнь. Потом были огромные высылки. В 1933 году в городах СССР была введена паспортная система и прописка. Паспорта дали всем, а прописывали не всех. Человеку говорили: «Вы классово чуждый элемент, сын священника, дворянин по матери, окончили гимназию. Значит, сочувствуете контрреволюции. Забирайте свой паспорт и выметайтесь с семьей из Ленинграда в 48 часов. Местом жительства вам назначается Астрахань (Архангельск, Нижний Тагил, Барнаул, Алма-Ата)...» Второй вал высылки был в начале 1935-го, вслед за убийством Кирова. Два эти вала унесли из города самое ценное население, сотни тысяч человек, и мало кто смог вернуться. Плюс угодившие в Большой террор

в лагеря и гнившие потом на каких-то «поселениях». А многие ли вернулись из тех, кто в 1941 году ушел на фронт, был отправлен в эвакуацию? Как постичь горе людей, всю оставшуюся жизнь мечтавших вернуться? Им тоже было невыносимо на новом месте, они тоже плакали. Боюсь, горше, чем Лида.

На этом фоне несколько десятков тысяч, уехавших за последние 30 лет, воспринимаются почти спокойно. Большинство из них уехали добровольно и даже с радостью. Им, наоборот, было тошно здесь. Пытаюсь поставить себя на их место. Тошно им было, видать, настолько, что подстановка не удастся, недоумение непреодолимо: как можно уехать из такого города, как можно согласиться жить в стране, где нет такого города?

Но пусть и они будут счастливы. Пусть каждому будет хорошо на его месте.

ЛИТЕРАТУРА

- Абсолютизм в России XVII–XVIII вв. — М., 1964.
- Авалиани С. Л. Земские соборы. — Одесса, 1916.
- Аграрная Россия: история, проблемы, перспективы (под ред. проф. В. М. Володина). — Пенза, 2007.
- Аксаков, Иван. «И слово правды...». — Уфа, 1986.
- Аксаков, Константин. Краткий исторический очерк Земских соборов. // Полное собрание сочинений. Т. 1. — М., 1861.
- Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). — М., 1976.
- Александровский Б. И. Народное правление в Древней Руси. — М., 1906.
- Алексеев В. Начало и конец самодержавия в России. — М., 1906.
- Анисимов Е. В. Народ у эшафота. // *Звезда*. № 11, 1998.
- Бабинок С. С., Гельд Н. Н., Комаров Е. А. др. Минусинскоеведение. — Минусинск, 2005.
- Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии. — М., 2007
- Бабкин М. А. Еще раз о позиции духовенства Русской православной церкви в 1917 году // *Свободная мысль*, 2009. № 1.
- [Балк А. П.] Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка. // *Русское прошлое*. 1991. Кн. 1. С. 26—28.
- Барбаро и Контарини в России. К истории итало-русских связей в XV веке. — Л., 1971.
- Безансон, Ален. Что остается от коммунизма? // *Русская мысль*, № 4315, 27 апреля 2000.
- Белокопский И. Земство и конституция. — М., 1911.
- Белоновские В. Н. и А. В. Представительство и выборы в России с древнейших времен. — М., 1999.
- Беляев И. Д. История русского законодательства. — СПб., 1999.

Блюменфельд, Герман. О формах землевладения в древней России. — Одесса, 1884.

Боборыкин П. Д. За полвека. — М., 2003.

Богданов И. А. Три века петербургской бани. — СПб, 2000.

Болотов, Андрей. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1—3. — М., 1993.

Большая советская энциклопедия [1-е изд.], Т. 1—65. — М., 1926—1948.

Бродель, Фернан. Время мира. Т. 3. — М., 1992.

Букреев В., Рудык Э. Труд и власть на предприятии в России. // *Москва*. № 6, 2004.

Булгарин, Фаддей. Иван Выжигин. — М., 2002.

Буровский А. М. Петербург как географический феномен. — СПб., 2003.

Вебер, Макс. Город. — Петроград, 1923.

Векслер А. Г., Мельникова А. С. Сокровища старого Гостиного двора. // *Наука и жизнь*. № 8, 1997.

Вести о России. Повесть стихах крепостного крестьянина. 1830—1840. — Ярославль, 1961.

Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. — Б. м. [Петроград], б. г. [1915].

Видекинд, Юхан. История шведско-московитской войны XVII века. — М., 2000.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1—3. — М., 1960.

Война Германии против Советского Союза. 1941—1945. — Berlin, 1992.

Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии. — М., 1997.

Волконский С. М. Воспоминания. В 2 т. — М., 2004.

Высочайше утвержденные основные государственные законы 23 апреля 1906 года. // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. — М., 1994.

Гальперин, Чарльз. Вымышленное родство: Московия не была наследницей Золотой Орды. // *Родина*. № 12, 2003.

Геллер М., Некрич А. История России. 1917—1995. В 4 т. Т. 3. — М., 1996.

Герасименко Г. А. Народ и власть, 1917. — М., 1995.

Герцен А. И. Былое и думы. (Многочисленные издания).

Герцен А. И. Россия. // Собрание сочинений в 30 т. Т. VI. — М., 1955.

Гессен И. В. В двух веках. // Архив русской революции. В 22 т. Т. XXII. Берлин, 1937 (репринт: М., 1993).

Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // *Вопросы истории*. № 8, 2002.

Головин Ф. А. Воспоминания о II Государственной думе. // [газета] *История*, № 16, 2002.

Горсей, Джером. Записки о Московии. — СПб., 1909.

Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI века. — М., 1974.

Горянин, Александр. Бог дважды подряд чуму не насылает. // *Русская мысль* (Париж). № 4144 (10—16 октября), 1996.

Горянин, Александр. Большой покер 1941 года. // В книге: «Вторая мировая: иной взгляд». — М., 2008.

Горянин, Александр. Борис Ельцин и отмена коммунизма. Как на лету переделать дирижабль в самолет. // *Россия*. № 16 (1017), 3—10 мая 2007.

Горянин, Александр и Трошин, Леонид. Борьба с коррупцией: системная задача // *Следователь*. № 2, 2007.

Горянин, Александр. Две России [Рецензия на книгу: Б. С.Пушкарёв. Две России XX века. Обзор истории 1917—1993. — М., 2008]. // *Посев*. № 9, 2008

Горянин, Александр. Зомби хлопочет впустую. // *Русская мысль*. № 4124 (2—8 мая), 1996.

Горянин, Александр. Как первую любовь.. // *Звезда*. № 7, июль 2007.

Горянин, Александр. Какие мы, русские? // *Комсомольская правда*, № 43 (22748), № 44 (22749), № 45 (22750), 12, 13 и 14 марта 2002.

Горянин, Александр. Как это могло случиться? К 90-летию большевистского переворота. // *Литературная газета*. № 40 (6140), 3—9 октября 2007.

Горянин, Александр. Когда на Руси было жить хорошо. // *Эксперт*. № 1 (590), 31 декабря 2007—13 января 2008. [англ. перевод: When It Was Good to Live in Russia // http://eng.expert.ru/printissues/expert/2007/01/kogda_na_rusi_bylo_zhit_horosho/]

Горянин, Александр. Кто против партнерского проекта? // *Независимая газета*. 12 марта 2004.

Горянин, Александр. Место силы. // В книге: «Мой Петербург». — М., 2003.

Горянин, Александр. Миграционная ловушка. // *Эксперт*. № 18 (512), 15—21 мая 2006.

Горянин, Александр. Мифическая община и реальная собственность. К истории одного недоразумения. // *Отечественные записки*. Т. 30 (№ 3, 2006).

Горянин, Александр. Мифы о России и дух нации. — М., 2002.

Горянин, Александр. Мост любви. // *Литературная газета*. № 11, 1991.

Горянин, Александр. «Мы не жалели о пройденном пути...» // *Новый мир*. № 2, 2000.

Горянин, Александр. Напрасное уныние в стане победителей. // *Главная тема*. № 5, апрель—май 2005.

Горянин, Александр. Не будем проклинать изгнание. // *Знание — сила*. № 12, 2004.

Горянин, Александр. Новое определение российского государства. [Рецензия на книгу:] Симон Кордонский. Ресурсное государство: сборник статей. — М., 2007. // *Отечественные записки*. Т. 39 (№ 6, 2007).

Горянин, Александр. Оптимистическое россияведение. — М., 2008.

Горянин, Александр. Ощутить историческую правоту. // *Отечественные записки*. Т. 39 (№ 6, 2007).

Горянин А. Б. Понять другой народ. // *Азербайджанская демократическая республика. Сборник статей, посвященный 90-летию Первой республики*. — М., 2008.

Горянин, Александр. Преображение России. — М., 2008.

Горянин А. Б. Проблема культурного пространства: На примере России и Украины. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. 2001, № 2.

Горянин, Александр. Разглядеть самих себя. // *Литературная газета*. № 45(6197), 6 ноября 2008.

Горянин, Александр. Россия и традиция собственности. // *Эксперт*. № 44 (490), 21—27 ноября 2005.

Горянин, Александр. Россия не нуждается в миграционной подпитке. // *Главня тема*. № 9, февраль—март 2006. [сокращ. франц. перевод: La Russie n'a pas besoin de politique pro-immigration // *Polemia*, 11 Novembre 2006 // http://www.polemia.com/create_pdf/index.php?cat_id=21&idoc=1361]

Горянин, Александр. Русская демократия — не новодел. // *Эксперт*. № 22 (469), 13—19 июня 2005.

Горянин, Александр. Русская история и доцентская публицистика. // *Журналист*. № 9, сентябрь 1997.

Горянин, Александр. Русское богатство. // *Отечественные записки*. № 6, 2004.

Горянин А. Самая большая угроза. // В книге: М. Леонтьев, В. Березовский, Р. Шайхутдинов, Е. Чудинова, С. Кургиян, Д. Алексеев, А. Горянин. Грозит ли России «оранжевая революция». — М., 2005.

Горянин, Александр. Спасение вымирающих // *Литературная газета*. № 39—40 (6244), 30 сентября — 6 октября 2009.

Горянин, Александр. Традиции свободы и собственности в России: от древности до наших дней. — М., 2007.

Горянин, Александр. Третий ребенок. Государство в силах увеличить рождаемость. // http://www.globalrus.ru/all_actions/child

Горянин, Александр. Фантомные боли Америки. // *Профиль*. № 2 (605), 26 января 2009.

Горянина, Дарья. Ответчик за красный террор. // *Русская мысль*, 17 октября 2002.

Грациози, Андреа. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933. — М., 2001.

Грегори, Пол. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. — М., 2003.

Грэхэм, Лорен. Призрак казненного инженера. Технологии и падение Советского Союза. — СПб., 2000.

Громыко, Марина. Мир русской деревни. — М., 1991.

Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. — М., 1993.

Двинская Уставная грамота. // *Российское законодательство X—XX веков*. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — М., 1984.

- Демографический энциклопедический словарь. — М., 1985.
- Дерлугьян, Георгий. «Понаехали тут!» по-американски // *Известия*, 18 января 2006.
- Дерябин В. Е. Современные восточнославянские народы // В книге: «Восточные славяне. Антропология и этническая история». — М., 1999.
- [Джувеини, Ала-ад-Дин Ата-Мелик] Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувеини. — М., 2004.
- Дмитриев А. В. [и др.]. Где живет советский человек. — М., 1988.
- Домострой. — Омск, 1992.
- Дон Хуан Персидский. Путешествие персидского посольства через Россию, от Астрахани до Архангельска, в 1599—1600 гг. — М., 1898.
- Дуров, Алексей. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. — Томск, 1891.
- Дьяконов М. А. Власть московских государей. — СПб., 1889.
- Дьяконов М. А. Избрание Михаила Федоровича на царство. — СПб., 1913.
- Дэвис, Норманн. История Европы. — М., 2004.
- Еремян В. В. Муниципальная история России. — М., 2003.
- Ермолай (Еразм) Прегрешный. [Сочинения] // А. И. Клибанов. Сборник сочинений Ермолая-Еразма. // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР*. Т. 16, 1960.
- Есиков С. А., Канищев В. В. «Антоновский НЭП» (организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920—1921) // *Отечественная история*, № 4, 1993.
- Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. — Архангельск, 1913.
- Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. // *Журнал Министерства народного просвещения*. № 9, 1876.
- Жевахов Н. Д. Воспоминания. — М., 1993.
- Забелин И. Е. Дело о ссоре межевых судей стольника князя Василия Большого Ромодановского и дворянина Лариона Сумина. // *Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете*. Вып. 7, 1848.
- Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. — М., 1970.
- Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 года // *Труды Воронежского университета. Педагогический факультет*. Т. 3. Воронеж. 1926.
- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. — М., 1991.
- Земляной, Сергей. Невежество как демоническая сила. Ричард Пайпс в роли странствующего политического проповедника. // [интернет-издание] *Русский журнал*, 11 августа 2000 <http://old.russ.ru/politics/polemics/20000811_zemlyano.html>
- Зерцалов А. Н. О мятежах в городе Москве и селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 годов. — М., 1890.
- Зимин А. А. Русская правда. // *Советская историческая энциклопедия* в 16 т. Т. 12. — М., 1969.
- Зинн, Говард. Народная история США: с 1492 года до наших дней. — М. 2006.

Золотухина Н. М. Концепция сословно-представительной монархии в русской средневековой политической теории. // *Правоведение*. № 1, 1988.

Зябров А., Механик А. Похороны левого мифа. // *Эксперт*. № 17, 2005.

Иголкин А. А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917—1920 годах. — М., 1999.

[Митрополит] Иларион. Слово о законе и благодати [древнерусский текст и перевод]. // *Альманах библиофила*. Вып. 26, 1989.

Ильинский, Петр. Мнимое лекарство. Негативный образ России в западных СМИ. // *Русский журнал*, 9 января 2003 <<http://old.russ.ru/politics/20030109-pi.html>>.

Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX — начала XX в. — М., 2001.

История крестьянства Северо-Запада России. — СПб., 1994.

Кабаков, Александр. Так уже было. // Сайт «РИА Новости», 21 апреля 2005 <<http://www.rian.ru/authors/20050421/39721566.html>>.

Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. — М., 1990.

Кабузан В. М. Русские в мире. — СПб., 1996.

Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. — М., 1998.

Кавелин К. Д. О книге Б. Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке». // *Собрание сочинений К. Д. Кавелина*. Т. 1. — СПб., 1897.

Каннингем Дж. У. С надеждой на собор. — Лондон, 1990.

Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономико-историческое исследование. — М., 2000.

Карпов, Федор. [Сочинения] // В книге: «Памятники литературы Древней Руси: конец XV—1-я половина XVI в.» — М., 1989.

Катков М. Н. К какой мы принадлежим партии? // *Русский вестник*. № 7, 1862.

Катков М. Н. О самодержавии и конституции. — М., 1905.

Кива, Алексей. Памперсы для Пайпса. // [интернет-издание] *Новая политика* <<http://www.novopol.ru/article6703.html>>.

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. — М., 1994.

Ключевский В. О. Курс русской истории. — М., 1987—1989. Т. 1—5

Ключевский В. О. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам. — М., 1884.

Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1991.

Князьков С. А. Допетровская Русь. — М., 2005.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. — М., 1985.

[Колл. авторов под рук. проф. В. Л. Глазычева.] Высшее образование в России. Аналитический доклад. — М., 2004.

[Колл. авторов, научный рук. В. Н.Княгинин.] Постиндустриальный переход в высшем образовании России на примере анализа развития рынка образовательных услуг Северо-Запада РФ. — СПб., 2005.

Коллинс, Самюэль. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. — М., 1846.

Корб, Иоганн. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). — СПб., 1906.

Коренев С. А. Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. В 22 т. Т. VII. Берлин, 1922 (репринт: М., 1991).

Коринфский А. А. Народная Русь. — М., 1995.

Косарев А. И. Избирательная коррупция в Англии XVIII века. // *Правоведение.* № 4, 1961.

Костецкий П. В. Химики ГУЛАГа. — М., 2002.

Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. — М., 1993.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М., 2006.

Костомаров Н. И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). — М., 1994.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 2000.

Кофод К. А. 50 лет в России. — М., 1997.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. В 2 т. (репринт изд.: СПб., 1755) — СПб.—Петропавловск-Камчатский, 1994.

Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. — М., 1999.

Крижанич, Юрий. Политика. — М., 1965.

Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...» Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы. // *Нестор: Журнал истории культуры России и Восточной Европы*, № 11, 2007.

Куруц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1916.

Кюхельбекер, Вильгельм. Сочинения. — Л., 1989.

Лазаревский Н. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. — СПб., 1910.

Лакер У. Россия и Германия — наставники Гитлера. — Вашингтон, 1991.

Леонтович В. В. История либерализма в России. — М., 1995.

Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. — СПб., 1914.

Леонтьев, Михаил. Большая игра. — М.-СПб., 2008.

[*Лизек, Адольф*] Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 году. — СПб., 1837.

Литвак, Борис. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX века. В сб.: «История и психология». Под ред. Б. Ф. Поршнева. М., 1971.

- Лихачев Д. С.* Раздумья о России. — СПб., 2001.
- Лобанов М. П.* Сергей Тимофеевич Аксаков. — М., 1987.
- Лосев К. С.* Климат: вчера, сегодня.. и завтра? — Л., 1985.
- Лукоянов И. В.* У истоков российского парламентаризма. — СПб., 2003.
- Лурье С. В.* Как погибала русская община. // В книге: «Крестьянство и индустриальная цивилизация». — М., 1993.
- Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. — М., 1996.
- Любомиров П.* Старообрядчество. // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 41, ч. IV. М., [1927].
- Майол Э., Милстед Д.* Эти странные англичане. — М., 1999.
- Маковский Д. П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. — Смоленск, 1960.
- Маколей, Томас.* История Англии // Полное собрание сочинений в 16 т. — СПб., 1860—1866.
- Маржерет, Якоб.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 года по сентябрь 1606 года. — М., 1913.
- Махнач В. Л.* Историко-культурное введение в политологию. // В книге: «Политика. Основные понятия». — М., 2005.
- Махнач В. Л.* Россия в XX столетии (Диагноз историка культуры). // В книге: «Иное. Хрестоматия нового российского самосознания». — М., 1995.
- Мацкевич, Юзеф.* О «сказочном» времени. // Юзеф Мацкевич. От Вили до Изара. Статьи и очерки (1945—1985). — Лондон, 1992.
- Межуев, Борис.* Новое евразийство-2. // Агентство политических новостей (АПН.ру). 18 января 2005 <http://www2.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=333&do=view_single>.
- Мейерберг, Августин.* Путешествие в Москву. — М., 1874.
- Меньшиков М. О.* Выше свободы. — М., 1998.
- Мец, Адам.* Мусульманский Ренессанс. — М., 1973.
- Мизес Л. фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М., 1993.
- Милов, Леонид.* Земельный тупик. — *Независимая газета. НГ-Религии*, 20 февраля 2001.
- Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М., 2001.
- Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. (4 книгах). — М., 1993—1995.
- Минаева Т. М.* Очерки археологии Ставрополя. — Ставрополь, 1965.
- Миронов Б. Н.* Мифологема о системном кризисе в России после Великих реформ // *Нестор: Журнал истории культуры России и Восточной Европы*. № 11, 2007.
- Миронов Б. Н.* «Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями»: борьба общественности с монархией в конце XIX—начале

XX века // В книге: «Россия и мир. Панорама исторического развития». — Екатеринбург, 2008.

Миронов Б. Н. Системный кризис в России в царствование Николая II — факт или артефакт? // В книге: «Император Николай II и его время». — Екатеринбург, 2008.

Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства, 3-е изд. В 2 Т. — СПб., 2003.

Миронов Б. Н. Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия» — миф, придуманный большевиками // *Родина*. 2006. № 1.

Митрохин, Ник. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953—1985. — М., 2003.

Михник, Адам. Возрожденная независимость и бесы бархатной революции. // *Континент*. № 103, 2000.

Мишле, Жюль. Народ. М. — 1965.

Морозов, Олег. Пусть все работают на исторический успех России. // *Политический журнал*, № 22 (117), 19 июня 2006.

Мороховец Е. А. Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1. — М., 1931.

Москва. Адресная книга. 1924 год. — М., 1924.

Мы жили тогда на планете другой... Антология поэзии русского зарубежья. 1920—1990: В 4 кн. — М., 1991—1997.

Народы России. Энциклопедия. — М., 1994.

Нефедов С. А. А было ли иго? // *Урал индустриальный*. — Екатеринбург, 2001.

Нефедов С. А. Уровень жизни России XVII века // *Уральский исторический вестник*. № 9, 2003.

[*Никитин, Афанасий.*] Хожение за три моря Афанасия Никитина. — Л., 1986.

Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрова. Т. 1—29. — СПб.—Петроград, 1911—1916.

Нольде Б. Очерки русского конституционного права. Вып. I и II. — СПб., 1908—1909.

Обнинский В. Новый строй. — СПб., 1909.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. — Вашингтон, 1981 (репринт: М., 1991).

Орлов А. И. Менеджмент. — М., 2003.

Отечественная история. Энциклопедия (главный редактор акад. В. Л. Янин). Т. 1—3. — М., 1994—2000.

Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. — М., 1990.

[*Павел Алеппский*] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. — М., 2005.

Павленко Н. И. К истории земских соборов XVI в. // *Вопросы истории*. № 5, 1968.

Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. — М., 1997.

Пайпс, Ричард. Коммунизм — М., 2002.

Пайпс, Ричард. Россия при старом режиме. — М., 2004.

Пайпс, Ричард. Собственность и свобода. — М., 2000.

Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александром Голубцовым. // *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 1892. Кн. II, отдел второй: 1644—1645 гг.

Панов Е. Д. Христофор Семенович Леденцов. // *Вестник Российской академии наук*, 2004, Т. 74, № 1.

Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Александр Панченко. О русской истории и культуре. — СПб., 2000.

Патрикеев, Вассиан [Сочинения]. // Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. — Л., 1960.

Пересветов, Иван. Сочинения. — М.—Л., 1956.

Перхавко, Валерий. Первые купцы российские. — М., 2004.

Петров А. В. О вечевом народовластии в древнем Новгороде. // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. — СПб.—Ижевск, 2001.

Петров А. В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII века. // В книге: «Генезис и развитие феодализма в России». — Л., 1988.

Пикер, Генри. Застольные разговоры Гитлера. — Смоленск, 1993.

Пиленко А. Русские парламентские прецеденты. — СПб., 1907.

Платонов С. Ф. Вече в Великом Новгороде. Конспект лекции, прочитанной 23 апреля 1915 г. в Новгороде. — Новгород, 1916.

Платонов С. Ф. Московские земские соборы. // В книге: «Москва в ее прошлом и настоящем». Часть первая, вып. II — [М.], 1909.

Повесть временных лет. Ч. 1–2. — М. — Л., 1950.

Повесть о Земском соборе 1613 года. // *Вопросы истории*. № 5, 1985.

Покровский М. Н. Земский собор и парламент. // В книге: «Конституционное государство». — СПб., 1905.

Попов, Гавриил. Вопрос о тарифах — вопрос о единстве страны // *Независимая газета*, 26.12.05.

Правда о Патриархе. Никон, Святейший Патриарх Московский и всея России. — Б. м. [М.], б. г. [2002].

Программа действий «По пути суверенитета Латвии» // *Советская Латвия*. 5 сентября 1989.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. — М., 1950.

Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. — Нью-Йорк, 1952. В 2 т.

Прокофьева Л. М. Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России. // *SPERO* № 6, Весна—лето 2007.

Против смертной казни. — М., 1907.

Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. — М., 1905.

Псковская Судная грамота. // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — М., 1984.

Пушкарев Б. С. Две России XX века. Обзор истории 1917—1993. — М., 2008.

Пушкарев С. Г. Самоуправление и свобода в России. — Франкфурт, 1985.

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — М., 1989.

Пушкин А. С. История Пугачева (Многочисленные издания).

Пушкин А. С. Мысли на дороге (Путешествие из Москвы в Петербург) (Многочисленные издания).

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. — М. — Л., 1952.

Распутин, Валентин. Боль запасной земли. // *Родина*. № 5, 2000.

Редлих, Роман. Предатель. — Мельбурн, 1981.

Рейтенфельс, Якоб. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме III о Московии. — М., 1906.

Репрессированные геологи. Изд. 3-е, испр. и доп. — М.—СПб., 1999.

Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли. // З. И. Рогинский. Лондон 1645—1646 годов. Новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию. — Ярославль, 1960.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви. — М., 2008.

Россия в цифрах: 2008. Краткий статистический сборник. — М., 2008.

Россия — вторая в мире по числу мигрантов. // <http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4118000/4118268.stm>.

Россиян оказалось слишком много // <<http://www.rbcdaily.ru/archive/2004/11/12/31197>>

Рубакин Н. А. Много ли в России чиновников? // *Вестник Европы*, январь 1910.

Русак, Владимир. История российской церкви. — [Джорданвилль, США], 1993.

Русская правда. // Российское законодательство X—XX веков, в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — М., 1984.— М., 1984.

Русское общество 40—50-х годов XIX века. Сост. Н. И. Цимбаев. В 2 ч. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. — М., 1991.

Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. — М., 1958.

Савич Г. Новый государственный строй в России. Справочная книга. — СПб., 1907.

Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Кн. 1. — Самара, 1991.

Саркисянц, Мануэль. Английские корни немецкого фашизма. — СПб., 2003.

Саркисянц, Мануэль. Россия и мессианиззм. — СПб., 2005.

Семевский В. И. Крестьяне различных наименований в XVIII и первой половине XIX в. // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 25. — М., б. г. [1914].

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1—2. — СПб., 1888.

Сибрайт, Пол. Либералы и чужаки // *Русский журнал*, 7 июня 2004.

Сироткин, Владлен. Демократия по-русски. — М., 1999.

Сироткин, Владлен. Русская аномалия. // Электронный альманах «Лебедь», № 271. 12 мая 2002 <<http://www.lebed.com/2002/art2925.htm>>.

Сколько взяток платит Россия? // <<http://www.anticorr.ru/news/news420.html>>.

Сколько тратит Россия? // *Ведомости*. 18 февраля 2005.

Скрынников Р. Г. Начало опричнины. — Л., 1966.

Словарь-справочник «Слово о полку Игореве»: В 6 выпусках — Л., 1965—1984.

Словцов П. А. История Сибири. — М., 2006.

Слонимский Л. Конституция Российской империи. — СПб., 1908.

Соборное Уложение 1649 года. // Российское законодательство X—XX веков, в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. — М., 1985.

Советская историческая энциклопедия. Т. 1—16. — М., 1961—1976.

Солдатова О. Н. Изобретатели в ГУЛАГе. — Самара, 2004.

Солженицын, Александр. Предисловие к серии «Исследования новейшей русской истории». // В. В. Леонтович. История либерализма в России. — М., 1995.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1—15. — М., 1959—66.

Солоневич И. Л. Народная монархия. — М., 1991.

Солоневич И. Л. Россия и революция. — М., 2007

Солоухин, Владимир. Последняя ступень. — М., 1995.

Солоухин, Владимир. При свете дня. — М., 1992.

Сорокин, Питирим. Голод как фактор. — М., 2003.

Спасский И. Г. Русские ефимки. — Новосибирск, 1988.

Стендаль. Письмо графине Дарю 16 октября 1812 года. // Собрание сочинений. Т. 15. — М., 1959.

Степанов А. Крестьяне-капиталисты. — Л., 1927.

Степанов Н. Н. Исторические воззрения А. С. Пушкина. — Л., 1949.

Стоглав. // Российское законодательство X—XX веков, в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования Русского централизованного государства. — М., 1985.

Судебник 1550 года. // Российское законодательство X—XX веков, в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования Русского централизованного государства. — М., 1985.

Судебный процесс по делу руководителей антисоветских белогвардейских организаций, агентов японской разведки атамана Семенова, Родзаевского и др. // *Правда*, 1946, 28 августа.

Сэй-Сенагон. Записки у изголовья. — М., 1975

Тарле Е. В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной? // Сочинения в 12 т. Т. 4. — М., 1958.

Тарле Е. В. Запад и Россия. — Петроград, 1918

Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920—1930-х годах. — М., 2007.

Терещенко, Александр. Быт русского народа. Ч. I. — СПб., 1848.

Тесля А. А. История законодательства о праве поземельной собственности в России с IX по начало XX века. — Хабаровск, 2004.

Тимофеев, Иван. Временник. — М.—Л., 1951.

- Тихомиров, Лев. О недостатках Конституции 1906 года — М., 1907.
- Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков — М., 1973.
- Тихомиров М. Н. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского. // *Вопросы истории*. 1946, № 4.
- Толстов С. П. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. // *Вопросы истории*. 1946, № 4.
- Толстой, Лев. Записная книжка № 4. // Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 48. — М.—Л., 1952.
- Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. — М., 1995.
- Тревелльян Дж. Социальная история Англии. — М., 1959.
- Третьяков, Виталий. Вопросы, на которые мы не ответили. // *Стратегия России*. Апрель, 2005.
- Троицкий В. М. Очерки семейной хроники. — Тула, 2005.
- Тростников, Виктор. Мысли перед рассветом. — Париж, 1980.
- Троцина, Константин. История судебных учреждений в России. — СПб., 1851.
- Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. — М., 2003.
- Тэн, Ипполит. Старый порядок. — СПб., 1907.
- Ульянов, Николай. Замолчанный Маркс. — Франкфурт, 1969.
- Успенский, Глеб. Из деревенского дневника. Мученики мелкого кредита. Без определенных занятий // Собрание сочинений в 9 т. — М., 1955—1957. Т. 4, М., 1956.
- Устав князя Ярослава о мостех. // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — М., 1984.
- Уткин, Анатолий. Аргументы российского оптимизма // *Главная тема*. № 2, декабрь 2004.
- Уткин, Анатолий. Вызов Запада и ответ России. — М., 2005.
- Уткин, Анатолий. Когда страну не жалко // *Литературная газета*. № 2—3 (6258), 27 января 2010.
- Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1—2. — СПб., 1991—1992.
- Ферро, Марк. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М., 1992.
- Флетчер, Джильс. О государстве русском. — М., 2002.
- Флоря Б. Н. Иван Грозный. — М., 1999.
- Фуко, Мишель. Надзирать и наказывать. — М., 1999.
- Ходасевич, Владислав. Законодатель. // Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. — М., 1997.
- Хрестоматия по истории СССР. Сост. С. С. Дмитриев и М. В. Нечкина. Т. 2. — М., 1949.
- Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991.
- Ченслер, Ричард. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны // В книге: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». — Л., 1938.
- Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. — М., 1978.

- Чичерин Б. Н. О народном представительстве. — М., 1866.
- Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. — М., 1856.
- Чубайс, Игорь. Разгаданная Россия. — М., 2005.
- Чугунов Т. К. Деревня на Голгофе. — Мюнхен, 1968.
- Швидковский, Дмитрий и Шорбан, Екатерина. Московские особняки. — М., 1997.
- Шерстобоев В. Н. Илимская пашня: В 2 т. 2-е изд. — Иркутск, 2001.
- Шмелев, Иван. Лето Господне (многочисленные издания).
- Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. — М., 1973.
- Шпенглер, Освальд. Закат Европы. — Минск, 2000.
- Штильман Г. Внепарламентское законодательство в конституционной России (Статья 87 Основных Государственных законов). — СПб., 1908.
- Щербатов М. М. Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каком она ныне есть, в рассуждении просвещения и славы. // *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Кн. I, 1860.
- Щербина Ф. А. Кубанское казачье войско 1696—1888. — Воронеж, 1888.
- Щербина Ф. А. Русская земельная община. // *Русская мысль*. № 5, 1880.
- Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 1—55, 57, 58, доп. т. 1. — М., 1910—1948.
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 1—82, доп. т. 1—4. — СПб., 1890—1907.
- Янов А. Л. Европа в политической традиции России. // В книге: «П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции». — М., 2000.
- Янов А. Л. Российские либералы против русской истории. // *Дружба народов*, № 11, 1996.
- Amburger, Eric. Geschichte der Behordenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. — Leiden, 1966.
- Blum J. Lord and Peasant in Russia from the 9th to the 19th century. — Princeton, 1972.
- Brodsky J. Why Milan Kundera Is Wrong About Dostoevsky? // *Cross Currents*. № 5, 1986.
- Büsching, Anton Friedrich. Erdbeschreibung oder Universal-Geographie. — Kopenhagen, 1754. Т. 1.
- Churchill, Ward. A Little Matter of Genocide: Holocaust and Denial in the Americas 1492 to the Present — San Francisco, 1997.
- Churchill, Ward. Fantasies of the Master Race: Literature, Cinema, and the Colonization of American Indians — San Francisco, 1998.
- Cobbet, William. The History of the Protestant Reformation in England. — London. 1980.

- Cunningham, James W.* A Vanquished Hope: The Movement for Church Renewal in Russia, 1905—1906. Crestwood, NY, 1981.
- David, Jay.* The American Indian: The First Victim. — New York, 1972.
- Drinnon, Richard.* Facing West: The Metaphysics of Indian-Hating and Empire-Building. — Minneapolis, 1980.
- Durtain, Luc.* L'Autre Europe. Moscou et sa foi. — Paris, 1928.
- Fischer A.* Grundriss der sozialen Hygiene. — Karlsruhe, 1925.
- Frankland, C. Colville.* Narrative of visit to the courts of Russia and Sweden, in the years 1830 and 1831. — London, 1832.
- Gordon, Pierre.* Le geant Gargantua. — Paris, 1998.
- Gordon, Pierre & Spodheim, Renee.* Sex and religion. — New York, 1949.
- Halperin, Charles.* Russia and the Golden Horde. — Bloomington, 1985.
- Kaiser, Robert G.* Russia: The People and the Power. — N. Y., 1976.
- Kaufmann-Rochard J.* Origines d'une bourgeoisie russe, XVI-e — XVII-e s. — Paris, 1969.
- Keennan E. L.* On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors. // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia. — London, 1994.
- Kennedy, Paul.* The Rise and the Fall of the Great Powers. — London, 1988.
- Koestler Arthur.* The Thirteenth Tribe. — London, 1976.
- Kollmann N. S.* By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. — Ithaca & London, 1999.
- Linz, Juan J.* The Breakdown of Democratic Regimes. — Baltimore/London, 1979.
- Massie, Suzanne.* The Land of the Firebird. The Beauty of Old Russia. — N. Y., 1980.
- Michelet, Jules.* Histoire de la France. Vol. 1—40. — Paris, 1893—1898.
- Mühlestein H.* Russland und die Psychomachie Europas. — München, 1925.
- Orwell, George.* Collected Essays, Journalism and Letters, v. II. — Harmondsworth, 1970.
- Pipes, Richard.* Flight from Freedom: What Russians Think and Want. // *Foreign Affairs*. May—June 2004.
- Simes D. K. & Saunders P. J.* The Kremlin Begs To Differ. — *The National Interest*, November/December 2009.
- Stannard, David E.* American Holocaust: the Conquest of the New World. — Oxford (Connecticut), 1993.
- The CIA World Factbook 2009 < <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html> >
- Veber, Eugene.* From Ordure to Order. // *The New Republic*, July 1, 1991
- Wells H. G.* Faith, morals and public policy of the New Republic // *Works*, vol. 4. — London, 1924/
- Williams, Neville.* Chronology of the Modern World 1763—1965. Penguin Books, 1975.
- Zajaczkowski, Wojciech.* Rosja i narody. — Warszawa, 2009.

Содержание

Предисловие	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕВОПЛОТИМОСТЬ УТОПИИ	39
Глава первая. Бодрый новый мир	41
1. Задолго до всякой надежды	41
2. Откуда взялся авторитаризм?	47
Глава вторая. Сопротивление материала	50
1. Возврат сознания	50
2. Нас не переделать	53
3. Утопия выбрала не ту страну	57
Глава третья. Воздействие «Второй России»	60
1. Сладость запретного плода	60
2. Закупорить СССР не удастся	65
3. Сороковые годы: вопреки всему	70
4. Поверх барьеров	74
Глава четвертая. Вы, друзья, как ни садитесь...	80
1. Погружение в трясину	80
2. Главный могильщик	85
3. Стремительность пробуждения	89
4. Воздух российской свободы	92
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРЕОДОЛЕНИЕ УТОПИИ	99
Глава первая. СССР на финишной прямой	101
1. Не из-за нефти	101
2. Огромные выгоды, упущенные Горбачевым	104
3. Разжигание страстей	107
4. Победа юридика	111
5. Кто первым вышел из СССР?	116

Глава вторая. Как на лету переделать дирижабль в самолет	120
1. Своевременное расставание с республиками	120
2. Мост к новой России	124
3. «...проведа страну по лезвию ножа»	128
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРЕОБРАЖЕНИЕ СОСТОЯЛОСЬ	133
Глава первая. Напрасное уныние в стане победителей	135
1. Чист ли Николай II перед советской властью?	135
2. «Не отдадим свое поражение никому!»	140
3. Конспирологическая дурь	144
Глава вторая. Ощутить историческую правоту	149
1. Где наступательная идеология?	149
2. Если уж судьба расщедрилась	152
3. Арьергардные бои «совка»	156
4. Презумпция благих намерений	162
Глава третья. Проблема портрета нации	167
1. Как вы яхту назовете, так она и поплывет	167
2. Мы легко верим вздору о себе	173
3. «Тихий переход к свободе»	176
4. Повторное освоение России как национальная идея	182
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.	
СЛАГАЕМЫЕ ИСТОРИЧЕСКОГО УСПЕХА	186
Преодоленные катастрофы и срывы	187
Русский фактор в судьбах Европы	189
Ни дня зависимости от Запада	191
Сохранение уникальной территории	193
Положительная эволюция российского суперэтнуса	195
Население, адекватное своей стране	203
Поразительное культурное единство	208
Рождение Всемирной России	210
Изъян, не унаследованный новой Россией	220
Обновленное социальное поле	222
Россия не нуждается в миграционной подпитке	225
Российское общество быстро осовременивается	230
ПРИЛОЖЕНИЕ	235
Дача, русское изобретение	239
Пересечь Азию	253
Русские немцы. Вопрос непростой	283
Гимн великому городу	294
Литература	303

*Массово-политическое издание
Истинная Россия*

Горянин Александр Борисович

**Россия
История успеха
После потопа**

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редактор *С. А. Бессонова*
Контрольный редактор *Л. А. Мухина*
Компьютерная верстка: *К. И. Бобрусь*
Корректор *Т. Е. Антонова*
Изготовление макета: *ООО «Прогресс РК»*

Подписано в печать 14.04.2010 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура «Pragmatica».
Печ. л. 20,0. Тираж 3000 экз.
Заказ №

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32